

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта (МИИТ)»

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 6(65)

Ноябрь-Декабрь

Москва

2017

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор), Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. №6 (65). – 130 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy Lvovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Urëvich Deputy Chief Editor, Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Lilija Valerëvna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.):
scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2017. – Edition 6 (65).
– 130 p.

Scientific, social and cultural magazine «P.O.I.S.K.» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestationion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор.

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матяя Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

- Миронов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России
- Нарбут Н.П** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Смолин О.Н.** Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ
- Сосунова И.А.** Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Чупров В.И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- Шабров О.Ф** Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

- Gorbunov A.A.** Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
- Ivanov V.N.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

THE COUNCIL MEMBERS

- Vdovichenko L.N.** Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission
- Dmitriev A.V.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor
- Zapesotskiy A.S.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
- Kapto A.S.** Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS
- Kulashik Peter** Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia
- Lebedev S.N.** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature
- Markovich Danilo** Academician, member of the Serbian Academy of Education, a foreign member of the Russian Academy of Education, Belgrade, Serbia
- Marshak A.L.** Senior Federal Research Sociological Center, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

- Mironov A.V.*** Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Narbut N.P.*** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.*** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.*** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.*** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.*** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- ФЕДЯКИН И.В.** Информационно-политическое пространство современной России: состояние, проблемы, перспективы. 10
- ФЕЛЬДМАН П. Я.** Политика согласования интересов труда и капитала в странах Латинской Америки..... 19

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

- БИНЕЕВА Н.К.**
ЗОЛОТУХИН В.Е.
ПШЕГУСОВА Г.С.
ХОЦЕНКО В.П. Эффективность взаимодействия власти и общества в сфере регулирования межэтнических отношений в представлениях населения регионов Юга России.....28
- ВОДЕНКО К.В.**
ВАЛУЕВ Д.Г. Российская миграционная политика в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия.....38
- ВОЛКОВ Ю. Г.**
ДЕНИСОВА Г.С.
ВОИТЕНКО В. П. Межэтнические отношения в Китае: ценностная политика и институциональные практики.....45
- ВОЛКОВ Ю. Г.**
ПОПОВ А. В.
СТЕПАНОВ О.В.
ДЬЯЧЕНКО А.Н. Формирование гражданственности и гражданской идентичности в России: социально-гуманитарный курс.....53
- КУРБАТОВ В.И.**
МЕСХИ Б.Б.
ПАНФИЛОВА Ю.С.
СТЕПАНОВ О.В. Население Юга России о перспективах регулирования межэтнических отношений органами региональной власти и муниципального управления.....61
- МАЛЬСАГОВА Х.И.** Патриотизм в российском научном и интеллектуальном дискурсе: аксиологическое измерение.....68

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- ВОРОНОВ В. В.** Моделирование и прогнозирование межэтнических отношений в российских регионах.....74

КУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

- КОЧЕТКОВ П.Н** Процесс управления как социокультурный феномен и его современные модели.....84

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- КРАВЧЕНКО С.А.**
НОСКОВА А.В.
ТЕМНИЦКИЙ А.Л. Доверие к социальной науке: вызовы, диагностика, перспективы.....90

- СКВОРЦОВ К.В.** Культурно-образовательный процесс и современность: тенденции развития..... 103

НОВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКSIKA

- КРАВЧЕНКО С.А.**
КАПИТОНЕНКОВА Т.Д. Новейшая социологическая терминология Дж. Урри в работе «Что есть будущее?».....109

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- ЗАРУБИНА Н.Н.** Проблематика лженауки в России: риски демаркации различных форм знания..... 113

- ГОРБУНОВ А.А.** Особенности государственной транспортной политики в современных условиях и ее приоритетные направления в сфере развития железных дорог..... 124

- ГОНЧАРОВ П.К.** Политическая партия как представитель гражданского общества и институт политической системы..... 130

- КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ**..... 136

- ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ**..... 138

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

- FEDYAKIN I.V.** Informational-political space of modern Russia: state, problems, prospects.....10
- FELDMAN P. J.** The policy of harmonizing the interests of labor and capital in Latin America.....19

SOCIOLOGISTS OF THE SOUTH OF RUSSIA

- BINEEVA N.K.**
ZOLOTUKHIN V.E.
PSHEGUSOVA G.S.
KHOTSENKO V.P. Effectiveness of interaction of government and society in the sphere of regulation of interethnic relations in the representations of the population of the regions of the South of Russia.....28
- VODENKO K.V.**
VALUEV D.G. Russian migration policy in the context of interethnic and interreligious interaction.....38
- VOLKOV Y. G.**
DENISOVA G.S.
VOYTENKO V. P. Ethnic relations in China: policy values and institutional practices.....45
- VOLKOV Y. G.**
POPOV A.V.
STEPANOV O.V.
DYACHENKO A.N. Formation of citizenship and civic identity in Russia: socio-humanitarian discourse.....53
- KURBATOV V.I.**
MESKHI B.B.
PANFILOVA J. S.
STEPANOV O. V. Opinion of the population of the south of Russia on the prospects for the regulation of interethnic relations by the regional authorities and the municipal government.....61
- MALSAGOVA K.I.** Patriotism in Russian scientific and intellectual discourse: axiological dimension.....68

REGIONAL SOCIOLOGY

- VORONOV V.V.** Modeling and forecasting of interethnic relations in Russian regions.....74

CULTURAL PRACTICES

- KOCHETKOV P. N.** Process management as a sociocultural phenomenon and its contemporary models.....84

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- KRAVCHENKO S.A.**
NOSKOVAA.V.
TEMNITSKY A.L. Trust to social science: challenges, diagnostics, prospects.....90
- SKVORTSOV K. V.** Cultural and educational process and modernity: development trends.....103

NEW SOCIOLOGICAL LEXIS

- KRAVCHENKO S.A.**
KAPITONENKOVA T.D. The latest sociological terminology by J. Urry in the work «What is the future?».....109

POINT OF VIEW

- ZARUBINA N.N.** The problem of pseudoscience in Russia: the risks of demarcation of various forms of knowledge.....113
- GORBUNOV A.A.** Features of the state transport policy in moderconditions and it's priorities in the field of railway development.....124

- GONCHAROV P.K.** Political Party as a Representative of Civil Society and the Institute of Political System.....130

- CONFERENCE. SEMINARS. SYMPOSIUMS**.....136

- RULES OF PUBLICATION:**.....140

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ФЕДЯКИН

Иван Владимирович
доктор политических наук,
доцент, профессор кафедры
«Политология, история и
социальные технологии»
Российского университета
транспорта (МИИТ),
fedyakin_iv@mail.ru,
(495) 684-21-28.

FEDYAKIN

van Vladimirovich
doctor of political sciences, associate
professor, professor of department of
«Political science, history and social
technologies» of Russian University
of Transport (MIIT).

fedyakin_iv@mail.ru,
(495) 684-21-28.

Информационно-политическое пространство современной России: состояние, проблемы, перспективы/ Informational-political space of modern Russia: state, problems, prospects

Аннотация

В статье рассматриваются текущее состояние, ключевые проблемы и перспективы развития информационно-политического пространства современной России. На основе методологии политико-ситуационного подхода и факторного анализа раскрывается специфика отечественного информационно-политического пространства, выделяются его проблемные моменты и указываются возможные пути их решения. Особое внимание уделено рассмотрению угроз и вызовов информационному пространству современной России, носящих как внутри-, так и внешнеполитический характер. Отдельно рассматриваются такие субъекты российского информационного пространства, как средства массовой информации, прежде всего пользующееся особой популярностью телевидение.

Ключевые слова

Информационное пространство; государственная информационная политика; современная Россия; средства массовой информации; информационное общество.

Abstract

The article discusses the current status, key problems and prospects of development of information and political space of modern Russia. Based on the methodology of political-situational approach and factor analysis, the article considers specificity of domestic information and political space, outlines its problematic issues and points out possible ways of their solution. Special attention is paid to analysis of the threats and challenges to the information space of modern Russia that have domestic and foreign background. Also such constituent elements of the Russian information space as the media especially TV which is popular among the audience are considered.

Keywords

Information space; public information policy; modern Russia; mass media; information society.

Подходящее к концу второе десятилетие XXI в. с наглядной очевидностью показало, что обозначившиеся несколькими годами ранее тенденции к возрастанию роли информационной составляющей в сфере политического стали не только

устойчивыми, но и одними из доминирующих. Вне широкого информационного контекста и без надлежащего информационного сопровождения не проходит теперь ни одно государственное мероприятие внутри- или внешнеполитического масштаба. Все большее число субъектов на глобальной, региональных, национальных и локальных политических аренах пытаются овладеть доступами к важнейшим информационным ресурсам и потокам, стать активными и полноправными участниками информационно-коммуникационного обмена, а нередко – и перестроить соответствующее информационное пространство, исходя из собственных интересов и приоритетов. В условиях, когда имеет место значительное и постоянное усложнение мира политики, обострение имеющихся и появление новых противоречий глобального характера, а также усиление конкуренции между различными политическими субъектами – национальными государствами, межгосударственными союзами и объединениями, транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, международными теневыми образованиями и т.д. – за влияние и обладание жизненно важными ресурсами, информацией и структуры, ее производящие и распространяющие, с одной стороны, начинают играть особую роль, осознавая собственные интересы и возможности, с другой стороны, становятся объектом не просто пристального внимания, но и притязаний со стороны ведущих акторов.

Особую остроту данный вопрос приобретает в контексте задач по формированию концептуальных оснований и выработке эффективных механизмов реализации государственной информационной политики – совокупности мероприятий специально уполномоченных органов государства в информационной сфере, являющейся одной из наиболее значимых в настоящее время областей жизни социума, которая имеет как внутри-, так и внешнеполитические измерения. В условиях необычайно динамичного и крайне противоречивого развития данных измерений, касающихся всего мира в целом и отдельных национальных сообществ в частности, поиск оптимального сочетания государственного регулирования информационной сферы при сохранении основ экономической и творческой самостоятельности тех или иных видов СМИ, нахождение гармоничного баланса между корпоративными и общенациональными интересами становятся особо важными задачами информационной политики государства. Их практическое решение при ставших уже традиционно непременными, а нередко весьма напряженными – постоянно или периодически – взаимоотношениях власти и масс-медиа в подавляющем большинстве развитых стран мира делает востребованным комплексные подходы, учитывающие как зарубежный позитивный опыт, так и собственные традиции и специфику.

В частности, необходимо четкое обозначение интересов государства в информационной сфере, так или иначе связанных, прежде всего, с обеспечением национальной безопасности, сохранением суверенитета и территориальной целостности страны¹. Здесь может быть задействован любой инструментарий, не вступающий в противоречие с фундаментальными гражданскими правами и свободами, а также с нормами международного и национального законодательства. Кроме того, необходимо учреждение широкой сети общественных масс-медиа общенационального, регионального и муниципального уровней, способных осуществлять информационное обеспечение различных субъектов, удовлетворять информационные потребности тех или иных социальных слоев и групп. Это особенно важно для сохранения здоровой экономической и политически конкурентной среды в условиях, с одной стороны, довольно суровых рыночных реалий, с другой стороны, наличия у государства как субъекта политики специфических возможностей не только участия, но и регулирования всех сфер жизни социума.

В настоящее время весьма актуальной задачей является скорейшее и всестороннее восполнение пробелов, имеющихся в профильном российском законодательстве в информационной сфере. В частности, необходимо наладить политическое и правовое регулирование процессов концентрации собственности

1 Федякин А.В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 8-33.

российских СМИ, возникновения и функционирования крупных медиа-холдингов, так или иначе связанных с отечественными ФПГ и зарубежными ТНК, ибо сильная зависимость национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры от финансово-промышленных групп так же опасна для социума, как и диктат государства. Наряду с этим, в России пока не регламентированы никаким законом вопросы контроля за манипулятивными действиями со стороны СМИ, отсутствует какая-либо государственная или общественная структура, способная остроту данной проблемы. Ведь через печатные и электронные СМИ могут быть использованы достаточно простые средства неосознаваемого внушения, которые способны не просто нанести определенный морально-психологический ущерб индивиду, но и разрушить личность как таковую. Еще один пример – отсутствие нормативной базы, регламентирующей порядок формирования и поддержания ведомственных информационных ресурсов, доступа к ним граждан. Другой пример пробела в отечественном законодательстве являет собой Интернет, уже давно превратившийся в мощнейший информационно-политический ресурс, обладающий гораздо большей оперативностью и емкостью по сравнению со многими другими СМИ. Наконец, в подавляющем большинстве аспектов остается недостаточно разработанным законодательство о национальном телевидении, о деятельности телевизионных компаний федерального и регионального уровня, а также различных форм собственности.

Современному российскому информационному пространству присущ и целый ряд других проблем. И хотя, как пишет И.С. Мелюхин, эти проблемы имеют много общего с аналогичными процессами в других странах, что объясняется быстрым распространением новейших информационно-коммуникационных технологий, а также глобализацией мирового рынка информационно-технологических товаров и услуг¹, вместе с тем, имеет место и отечественная специфика, вопросы и задачи, трудности, характерные сугубо для информационно-коммуникационной сферы нашей страны.

Прежде всего, необходимо отметить такую черту, как незавершенность процесса формирования единого информационного пространства в современной России, что чревато целым комплексом внутриполитических угроз и вызовов извне. И хотя детальный анализ данных проблем выходит за рамки настоящей статьи², отметим ряд принципиальных, на наш взгляд, моментов.

Первая проблема состоит в том, что имеет место развитие региональных и локальных информационных пространств не просто как независимой альтернативы федеральному, но и нередко в ущерб общероссийским интересам. Достаточно сказать, что, несмотря на наличие, ряда федеральных нормативно-правовых актов и документов концептуального характера, где зафиксированы общие подходы к построению единого информационного пространства страны и проведению единой государственной информационной политики, во многих субъектах РФ при всей специфике понятийно-категориального аппарата и системы наименований сохраняются принципиальные отличия в подходах к формированию информационного пространства и осуществлению информационной политики в рамках не только региона, но и отдельных муниципальных образований. Российское политико-правовое поле изобилует массой вышедших из-под пера региональных и муниципальных исполнительных и представительных органов концепций, доктрин, нормативных актов и т.п., которые весьма слабо корреспондируют друг с другом и по горизонтали, и по вертикали – прежде всего с общенациональными документами. Получается, что на региональном и муниципальном уровнях осуществляется своя информационная политика и формируется свое информационное пространство,

1 См.: Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 181.

2 Более подробно о внутренних и внешних вызовах в современной информационной сфере см., в частности: Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015. 272 с.; Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. Монография. М.: горячая линия – Телеком, 2012. 543 с.; и др.

параметры которых порой не просто частично не совпадают, но и в принципиальном плане разительно отличаются от федеральных аналогов. В частности, региональное законодательство нередко устанавливает ограничения, не предусмотренные федеральными актами, или же наоборот, сохраняет отмененные ранее (административные барьеры для выхода СМИ на рынок, усложнение процедуры лицензирования, запрет на распространение информационной продукции и т.д.), что в конечном счете подрывает конституционный принцип равенства прав и свобод граждан, в том числе в информационной сфере (п. 2 ст. 6 Конституции РФ), а также гарантии единства экономического пространства (п. 1 ст. 8 Конституции РФ)¹. Тем самым, одним из важнейших приоритетов государственной информационной политики современной России должно стать обеспечение единства информационного пространства страны с точки зрения его нормативно-правовой и политико-концептуальной составляющих.

Другая проблема – угрозы внешнего свойства. Как известно, после развала создававшейся десятилетиями централизованной советской информационной системы (центральное телевидение, общесоюзное радио, «Союзпечать» и т.д.) в качестве единственных скреп информационного пространства страны остались только телевидение и радио, оказавшиеся к тому же один на один с вызовами и императивами рыночной экономики. При этом в российском социуме стали происходить кардинальные изменения в структуре и характере потребления продукции масс-медиа, да и авторитет последних, их влияние на формирование общественного мнения также стали меняться: если в доперестроечный и перестроечный периоды предпочтение отдавалось прессе, то после первенство перешло и прочно закрепилося за телевидением. Все это так или иначе способствовало тому, что возникший с распадом СССР и крушением коммунистической доктрины идеологический вакуум начал наполняться информационно-политическими продуктами импортного происхождения, а отечественное информационное пространство подверглось небывалой по масштабам и агрессивности экспансии со стороны крупнейших зарубежных (прежде всего, северо-американских и западноевропейских) медиа-корпораций². Результаты этой экспансии хорошо известны: моральный и духовный потенциал социума был существенно подорван, героическое прошлое страны стало предметом жесткой ревизии и даже поругания, исконно российские ценности и архетипы были замещены иностранными симулякрами и суррогатами, общество чуть было не погрузилось в анархию информационно-психологической войны, государство оказалось на грани развала, наконец, появилось «поколение пепси», «поколение MTV», «поколение Интернет» – большое количество молодых людей с «глобальным» сознанием, без чувства Родины, которым безразлична Россия, чуждо все с ней связанное. И хотя сегодня многие из негативных последствий реформаторского лихолетья 1990-х годов удалось если не устранить, то так или иначе сгладить, вместе с тем, проблем в данной сфере остается немало. Более того, считаем необходимым подчеркнуть, что было бы весьма опрометчивым сбрасывать со счетов угрозы внешнего происхождения для государства и общества: пока единое информационное пространство не сформировано, реальна дезинтеграция отдельных его частей, за которой может вполне последовать и дезинтеграция политического пространства России (в том числе посредством дискредитации федерального Центра и проводимой им политики внутри страны и за ее пределами, провоцирования столкновений на этнической и конфессиональной почве в регионах с неоднородным составом населения, обострения социальной напряженности, «евроинтегрирования» Калининградской области, «китаизации» Дальнего Востока, «ояпонивания» Курильских островов и т.д.). И события последних лет, прежде всего беспрецедентная антироссийская истерия, развязанная Западом и порой доходящая просто до абсурда (чего стоят

1 Конституция Российской Федерации. М., 2017. С. 5-6.

2 Так, если в 1974 г. в СССР число телепрограмм иностранного производства насчитывало лишь 5%, в 1984 г. – 8%, то в 1997 г. из общего числа программ российского телевидения 60% были импортными, а из сериалов – 100% иностранного производства (Рантаген Т. Глобальное и национальное. Масс-медиа и коммуникации в посткоммунистической России. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 92).

одни только покемоны!) – наглядное тому подтверждение.

Еще одна черта, характеризующая информационное пространство современной России и напрямую связанная с первой, – неравномерность развития отечественного информационного пространства. Сегодня оно может быть охарактеризовано все еще как крайне неоднородное, ему по-прежнему присущи фрагментарность, мозаичность, очаговость, локализованность в рамках отдельных административно-территориальных образований, содержательная разорванность и даже хаотичность. Информационные ресурсы, производители информационных услуг, информационно-коммуникационная инфраструктура распространены по территории страны крайне неравномерно, чаще всего без учета реальных потребностей в них институтов гражданского общества и государства.

С одной стороны, подобная неравномерность является следствием структурных перекосов в российской экономике, в которую в качестве отдельного сектора так или иначе интегрирована медийная сфера. Здесь неравномерность есть результат в том числе несопряженности векторов и разности потенциалов развития государственных и негосударственных производителей информационной продукции и услуг. Сегодня негосударственные организации доминируют на рынке коммерческой информации (базы и банки данных финансовой, банковской, биржевой и т.д. информации), зачастую существенно опережая государственные в случаях наличия устойчивого спроса на определенные виды информационных продуктов и услуг. И хотя подобный плюрализм организации доминируют на рынке форм собственности предприятий и организаций не вызывает сомнений, вместе с тем, следует помнить, что сфера информации и массовых коммуникаций является одной из стратегически значимых для жизнедеятельности и устойчивого развития общества и государства, а потому последнее должно быть представлено в ней всесторонне и симметрично негосударственным субъектам. Это важно еще и потому, что само государство является потребителем информационных продуктов и услуг, без которых невозможно функционирование органов власти и управления, а также реализация гражданами своих прав и свобод – приоритеты, отнюдь не всегда совместимые с устремлениями негосударственных игроков рынка и политики.

С другой стороны, неравномерность развития современного отечественного информационного пространства отражает неравномерность развития территории страны, российского пространства как такового, его инфраструктуры, включая транспортные коммуникации и т.д.¹

Какой отпечаток данные обстоятельства накладывают на качества и характеристики современного российского информационного пространства?

С одной стороны, наблюдается переизбыток информационных ресурсов на одних территориях и их недостаток или полное отсутствие на других. Как следствие, имеет место либо ожесточение конкуренции, подчас не вполне добросовестной, между различными субъектами информационно-коммуникационной деятельности за влияние, либо слабая скоординированность текущей работы центральных и местных органов власти и управления, неразвитость механизмов целеполагания, либо недостаточная информированность населения, отсутствие у него актуальной информации о социально значимых проблемах своей страны, региона, муниципального образования и т.п. Это, в свою очередь, может внести элементы хаоса в систему государственного управления, а также создать большие возможности для манипулирования общественным сознанием в корыстных целях, причем различными силами как внутри страны, так и за ее пределами.

С другой стороны, нередки случаи наполнения региональных информационных пространств информационными потоками и продуктами из федерального Центра. Это приводит к парадоксальному сочетанию в массовом сознании местных жителей, с одной стороны, симптомов политической апатии, безразличия к политическим

¹ См.: Федякин А.В. Эволюция приоритетов государственной транспортной политики России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994-2015 гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 1. С. 70-86.

процессам, происходящим в своем городе, районе и т.п., а с другой стороны, мотивов сравнения с Москвой – прежде всего в аспекте уровня жизни. Сохраняющееся в условиях кризисных явлений простое социально-экономическое положение населения большей части регионов России¹ в соединении с болезненным восприятием очевидных преимуществ, существующих «в пределах МКАД», при прочих равных условиях может стать причиной осложнения процесса идейно-политической самоидентификации основной массы российских граждан.

Наконец, еще одна тенденция заключается в усилении корпоративного присутствия в локализирующихся сегментах информационного пространства страны. Как известно, на территории Российской Федерации существует несколько десятков вертикально-интегрированных ФПГ, холдингов и т.д., по масштабам своей деятельности и влиянию на экономическую, социальную, политическую и иные важнейшие сферы общественной жизни являющихся регионообразующими. От их функционирования нередко зависит материальное положение не только отдельных муниципальных образований, но и целых субъектов РФ. Подчас выступая в качестве «государства в государстве», данные ФПГ, холдинги и т.д. артикулируют и реализуют свои узкокорпоративные интересы, отнюдь не всегда соответствующие интересам региональным и общенациональным. Тем самым имеет место неоднородность информационного пространства страны по корпоративному признаку, накладывающая отпечаток на характер деятельности субъектов информационно-коммуникационной сферы, а также содержание и качество информационных продуктов и услуг.

Подчеркнем: во всех трех обозначенных выше случаях проблема заключается не только в том, что федеральные СМИ освещают происходящее лишь в «пределах Садового кольца», а подача новостей региональными СМИ, равно как и сами новости больше походят на «одна бабка сказала»; и даже не только в том, что телевизионные и радиочастоты, а также трансляционные сети далеко не всегда оправданно переходят от государственного собственника к частному. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что, маркируясь и маскируясь разграничением предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами, формой собственности, партийно-политической или корпоративной принадлежностью и т.п., подавляющее большинство СМИ все чаще и чаще не только не пытаются, но и не считают необходимым последовательно и всесторонне освещать происходящие события, давать им беспристрастный комментарий, отображать весь спектр существующих в обществе мнений. Напротив, в том сегменте общероссийского информационного пространства, где функционирует данное СМИ, практически устанавливается его монополия на истину, соответственно, федерального, регионального или муниципального значения. В последних двух случаях, в силу отсутствия конкуренции на соответствующем сегменте медиа-рынка и слабости структур гражданского общества, данная тенденция в последнее время становится особенно заметной (нередко имеет место прямое государствление – «орегионивание» и «омунICIPализация» – СМИ под предлогом спасения их от экономического краха или во имя «интересов государственной политики»).

Существуют и другие, весьма противоречивые тенденции развития российского информационного пространства в условиях его неоднородности и неравномерности.

Так, с одной стороны, современный отечественный рынок информации, информационных технологий, средств, продуктов и услуг является одним из наиболее динамично развивающихся секторов российского рынка, причем развивающимся по пути активного импортозамещения. Сейчас все программно-техническое обеспечение процессов информатизации и развития телекоммуникаций обеспечивается российским информационным рынком, на котором все новейшие средства и технологии появляются практически одновременно с их появлением на зарубежных рынках. С другой стороны, по показателям доступности

¹ См.: Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2017 года // Российская газета. 2017. 13 сентября. С. 13-15.

информационных ресурсов Россия по-прежнему отстает от многих развитых стран мира. Причинами этого отставания являются дороговизна коммерческих ресурсов для массового пользования, отсутствие у многих ресурсов справочного аппарата и средств навигации, непривлекательность некоторых ресурсов с точки зрения товарной формы и т.п.

Кроме того, Россия не имеет сегодня достаточных средств и производственных мощностей для полностью самостоятельного создания и развития национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, поэтому она по-прежнему вынуждена привлекать для этого капиталы, технику и технологии развитых стран. А это весьма проблематично в условиях «санкционной войны», объявленной нашей стране Западом.

Все анализируемые выше тенденции развития современного российского информационного пространства так или иначе дают о себе знать на федеральном и региональном телевидении¹. Подавляющая часть населения России, согласно опросам общественного мнения², является потребителем информационных продуктов федеральных телеканалов, что обусловлено их более высокими качеством, жанрово-тематическим разнообразием, техникой исполнения, оперативностью выхода на экраны и т.д. Вместе с тем, согласно данным тех же опросов, информационные программы общероссийских телеканалов, как правило, недостаточно освещают местную проблематику, интересующую зрителей в регионах. Этот пробел в федеральном телевидении призваны заполнить региональные телекомпании, которые, однако, в своей деятельности сталкиваются с целым комплексом проблем системного и специфического свойства. В их числе – и порой весьма непростые взаимоотношения с региональными и муниципальными администрациями (проблемы, с которыми, о чем говорилось ранее, сталкиваются многие СМИ на местах), и недостаточность финансирования (в случае государственных телерадиокомпаний – нерегулярное и неполное финансирование, в случае коммерческих телекомпаний – отсутствие налоговых и иных льгот), и нехватка квалифицированных кадров (равно как и средств на их подготовку и переподготовку), и отсутствие единой технической политики среди телевещателей и производителей (это сказывается в том числе на качестве эфира – той «картинки», которую видит телезритель), и пока еще слабое техническое оснащение регионального телевидения (многие телекомпании в регионах по-прежнему работают на технике «любительского» формата, а трансляционные сети местного значения не позволяют обеспечить полное покрытие территории).

В качестве одной из специфических проблем функционирования федерального и регионального телевидения в российском информационном пространстве следует назвать отсутствие вертикальных и горизонтальных связей по обмену информацией, продуктами и услугами, равно как и опытом их оказания для различных категорий зрительской аудитории. С одной стороны, информационная продукция региональных телекомпаний практически не представлена на федеральном уровне, где доминируют преимущественно столичные и зарубежные новости³. По существу, региональные телеканалы в подавляющем большинстве случаев функционируют автономно от федерального телевидения, а тем самым изолированы от Центра, что явно не способствует единству информационного пространства страны. С другой стороны, не налажено взаимодействие между самими региональными телекомпаниями. Нередки случаи, когда жители смежных с административными границами субъектов РФ муниципальных образований весьма плохо осведомлены о жизни своих соседей.

1 Подробно см.: Федякин И.В. Государственное телевидение России в общенациональном информационном пространстве // Вестник Российской нации. 2010. № 3. С. 100-111.

2 См.: сайты **Исследовательского холдинга Ромир** (<http://www.romir.ru>), **Фонда Общественное мнение** (<http://www.fom.ru>), **Всероссийского центра изучения общественного мнения** (<http://wciom.ru>).

3 За исключением, пожалуй, телеканала «Россия 1» (ВГТРК), регулярно транслирующего в общероссийском эфире так называемые региональные вставки – новостные программы «Вести регионов».

Бывает и обратное: в силу большой протяженности, а подчас и весьма причудливой пространственной конфигурации регионов и «изгибчивости» их административных границ территория одного субъекта РФ плохо покрывается вещанием собственных телекомпаний, зато хорошо обеспечена вещанием телекомпаний соседнего субъекта. В итоге местные жители, находясь в административно-политическом пространстве одного региона, оказываются в информационном пространстве другого, что в конечном счете не может не сказываться на процессах их региональной самоидентификации и т.д. Казалось бы, проблема не слишком серьезна, ведь в конце концов все являются жителями одной страны и так или иначе получают одинаковую «порцию» главных новостей. Но как быть с субъектами Федерации, имеющими сложный с этноконфессиональной и социокультурной точек зрения состав населения, а также неурегулированные вопросы по поводу своих границ (случай Чеченской Республики и Ингушетии – яркий тому пример)?

Еще одна специфическая проблема, так или иначе вытекающая из общих проблем информационного пространства страны, – соотношение качества телепродукции и экономической эффективности в рыночных условиях. По существу, перед региональными телевещателями стоит выбор: либо производить собственный информационный продукт, либо купить готовую и уже «обкатанную» продукцию у других федеральных и региональных компаний. Вместе с тем, очевидно, что невозможно дать в эфир полностью скопированную программу федерального телеканала или телестудии другого субъекта РФ без ее адаптации к потребностям местных зрителей, так или иначе связанным с локальной средой их проживания. Здесь же возникает проблема содержательного наполнения сетки вещания региональных телеканалов, связанная с учетом особенностей различных сегментов зрительской аудитории: ведь если телекомпания имеет возможность создавать широкий спектр собственных программ (от новостных до развлекательных), но неумело размещает их в сетке вещания, то они не принесут ей ни должного внимания зрителей, ни расширения их аудитории, ни дополнительной прибыли.

В целом, значение формирования единого и эффективно функционирующего информационного пространства для нормальной жизнедеятельности и динамичного развития России – страны с огромной территорией, особым геополитическим положением и многовековыми историческими традициями – невозможно переоценить. С одной стороны, информация становится основой выработки и принятия решений любого уровня, будь то федеральный, региональный или муниципальный, а, следовательно, и основой всех управленческих процессов. С другой стороны, она сама является одним из основных объектов государственного управления, т.к. информационные ресурсы по своему значению равны иным ресурсам – человеческим, производственным, сырьевым, военным и т.п., составляющим экономический и политический потенциал нашей страны. Тем самым представляется важным еще раз подчеркнуть значимость для России формирования и реализации отвечающей современным реалиям, угрозам и вызовам, глубоко продуманной, системной и проактивной государственной информационной политики.

Библиография

1. Володенков С.В. Интернет-коммуникация в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015. 272 с.
2. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2012. 543 с.
3. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Издательство Московского университета, 1999. 208 с.
4. Федякин А.В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 8–33.

5. Федякин А.В. Эволюция приоритетов государственной транспортной политики России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994-2015 гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 1. С. 70-86.
6. Федякин И.В. Государственное телевидение России в общенациональном информационном пространстве // Вестник Российской нации. 2010. № 3. С. 100-111.

References

1. Volodenkov S.V. Internet communications in the global space of modern political governance. [Internet-kommunicatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya] Moscow: house of Moscow University; Prospect, 2015. 272 p.
2. Manoilo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. State information policy in conditions of information-psychological war. [Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoi voiny] Moscow: Hot line – Telecom, 2012. 543 p.
3. Melukhin I.S. The Information society: origins, problems, development trends. [Informatsionnoe obshchestvo: istoki, problem, tendetsii razvitiya] Moscow: Publishing house of Moscow University, 1999. 208.
4. Fedyakin A.V. National interests and strategic priorities of society and the state in modern concepts and doctrinal documents of the Russian Federation [Natsional'nye interesi i strategicheskie prioritety obshchestva i gosudarstva v sovremennykh kontseptsiyakh i doktrinal'nikh dokumentakh Rossiiskoi Federatsii] // Bulletin of Russian nation. 2017. № 3. 8-33 p.
5. Fedyakin A.V. Evolution of the priorities of the state transport policy of Russia in the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly 1994-2015. [Evolutsiya prioriteto gosudarstvennoi transportnoi politiki Rossii v poslaniyakh Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu 1994-2015 gg.] // POISK: Policy. Social science. Art. Sociology. Culture: scientific, social and cultural magazine. 2016. № 1. 70-86 p.
6. Fedyakin I.V. Public television of Russia in the national information space [Gosudarstvennoe televidenie Rossii v obshchenatsional'nom informatsionnom prostranstve] // Bulletin of Russian nation. 2010. № 3. 100-111 p.

ФЕЛЬДМАН

Павел Яковлевич

*к. полит. н., доцент, доцент
кафедры философии и социологии
ОУП ВО «Академия труда и
социальных отношений»,
Москва, Россия*

pavelfeld@mail.ru

FELDMAN

Pavel Jakovlevich

*candidate of political sciences,
docent
the associate professor of the de-
partment of philosophy and social
science of the
«Academy of labour and social
relations», Moscow, Russia
pavelfeld@mail.ru*

Политика согласования интересов труда и капитала в странах Латинской Америки/ The policy of harmonizing the inter- ests of labor and capital in Latin America

Аннотация

В настоящей статье осуществляется политологический анализ латиноамериканского подхода к упорядочению политических отношений между государством, профессиональными союзами и ассоциациями работодателей. Приоритетное внимание уделяется странам, чей практический опыт представляет ценность для современной России. В частности, автором выявляются сильные и слабые стороны политики согласования интересов труда и капитала, реализуемой в Бразилии, Аргентине, Венесуэле, Чили и Мексике. Применение институционального и системного подходов, наряду с эмпирическими методами, позволяет сделать вывод о том, что все перечисленные страны идут по стезе корпоративизма. Однако данная модель демонстрирует свою эффективность лишь в сочетании с национально ориентированной экономической политикой, которая зиждется на принципах патриотизма, здорового протекционизма и девелопментализма. Как показывает опыт крупнейших латиноамериканских держав, волюнтаристский переход к неолиберальной модели может привести к разбалансировке интересов государства, труда и капитала, что спровоцирует не только экономический коллапс, но и политический кризис.

Ключевые слова

Политика согласования интересов; профсоюзы; корпоративизм; гражданское общество; политические институты.

Abstract

This article is devoted to the political analysis of the Latin-American approach to regulate the political relations between the state, trade unions and employers' associations. Priority is given to countries whose practical experience is valuable for modern Russia. In particular, the author reveals the strengths and weaknesses of the policy of harmonizing the interests of labor and capital, implemented in Brazil, Argentina, Venezuela, Chile and Mexico. The use of institutional and systemic approaches along with the empirical methods, leads to the conclusion that all these countries are on the path to corporatism. However, this model has demonstrated its effectiveness only in combination with the nationally oriented economic policy, which is based on the principles of patriotism, healthy protectionism and developmentalism. In accordance with the experience of major Latin American countries, a voluntary transition to the neoliberal model may lead to the imbalance of interests of the state, labour and capital, which causes not only economic collapse but also political crisis.

Keywords

Policy of harmonizing the interests, trade unions, corporatism, civil society, political institutions.

На современном этапе Российская Федерация сталкивается с беспрецедентными внешнеполитическими и экономическими вызовами. Такие факторы, как неуклонная деградация отношений с Западными державами, санкционная агрессия со стороны Евросоюза и США, террористическая угроза у южных границ, глобальная неопределенность и нестабильность мировой финансовой системы, могут рассматриваться как экзистенциальные испытания для российской государственности. На фоне перечисленных проблем особенно остро ощущается потребность в политических механизмах, способных обеспечить поддержание социального мира, межгрупповой кооперации и стабильности на внутренней арене. Следовательно, возникает необходимость в гармонизации отношений между наиболее крупными социетальными общностями современной России: наемными работниками и работодателями. Залогом бесконфликтного сосуществования данных антагонистических групп давления автору настоящей статьи видится эффективная государственная политика согласования интересов труда и капитала. Наиболее успешные механизмы и технологии ее реализации, гипотетически, могут быть заимствованы у других развивающихся стран. Таким образом, представляется необходимым политологический анализ зарубежных подходов к упорядочиванию отношений между органами власти, профессиональными союзами и ассоциациями работодателей.

Предметное поле настоящего исследования необходимо ограничить странами, принципиально сопоставимыми с Российской Федерацией по ряду ключевых признаков. Во-первых, к числу таковых могут быть отнесены крупные региональные державы с растущими экономикой переходного типа. Во-вторых, наиболее ценным нам представляется опыт государств, имевших авторитарное или тоталитарное прошлое, которое накладывает отпечаток на современное состояние институтов власти и гражданского общества. В-третьих, в рассматриваемых странах должен наличествовать капитал, использующий наемную рабочую силу как средство производства. И, наконец, в-четвертых, целесообразно сфокусировать свое внимание лишь на тех государствах, которые, подобно России, учитывая актуальную геополитическую конъюнктуру, сохраняют относительный суверенитет в вопросах внутренней и внешней политики. Обозначенным критерием, в первую очередь, соответствуют страны Латиноамериканского региона: Бразилия, Аргентина, Чили, Мексика и Венесуэла.

Аналитический обзор национальных моделей политики согласования интересов труда и капитала целесообразно начать с Бразилии. Как и Россия, эта страна, обладающая багажом авторитарного прошлого, все еще колеблется между неолиберальным и социально-консервативным векторами развития, систематически сталкиваясь с глубокими экзистенциальными кризисами в экономике, политике и социальной сфере. Специфика бразильской модели политического согласования интересов труда и капитала детерминирована догоняющим характером развития производственных отношений. До начала XX в. страна оставалась аграрной и лишь в начале 1930-х ступила на путь масштабной индустриализации. Стремясь адаптировать систему государственной власти к меняющимся экономическим реалиям, президент Бразилии Ж. Варгас учредил Министерство труда, в чьи функции входила координация взаимодействия между властью, объединениями работников и предпринимателями. Руководство данного ведомства видело своей стратегической задачей «инкорпорацию профсоюзов в государство и законы республики».¹ Кроме того, правительство запустило так называемую систему «регулируемого гражданства», призванную поставить под контроль процесс накопления и перераспределения капитала. Данная система базировалась на трех ключевых принципах: регулировании занятости, легализации трудоовых отношений и официальном контроле над профессиональными союзами².

¹ См.: История Латинской Америки. Т. 3. 1918 — 1945 / Редкол.: Н.П. Калмыков (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1999. 485 с.

² *Véras de Oliveira R.* Current Challenges to Workers and Unions in Brazil // Research & Policy Brief <http://www.relatos.org/documentos/ORGVeras4.pdf>

Однако по итогам второй волны бразильской индустриализации, развернувшейся в 1950-х гг., обозначились острые противоречия социально-классового характера, приведшие к массовым трудовым протестам и забастовкам наемных работников.

В середине 1960-х гг. в Бразилии начинается стремительное развитие независимых от власти тред-юнионов, что закономерно приводит к учреждению Лейбористской партии. Английский исследователь Д. Хампфри одним из первых дал адекватную оценку растущему политическому влиянию новых институтов коллективной организации людей труда¹. С его точки зрения, организованные объединения наемных работников коренным образом изменили «политический ландшафт» страны, став ключевыми артикуляторами интересов занятого населения. Во второй половине XX в. за бразильскими профсоюзами закрепились статус равноправных партнеров власти в вопросах регулирования социально-трудовой сферы. Однако к началу 1990-х правительство встало на путь неолиберальных реформ, направленных на адаптацию национальной экономики Бразилии к условиям глобализующихся мировых рынков. Децентрализация и либерализация отношений организованного труда и капитала привели к росту безработицы, ослаблению профсоюзных объединений и масштабной приватизации государственной собственности. В период правления президента Ф. Кардозу (1995 – 2002 гг.) власть открыто придерживалась антиюнионистской позиции. Ухудшение политической конъюнктуры послужило импульсом для того, чтобы бразильские профсоюзы перешли от защиты трудовых интересов наемных работников к отстаиванию широкого спектра гражданских прав и свобод, став движущей силой всего оппозиционного движения.

«Политический ренессанс» организованного труда в Бразилии начался в 2002 г., когда выигравшая парламентские выборы «Трудовая партия» смогла сформировать правительство страны. Победа лидера бразильских лейбористов Л. да Силвы в президентской кампании 2003 г. закрепила тенденцию к политическому возвышению организованного труда над капиталом. Впрочем, как справедливо отмечает А. Гальвао, укрепление позиций профсоюзных объединений не наделило их монополией на формирование правительственной повестки, поскольку значительный политический потенциал сохранили правые силы, представленные «Либеральной партией» и «Бразильским демократическим движением»². В сложившихся условиях политика согласования интересов труда и капитала приобрела выраженный корпоративистский оттенок, о чем свидетельствует учреждение таких трипартистских институтов, как Национальный трудовой форум (FNT) и Совет по социально-экономическому развитию (CDES). Несмотря на организационную раздробленность и отсутствие централизованной системы социального партнерства, бразильские профсоюзы получили доступ к центрам принятия политико-управленческих решений и взяли на себя функцию экспертно-аналитического сопровождения законодательного процесса в социально-трудовой сфере. В 2005 г. по инициативе CUT была разработана и представлена Правительству «Стратегия развития страны, с точки зрения рабочего класса», впитавшая основные принципы бразильского «нео-девелопментализма»³. Провластный социально-консервативный фронт объединил ряд ведущих профцентров и политических партий, став гражданской опорой для реализации антилиберальных реформ. По оценкам латиноамериканских исследователей А. Боито и А. Гальвао, к 2014 г. 10 из 14 крупнейших рабочих союзов Бразилии поддерживали правительство страны⁴.

Корпоративистская природа бразильской политики согласования интересов труда и капитала подтверждается наличием организации-монополиста, выступающего от имени предпринимателей. Данную функцию выполняет Национальная конфедерация индустрий (National Confederation of Industries),

1 *Humphrey J.* The development of industry and the bases for trade unionism: a case study of car workers in São Paulo, Brazil. UK: University of Sussex. 1982.

2 *Galvao A.* Neo-Developmentalism and Trade Unions in Brazil // Bath Papers in International Development and Wellbeing. №48. 2016. P.4.

3 Там же. С.7.

4 *Boito Jr, A., Galvao A.* Governo Lula: a burguesia nacional no poder // Política e classes sociais no Brasil dos anos 2000. Sao Paulo: Alameda Editorial. 2012. pp. 67-104.

которая объединяет подавляющее большинство предпринимательских союзов страны на правах своих членских организаций. На институциональном уровне ключевым механизмом политического представительства интересов бразильских работодателей выступает публичное лоббирование законодательных инициатив, направленных на сокращение их обязательств перед наемными работниками и ослабление позиций профсоюзов в системе социального партнерства. При этом организованный труд и капитал – что характерно для страны с глубокими традициями корпоративизма – практически всегда солидарны в своих политических предпочтениях и ориентирах. В 2010 и 2014 гг. рабочие и предпринимательские союзы Бразилии выразили обоюдную поддержку Д. Русефф на выборах президента страны. Двумя годами позже они согласованно выступили против начала процедуры импичмента в отношении президента, но сенаторы и депутаты нижней палаты парламента (вероятно, не без содействия ряда западных лидеров) в итоге добились отставки главы государства, которая повлекла за собой череду экономических потрясений и спровоцировала хаотизацию бразильской политики согласования интересов. Однако даже в условиях продолжительного внутривнутриполитического кризиса ведущие профцентры и предпринимательские союзы страны выражают несогласие с политикой президента М. Темера и его кабинета министров.

Таким образом, современная бразильская политика согласования интересов труда и капитала характеризуется институциональной неустойчивостью и внутренней противоречивостью. Низкая эффективность функционирования органов трипартизма постепенно вытесняет политическое представительство интересов организованного труда за институциональные рамки. Как следствие, ключевой формой воздействия профсоюзов на процесс принятия политико-управленческих решений становятся коллективные действия протестного характера. При этом основное противоборство разворачивается по линии «власть-общество», а не «капитал - наемный труд». Отсутствие эффективных политико-медиативных механизмов предают соответствующим конфликтам хронический и деструктивный характер, что создает угрозу для политической стабильности в стране.

Современная аргентинская политика согласования интересов труда и капитала сформировалась под воздействием практически тех же самых факторов, что и бразильская. Изучение ее генезиса позволяет провести целый ряд исторических и политических параллелей между соответствующими странами. Подобно Бразилии, Аргентина в середине XX в. прошла через этап этатического корпоративизма¹. По методу упорядочения политических отношений государства, труда и капитала период так называемого «перонизма» (с 1956 по 1955 гг.), в целом, схож с «эрой Варгаса». Едва заняв президентский пост, Х. Перон поспешил встроить рабочее движение в институциональные рамки своей диктатуры. Чтобы заручиться поддержкой рабочего класса, он в сжатые сроки добился повышения уровня оплаты труда, ввел всеобщее пенсионное обеспечение, скопировал лучшие достижения советской социалистической модели. Однако, в то же время, президент Аргентины установил патрон-клиентские отношения со Всеобщей конфедерацией труда, которая обрела монопольное право на политическое представительство социально-трудовых интересов. Оппозиционные объединения наемных работников (в частности, профсоюзы трудящихся обувной и текстильной промышленности) были ликвидированы. По проекту главы государства правящая Пероническая (Хустисиалистская) партия должна была стать общенациональным политическим движением, в котором лояльные к власти профсоюзы заняли бы одно из центральных мест. Несмотря на регрессивное развитие демократических институтов в период диктатуры, именно тогда сформировались концептуальные контуры современного конституционного строя и трудового законодательства Аргентины, а также в практику вошло ведение коллективных переговоров и заключение отраслевых соглашений. В конце 1940-х гг. данная политика позволила осуществить масштабную индустриализацию и сократить отставание

¹ См.: Cook M.L. *The Politics of Labor Reform in Latin America: Between Flexibility and Rights*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press. 2006. P. 51.

станы от ведущих европейских держав, однако популистские меры Х. Перона и беспрецедентное давление на бизнес в конечном итоге спровоцировали экономическую стагнацию и военный переворот.

Период нахождения у власти военной хунты (с 1976 по 1983 г.) ознаменовался для аргентинских профсоюзов жестоким преследованием лидеров, репрессиями, а в конечном итоге и полным запретом их официальной деятельности (Бразилия переживала аналогичные события с 1964 по 1985 г.). На данном этапе политическое согласование социально-трудовых интересов уступило место авторитарно-директивному подходу, характерному для большинства диктаторских режимов. После окончательного падения аргентинской хунты началась череда неолиберальных политических реформ, которые привели не столько к плюрализации, сколько к хаотизации рабочего движения. Организационно-монополисты эпохи «перонизма» на данном этапе обрели конкурентов в лице независимых профсоюзов «нового типа» (например, Центрального объединения рабочих Аргентины), но сохранили за собой значительные материальные и политические ресурсы. Неолиберальное правительство президента К. Менема заняло нейтральную позицию по отношению организованным группам давления и дистанцировалось от объединений наемных работников. Освободившись от прессинга тоталитарной диктатуры, но не получив ожидаемого патронажа со стороны новой власти, лидеры аргентинского рабочего движения занялись вопросами личного обогащения, что крайне отрицательно сказалось на легитимности профсоюзов, а следовательно, и всей политики согласования интересов. Прежние институты и практики авторитарного корпоративизма уступили место коррупционным сделкам, теневому лоббированию, приватизационным махинациям с участием тред-юнионов. Подобную модель репрезентации интересов, испанский исследователь С. Гузман справедливо охарактеризовал как «коммерческий юнионизм»¹.

На сегодняшний день в Аргентине главными стейкхолдерами политики согласования интересов труда и капитала, как и в эпоху «перонизма», выступают государственные институты, профсоюзы традиционного типа и наиболее крупные ассоциации работодателей. Посредством неформального политического торга тред-юнионы получают от власти административную и материальную поддержку в обмен на легитимацию неолиберальных реформ, значительная часть которых не встречает одобрения со стороны рядовых наемных работников. При этом в стране до сих пор действует система дифференциации профсоюзов по степени привилегированности: одни – наиболее крупные – получают официальный допуск к ведению коллективных переговоров, а другие вынуждены довольствоваться формальным юридическим признанием факта их существования. Подобная политика неоднократно вызывала вопросы со стороны Верховного суда, Международной организации труда и ряда наднациональных профцентров². В период правления К. Киршнер (2007 – 2015 г.) государством был взят курс на политику нео-девелопментализма, что закономерно привело к реставрации таких корпоративистских институтов, как Совет по минимальному уровню оплаты труда, Национальная комиссия по вопросам занятости в аграрном секторе, Консультативный совет по вопросам развития гражданского общества и т.д.³ Однако с приходом к власти в 2015 г. либерального консерватора М. Макри политика согласования социально-трудовых интересов утратила внятные институциональные очертания и концептуальные контуры. По мнению латиноамериканского политолога Г. Беншушан, сегментированный аргентинский неокорпоративизм не отвечает фундаментальным демократическим принципам и не способствует гармонизации отношений между трудом и капиталом⁴.

1 *Guzman C. Sindicalismo, neo-corporativismo y transformismo // Soci edad, tr abajo y neoliberalismo: apuntes de las escuelas de form aci on sindic al. 2004 P. 210.*

2 *Goldin A. A Supreme Court Challenge to Argentina's Trade Union Model // Int'l Labour Review. 2009. vol 148. P. 146.*

3 *Dobrusin B. Argentina's labour movement and trade policy: the case of CTA within Mercosur during the Kirchners' governments // Political Perspectives 2012, volume 6 (2). P. 58-77.*

4 *G. Bensusan Organizing Workers in Argentina, Brazil, Chile and Mexico: The*

Если в Бразилии и Аргентине патронаж государства стал основным фактором институционального развития и организационного укрепления системы корпоративизма, то в Чили власть никогда не предпринимала масштабных мер по упорядочению политики согласования интересов труда и капитала. Организованное рабочее движение в этой стране возникло сравнительно поздно (в начале 1950-х), а его официальное признание состоялось лишь в период правления президента С. Альенде. Зачатки чилийской корпоративности были пресечены шестнадцатилетним пребыванием у власти хунты во главе с А. Пиночетом. Проект развития социально-трудовой сферы, утвержденный им в 1979 г., свел на нет все формы коллективных переговоров и строго запретил организацию коллективных действий протестного характера. Г. Беншушан справедливо отмечает, что даже спустя 25 лет после свержения хунты авторитарное наследие непосредственным образом сказывается на институциональном дизайне чилийской политики согласования интересов¹. Действующее законодательство выводит диалог организованного труда и капитала за рамки политической системы на низовой уровень производственных коллективов. С одной стороны, положительным аспектом подобной децентрализации социального партнерства может считаться автономизация тред-юнионов и работодательских объединений от государства. С другой стороны, удаленность от центров принятия властных решений лишает организованный труд и капитал эффективных механизмов политического представительства их интересов.

Вышеуказанные проблемы не помешали стремительному экономическому развитию страны, начавшемуся после падения военной диктатуры. За период с 1990 по 2015 гг. средний доход на душу населения четырехкратно возрос, что позволило Чили войти число 25 наиболее динамично развивающихся государств начала XXI века. При этом нерешенными остаются такие проблемы, как рост социально-экономического неравенства, тяжелые условия труда и отсутствие элементарных форм производственной демократии. Если в Чили поставторитарная (неолиберальная) политика согласования интересов значительно ослабила движение тред-юнионов, то в Мексике аналогичные меры со стороны власти привели к полной деградации независимого рабочего движения. В этой стране отмечается колоссальный разрыв между формальными институтами и теневыми политическими практиками, широко вошедшими в обиход с середины прошлого века. Мексиканские профсоюзы выступают, скорее, симулякрами институтов гражданского общества, лишь имитируя политическое представительство интересов наемных работников. Более того, по мнению Г. Беншушан, они, скорее, обслуживают власть и собственников капитала, нежели отстаивают права своих рядовых членов². Данный тезис подтверждается тем парадоксальным обстоятельством, что развернутая в 2014 г. кампания по повышению минимального уровня оплаты труда встретила ожесточенное сопротивление не только со стороны работодателей, но и профсоюзных лидеров, входящих в общенациональные органы трипартизма. В ближайшей перспективе соглашательская позиция мексиканских тред-юнионов едва ли сможет претерпеть серьезные изменения, ввиду наличия многообразных формальных и неформальных барьеров для развития независимых рабочих ассоциаций, а также по причине регрессивных тенденций в системе электорального представительства. «Институционально-революционная партия» постепенно возвращает себе доминирующее положение в Парламенте страны, а ее ближайшие конкуренты – правые консерваторы от «Партии национального действия» – ориентированы, главным образом, на защиту интересов транснациональных корпораций.

Таким образом, существуют объективные основания полагать, что мексиканская политика согласования интересов труда и капитала характеризуется максимальной жесткостью и наименьшей легитимностью во всем

Authoritarian-Corporatist Legacy and Old Institutional Designs in a New Context // *Theoretical Inquiries in Law*. 2016, Vol. 17 Issue 1. P 153.

1 G. Bensusan Organizing Workers in Argentina, Brazil, Chile and Mexico: The Authoritarian-Corporatist Legacy and Old Institutional Designs in a New Context // *Theoretical Inquiries in Law*. 2016, Vol. 17 Issue 1. p 138.

2 Там же. С.140.

Латиноамериканском регионе. Формальная власть, законодательно закреплённая за тред-юнионами, на практике используется в интересах противоположной стороны производственных отношений. При этом рабочие союзы из институтов общественного контроля превращаются в институты контроля над обществом. Поддержание «трудового мира», выражающегося в низкой забастовочной активности мексиканцев, достигается властью, преимущественно, за счет потворствования коррупции в высших эшелонах профсоюзной элиты. Впрочем, смещение центра тяжести политики согласования интересов труда и капитала в сторону работодателей характерно не для всех стран Латинской Америки. Куба и Венесуэла, идущие социалистическим курсом, напротив, тяготеют к модели популистского корпоративизма, в которой власть опирается на поддержку рабочих союзов и массовых общественно-политических движений.

С высокой долей вероятности, Венесуэла может считаться единственным развивающимся государством, которое в 1990-х гг. отказалось от неолиберальной политики в пользу протекционизма и девелопментализма. При этом крупнейший протекционист страны – Конфедерация трудящихся Венесуэлы (CVT) – изначально занял непримиримую позицию по отношению к У. Чавесу и его программе радикальных общественных преобразований, даже не смотря на то, что значительная доля рядовых членов данной организации примкнули к «Боливарианской революции».¹ Президент, в свою очередь, инициировал учреждение Национального союза трудящихся Венесуэлы (UNT), который впоследствии не только лишил оппозиционные тред-юнионы монополии на представительство интересов наемных работников, но и стал главной опорой правящего режима с системе гражданского общества. Вот уже почти 20 лет власти Венесуэлы идут по пути расширения социально-трудовых свобод и гарантий, что закономерно ведет к укреплению проамериканской антиправительственной коалиции, состоящей не только из представителей бизнеса, но и лидеров CVT. В 2015 г. глава государства Н. Мадуро обвинил Федерацию промышленников и предпринимателей в развязывании «экономической войны» против его правительства и перешел к открытому противоборству с организованным капиталом².

С одной стороны, переориентация политики согласования интересов на удовлетворение потребностей наемного труда позволила руководству Венесуэлы претворить в жизнь значительный набор социалистических завоеваний. Действующее трудовое законодательство предусматривает для граждан чрезвычайно комфортные условия найма, которые до сих пор не достигнуты в США и ведущих европейских державах. Например, в стране запрещено использование заемного труда (аутстаффинг), тогда как в Германии и Австрии профсоюзы много лет безуспешно ведут борьбу против данного явления. Однако, с другой стороны, систематическое игнорирование обоснованных требований организованного капитала в конечном итоге усугубило последствия экономического кризиса, начавшегося после резкого падения мировых цен на нефть. На сегодняшний день нет никаких оснований полагать, что венесуэльская политика согласования интересов работников и работодателей станет более сбалансированной – напротив, можно спрогнозировать рост межклассовой напряженности и обострение существующих социально-трудовых противоречий. Однако тот факт, что в условиях беспрецедентного давления со стороны США и транснациональных корпораций президенту Н. Мадуро удается сдерживать маховик «цветной революции», свидетельствует об общественном одобрении взятого правящим режимом курса.

Выводы, полученные автором настоящей статьи в ходе изучения латиноамериканского опыта, следует рассматривать в контексте совершенствования российской политики согласования интересов труда и капитала. Мы полагаем, что противостоять современным внешнеполитическим угрозам и вызовам способно лишь сильное государство-корпорация, где власть, бизнес и наемные работники

1 Gindin J. *A Brief Recent History of Venezuela's Labor Movement, Re-Organizing Venezuelan Labor // Venezuela Analysis*. October 18. 2004. <http://www.iisg.nl/labouragain/documents/gindin.pdf>

2 <http://www.eluniversal.com/economia/150422/maduro-no-more-dollars-for-federation-of-chambers-of-commerce>

объединены общим стремлением к обеспечению суверенитета, безопасности и социально-экономического развития России. Общественный запрос на политику корпоративизма актуализируется в условиях текущего экономического кризиса, когда особенно остро ощущается потребность в государственном интервенционизме, протекционизме и «ручном управлении» рядом отраслей. Реализуя соответствующие меры, власть может заручиться поддержкой крупных предпринимательских ассоциаций и массовых профсоюзов традиционного типа. Как показывает опыт Аргентины и Бразилии, бездумный переход к неолиберальной модели может спровоцировать не только экономический коллапс, но и политический кризис. Таким образом, реализация эффективной политики согласования интересов труда и капитала в современной России представляется возможной исключительно в сочетании с национально ориентированным экономическим курсом, который зиждется на принципах патриотизма, здорового протекционизма и девелопментализма.

Библиография

1. История Латинской Америки. Т. 3. 1918 — 1945 / Редкол.: Н.П. Калмыков (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1999. 485 с.
2. *Bensusan G.* Organizing Workers in Argentina, Brazil, Chile and Mexico: The Authoritarian-Corporatist Legacy and Old Institutional Designs in a New Context // *Theoretical Inquiries in Law*. 2016, Vol. 17 Issue 1.
3. *Boito Jr, A., Galvao A.* Governo Lula: a burguesia nacional no poder // *Politica e classes sociais no Brasil dos anos 2000*. Sao Paulo: Alameda Editorial. 2012. pp. 67-104.
4. *Cook M.L.* *The Politics of Labor Reform in Latin America: Between Flexibility and Rights*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press. 2006.
5. *Dobrusin B.* Argentina's labour movement and trade policy: the case of CTA within Mercosur during the Kirchners' governments // *Political Perspectives* 2012, volume 6 (2). P. 58-77.
6. *Galvao A.* Neo-Developmentalism and Trade Unions in Brazil // *Bath Papers in International Development and Wellbeing*. №48. 2016.
7. *Gindin J.* *A Brief Recent History of Venezuela's Labor Movement, Re-Organizing Venezuelan Labor* // *Venezuela Analysis*. October 18. 2004. <http://www.iisg.nl/labouragain/documents/gindin.pdf>
8. *Guzman C.* Sindicalismo, neo-corporativismo y transformismo // *Soci edad, tr abajo y neoliberalismo: apuntes de las escuelas de form aci on sindic al*. 2004 P. 210.
9. *Goldin A.* A Supreme Court Challenge to Argentina's Trade Union Model // *Int'l Labour Review*. 2009. vol 148.
10. *Humphrey J.* *The development of industry and the bases for trade unionism: a case study of car workers in São Paulo, Brazil*. UK: University of Sussex. 1982.
11. **Véras de Oliveira R.** Current Challenges to Workers and Unions in Brazil // *Research & Policy Brief* <http://www.relatos.org/documentos/ORGVeras4.pdf>

References

1. History of Latin America. [Istoriya Latinskoj Ameriki] T. 3. 1918 - 1945 / Redkol.: N.P. Kalmykov (editorial editors) [and others]. Moscow: Nauka, 1999. 485 p.
2. *Bensusan G.* Organizing Workers in Argentina, Brazil, Chile and Mexico: The Authoritarian-Corporatist Legacy and Old Institutional Designs in a New Context // *Theoretical Inquiries in Law*. 2016, Vol. 17 Issue 1.
3. *Boito Jr, A., Galvao A.* Governo Lula: a burguesia nacional no poder // *Politica e classes sociais no Brasil dos anos 2000*. Sao Paulo: Alameda Editorial. 2012. pp. 67-104.
4. *Cook M.L.* *The Politics of Labor Reform in Latin America: Between Flexibility and Rights*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press. 2006.
5. *Dobrusin B.* Argentina's labour movement and trade policy: the case of CTA within Mercosur during the Kirchners' governments // *Political Perspectives* 2012, volume 6 (2). P. 58-77.
6. *Galvao A.* Neo-Developmentalism and Trade Unions in Brazil // *Bath Papers in International Development and Wellbeing*. №48. 2016.
7. *Gindin J.* *A Brief Recent History of Venezuela's Labor Movement, Re-Organizing Venezuelan Labor* // *Venezuela Analysis*. October 18. 2004. <http://www.iisg.nl/labouragain/documents/gindin.pdf>

bouragain/documents/gindin.pdf

8. *Guzman C.* Sindicalismo, neo-corporativismo y transformismo // *Soci edad, tr abajo y neoliberalismo: apuntes de las escuelas de form aci on sindic al.* 2004 P. 210.

9. *Goldin A.* A Supreme Court Challenge to Argentina's Trade Union Model // *Int'l Labour Review*.2009. vol 148.

10. *Humphrey J.* The development of industry and the bases for trade unionism: a case study of car workers in São Paulo, Brazil. UK: University of Sussex. 1982.

11. **Véras de Oliveira R.** Current Challenges to Workers and Unions in Brazil // Research & Policy Brief <http://www.relats.org/documentos/ORGVeras4.pdf>

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

SOCIOLOGISTS OF THE SOUTH OF RUSSIA

*Бинеева
Наталья Камильевна
кандидат социологических наук,
доцент, учёный секретарь
Южнороссийского филиала
ФНИСЦ РАН
n.bineeva@gmail.com*

*Bineeva
Natalya Kamilyevna
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Scientific Secre-
tary of the South Russian Branch of
FNISC RAS
n.bineeva@gmail.com*

*Золотухин Валерий Ефимович
доктор философских
наук, профессор Донского
государственного технического
университета
elena_zolotuhina@mail.ru*

*Zolotukhin Valery Efimovich
Doctor of Philosophy, Professor of the
Don State Technical University,
elena_zolotuhina@mail.ru*

*Пшегусова
Галина Султановна,
доктор философских
наук, доцент, Заведующий
кафедрой английского языка
гуманитарных факультетов
Института филологии,
журналистики и межкультурной
коммуникации ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»,
psheg@sfedu.ru.*

*Pshergusova
Galina Sultanovna,
Doctor of Philosophy, Associate Pro-
fessor, Head of the English Depart-
ment of the Humanities Faculties of
the Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication of
the Federal State Unitary Enterprise
“Southern Federal University”,
psheg@sfedu.ru.*

*Хоценко
Виталий Павлович
Научный сотрудник
Южнороссийского филиала
ФНИСЦ РАН,
urfisran@gmail.com*

*Khotsenko
Vitaly Pavlovich
Researcher of the South Russian
Branch of the FNISC RAS,
urfisran@gmail.com*

Эффективность взаимодействия власти и общества в сфере регулирования межэтнических отношений в представлениях населения регионов Юга России./ Effectiveness of interaction of government and society in the sphere of regulation of interethnic relations in the representations of the population of the regions of the South of Russia.

Аннотация

В статье дается оценка эффективности взаимодействия власти и общества в контексте регулирования межэтнических отношений. На основе данных массового опроса авторы делают вывод о наличии недостаточной координации

28

политической деятельности власти и ожиданий населения регионов Юга России. Активизация роли региональной власти и муниципалитетов в сфере регулирования межэтнических отношений поддерживается населением всех регионов. Основными стимулами такой активности население рассматривает расширение источников финансирования и активизация деятельности институтов гражданского общества.

Ключевые слова

Межэтнические отношения; Юг России; органы региональной власти; муниципалитеты; гармонизация межэтнических отношений.

Annotation

The article assesses the effectiveness of interaction between government and society in the context of regulating inter-ethnic relations. Based on the mass survey data, the authors conclude that there is insufficient coordination of the political activity of the authorities and the expectations of the population of the regions of the South of Russia. The activation of the role of regional authorities and municipalities in the regulation of interethnic relations is supported by the population of all regions. The main incentives for such activity are the expansion of funding sources and the activation of civil society institutions.

Keywords

Interethnic relations; South of Russia; regional authorities; municipalities; harmonization of inter-ethnic relations.

Воспроизводство на уровне массового сознания устойчивой схемы восприятия межэтнических отношений как межгрупповых, связанных с конкуренцией этнических групп в политической и экономической сферах жизни, обуславливает определенные ожидания населения, предъявляемые административным структурам, в первую очередь, на местном уровне. Между тем, Стратегия государственной национальной политики ориентирует региональные органы власти в первую очередь на усилия в сфере культурной политики и равного представительства культур народов региона в общественной жизни. В этом контексте оценка населением политики в сфере гармонизации межэтнических отношений свидетельствует не только об эффективности или не эффективности усилий региональных органов власти, но и степени ориентированности населения на культурные или социально-политические ориентиры национальной политики. В этом же направлении ставились задачи выявить готовность населения к более активному включению в решение проблем этой сферы, т.е. степени поддержки населением западной идеи передачи регулирования межэтнических отношений на региональный и локальный (муниципальный) уровни власти.

Результаты социологических опросов показывают, что во всех регионах от 50 до 58 % респондентов оценивают межэтнические отношения на Юге России как спокойные¹. В самих же регионах позитивная оценка межэтнических отношений еще выше, об этом заявили более 70 % опрошенных в каждом из них. Однако сложная экономическая ситуация, которая выдвинулась в качестве доминирующей причины, способствующей формированию межэтнической напряженности, обуславливает также и распространение практик нарушений гражданских прав из-за этнической или религиозной принадлежности. Видимо, эта ситуация объясняет смещение акцентов в понимании населением основной цели национальной политики РФ на обеспечение гражданского равноправия независимо от этнической или религиозной принадлежности. В Стратегии государственной национальной политики указываются пять основных целей, в числе которых обозначено также обеспечение

¹ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта//Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Денисова Г.С., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. М.: Социально-гуманитарные знания.2016

равноправия граждан, при доминирующей роли конструирования общероссийской идентичности. Однако в инструментарии опроса¹ респондентам было предложено выделить главную цель. В этом качестве во всех регионах опроса в коллективных представлениях выдвинулась задача обеспечения равноправия, которая собрала в целом по массиву четверть (25,3 %) ответов, таблица 1.

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос: «Межэтнические отношения регулируются национальной политикой РФ. Как Вы думаете, какова ее главная цель? »

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
поддерживать правила взаимодействий между различными этническими группами;	23,0	19,4	30,2	28,5	12,9
сформировать гражданскую нацию на основе русской культуры при сохранении культур всех народов России;	14,8	15,4	27,0	31,7	28,2
оптимизировать государственное управление в регионах России, исходя из предоставления широкой автономии народам (этносам)	5,1	7,6	9,2	10,6	6,3
обеспечить равноправие гражданам, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности	27,2	25,5	31,8	19,8	25,9
поддержать русский народ, как самый многочисленный в Российской Федерации, и русский язык, как государственный	6,2	7,6	7,8	3,6	7,5
другое	0,4	9,8	11,6	3,1	0,4
затрудняюсь ответить	23	11,9	2,4	2,7	18,9

Немногим меньшая часть респондентов указали в качестве главной цели национальной политики «поддержание правил взаимодействий между различными этническими группами». Можно напомнить, что такие юридические правила (нормы) отсутствуют. Однако в различных регионах сложились неформальные правила, например, представительства народов в органах власти или в престижных областях занятости. Эти неформальные правила опираются на стереотипное восприятие этничности как социальной группы, а не как культурной идентичности индивида. Кроме того, институционализация в общественной жизни деления народов на «титulyные» и не титulyные.

Указанная позиция как значимая выявилась при опросе в тех регионах, где этнические отношения проявились как межгрупповые (особенно в 90-е годы), и так были восприняты массовым сознанием. Ответы по регионам, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что задача формирования российской гражданской нации на основе интеграции культур всех народов России занимает третье место во всем спектре перечисленных целей. Более того, поддержка этой цели в республиках Юга России ниже, чем в областях и краях. То есть, идея культурной интеграции различных народов (этносов) России и конструирования общероссийской идентичности не воспринимается в качестве доминирующей цели Стратегии государственной национальной политики.

Выделенная иерархия направлений национальной политики, которая

¹ Программа инструментарий социологического исследования (массовый опрос) были разработаны членами исследовательского коллектива под руководством профессора Денисовой Г.С.

существует в коллективных представлениях населения, проектируется также и на образ государственности, который рассматривается как идеал для России. Здесь тоже можно выделить границу, которая проходит между регионами с преимущественно русским населением, и республиками, статус которых обеспечен самоопределением народов, исторической родиной которых являются данные территории. Национально-территориальный принцип дифференциации субъектов федерации, расположенных на Юге России, объясняет ориентацию части респондентов в «русских» регионах на необходимость утверждения преференций русскому народу в системе российской государственности, и «зеркальную» ориентацию части респондентов на норму, согласно которой «титulyные» народы в республиках как государствообразующие, тоже должны иметь преференции. Совокупность позиций 2 и 3 (табл. 2), отражающие согласие респондентов с преференциями народам (в том числе и русскому) в соответствие с их «государственным» статусом, поддерживается достаточно большой группой. В частности, в Адыгее она составляет 13, 5 %, в Кабардино-Балкарии – 25,0%, в Ставропольском крае – 47,7, в Краснодарском крае – 46,2, в Ростовской области – 42,2 %. Можно предположить, что фактором, обусловившим популярность этой позиции в «русских» регионах, является достаточно высокая миграция в эти территории из северо-кавказских республик. Соприкосновение на одной территории молодежи, приверженной разным культурным паттернам поведения, демонстративное позиционирование этнического отличия, - является факторами, провоцирующими межэтническую напряженность, и как следствие, - представление о необходимости обеспечения старожильческому населению преференций. В республиках эти преференции уже обеспечены неформальными установками, которые поддерживаются населением. Вместе с тем, большая часть опрошенных по всем регионам, поддерживают образ России как общего дома равноправных народов. В республиках эта поддержка обладает большими ресурсами, таблица 2.

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос: «С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны?» (%)

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
Россия должна быть государством русских людей	0,9	2,5	3,2	8,5	7,1
Россия – многонациональная страна, но русские как большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом	6,2	10,4	31,0	31,2	32,2
При равноправии всех народов в России, в республиках титульные народы должны иметь преимущества, так как они – государствообразующие для своих республик	7,3	14,6	16,7	15,0	10,6
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	83,6	68,4	48,0	42,8	47,5
затрудняюсь ответить	1,9	4	1,1	2,7	2,8

Иными словами, продвижение идеи конструирования общероссийской идентичности как механизма формирования общероссийской нации находит поддержку у основной части населения. Однако, значительная часть населения, по-прежнему высказывает свою приверженность стереотипам примордиального подхода, в рамках которого функционируют разделяющие стереотипы «своих» и «чужих», «титulyных» и «не титульных», «коренного» населения и «пришлых». Следствием этих стереотипов выступает представления о разных

правах этих номинальных групп и их представителей. Эти представления проявляются в практиках ущемления гражданских прав исходя из этнической или конфессиональной характеристики индивида, и поддерживают также установку на межэтническую конкурентность. Этот круг проблем требует регулирующего воздействия региональных органов власти, муниципалитетов, СМИ и институтов гражданского общества (в частности, НКА). Исходя из решения этих вопросов, население оценивает эффективность или не эффективность деятельности управленческих структур и других институтов в сфере профилактики межэтнической конфликтности.

Собранный эмпирический материал показывает классическое разделение массива опрошенных по каждому региону при оценке деятельности структур управления и различных институтов в сфере регулирования на три сегмента. Третью респондентов заняла пассивную позицию («затрудняюсь ответить»), вторую группу (30-40 %) составляет группа, оценившая эту деятельность как малоэффективную и не эффективную; еще одну группу составили респонденты оценившие усилия управленческих структур как эффективные. Соотношение второй и третьей групп в каждом регионе варьируется. Можно отметить также и вариацию регионов по соотношению оценок «мало эффективно» и «не эффективно». Более яркая «картинка» ситуации в регионах проявляется при сопоставлении двух крайних позиций «эффективно» - «не эффективно».

Таблица 3 Оценка «Эффективно» деятельности различных органов в сфере профилактики межэтнической напряженности по регионам опроса (%)

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
Глава и Правительство региона	27,7	26,5	11,6	54,3	16,1
Администрация районов, городов	24,1	20,2	13,7	42,3	19,6
Руководители диаспор	30,1	20,5	12,9	45,7	31,0
СМИ	25,4	21,5	13,2	39,9	28,6
Религиозные организации	25,2	17,2	14,0	46,1	25,2
Общеобразовательные учреждения	31,2	22,7	16,4	40,8	22,7
Руководители государственных и коммерческих предприятий	12,8	7,1	6,2	42,0	14,1
Правоохранительные органы	25,2	18,2	12,4	47,8	21,2

Таблица 4 Оценка «Неэффективно» деятельности различных органов в сфере профилактики межэтнической напряженности по регионам опроса (%)

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
Глава и Правительство региона	11,1	23,7	41,8	5,1	15,7
Администрация районов, городов	12,6	31,6	40,4	7,7	18,8
Руководители диаспор	7,1	24,3	28,6	7,5	10,2
СМИ	15,7	26,3	33,7	12,3	21,6
Религиозные организации	11,1	24,6	27,2	9,2	18,9
Общеобразовательные учреждения	11,5	24,2	29,9	11,6	20,4
Руководители государственных и коммерческих предприятий	22,1	43,2	23,2	13,3	29,0

Правоохранительные органы	16,8	37,4	31,8	8,7	24,3
---------------------------	------	------	------	-----	------

Сравнение рассматриваемых регионов (табл. 3-4) показывает:

- наиболее высоко оценивается деятельность управленческих структур в Краснодарском крае;
- наиболее критическая оценка деятельности властных структур и других институтов в Кабардино-Балкарии и в Ставропольском крае; при этом, критическую оценку в этих регионах респонденты выразили в адрес всех институтов;
- уровень неудовлетворенности деятельностью местных органов самоуправления (муниципалитетов) в регионах выше, в сравнении с региональными органами власти;
- в наименьшей степени включены в деятельность по профилактике межэтнической конфликтности производственные структуры (руководители государственных и коммерческих предприятий).

При этом основное большинство опрошенных не может сформулировать какие-либо конструктивные предложения, направленные на разрешения существующих проблем в сфере межэтнических отношений в регионах проживания. В Адыгее, Кабардино-Балкарии, Ростовской области этот сегмент среди опрошенных достигает в среднем 40 % (табл. 5).

Таблица 5 Распределение ответов на вопрос о выборе мер, направленных на разрешение проблем в сфере межэтнических отношений, %

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
организовать общественное обсуждение ситуации в сфере межэтнических проблем, люди сами должны подсказать их решение;	19,0	16,9	25,6	24,9	12,9
передать решение межэтнических проблем на уровень местного самоуправления	2,4	4,5	3,5	25,6	5,9
требуются реальные демократические выборы в органы власти	7,5	7,3	9,2	11,8	5,5
усилить контроль за правопорядком на местном уровне (участковыми)	7,5	2,8	10,8	16,7	12,9
обеспечить работой молодежь, стимулировать предпринимательство	10,4	10,6	17,5	6,8	3,5
воспитывать молодежь в духе единства России, а не интересов отдельной области, республики, народа (этнической общности)	13,3	6,1	19,9	9,2	13,3
принять законодательство для культурной адаптации мигрантов	0,9	0,8	2,4	1,9	2,0
ограничить миграцию в регион	2,2	1,8	3,5	1,7	3,5
усилить роль религиозных и общественных организаций в разрешении межэтнических проблем и воспитания культуры межэтнического общения	2,2	3,8	2,7	0	2,0
другое	0,2	0,3	0,3	0	0,1
затрудняюсь	34,3	45,2	4,6	1,4	38,4

Следует обратить внимание на то, что среди предложенного спектра мер,

направленных на разрешение проблем в сфере МЭО, можно выделить пять, которые в каждом регионе имеют свою иерархию. Так для всех регионов на первое место вышла позиция - организовать общественное обсуждение ситуации в сфере межэтнических проблем. В Адыгеи и Кабардино-Балкарии второе место заняла позиция «обеспечение работой молодежи», в меньшей степени – «воспитание молодежи в духе единства России». В Ставропольском крае, Краснодарском крае и Ростовской области наряду с этими позициями было указано еще необходимость усиления контроля за правопорядком на локальном уровне. Этот перечень мер, которые поддерживаются населением, свидетельствует о дефиците диалога органов власти с обществом, который осознается во всех регионах опроса.

Об этом свидетельствуют также и ответы респондентов на прямой вопрос о том, в какой степени Правительство региона привлекает этнокультурные организации (НКО или диаспоры) к разработке и реализации национальной политике. Ответить на него не смогли от 30 до 40 % респондентов по регионам. Но даже при организации диалога, на долю общественных организаций приходится не столько обсуждение актуальных проблем межэтнических отношений и направлений политики в этой сфере, сколько исполнение каких-либо функций, в первую очередь культурно-представительских (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Правительство региона (области, республики) при разработке и реализации национальной политики опирается на этнокультурные общественные организации?»

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
они привлекаются на стадии разработки направлений национальной политики, плана мероприятий и их реализации	16,2	20,5	3,5	39,9	15,7
они привлекаются для обсуждения актуальных проблем межэтнических отношений	27,7	22,2	18,1	33,8	28,6
на них возлагается функция организации культурных мероприятий (фестивалей, ярмарок, праздников и др.)	26,5	17,4	28,0	30,9	20,0
они привлекаются для регулирования конфликтных ситуаций	16,6	14,9	8,4	21,0	21,2
государственные органы власти не привлекают их к этим проблемам	10,4	15,7	12,1	8,0	10,2
другое	0,0	0,8	0,0	1,9	1,2
затрудняюсь ответить	37,8	33,6	42,0	7,0	31,4

Можно предположить также, что при активизации диалога власти и общества по целям национальной политики в иерархии мер, направленных на профилактику напряженности и регулирование межэтнических отношений, доминирующие позиции заняли бы экономические проблемы, усиление правопорядка на локальном уровне и продвижение ценностей, консолидирующих общество.

Собранный материал показывает, что опрошенное население в основной части регионов не видят в передаче в ведение региональной и локальной уровней власти этого круга проблем, достаточного средства разрешения проблем межэтнических отношений. Эта идея была поддержана незначительным числом респондентов почти во все регионах. Исключение составляет Краснодарский край, где эта мера достаточно популярна – ей отдали предпочтение 25,6 %. Такая популярность объясняется тем, что в Краснодарском крае важным инструментом национальной политики на локальном уровне стала опора на казачество. В 2016 г. широко обсуждается инициатива Кубанского казачьего войска введения

атаманов районных казачьих обществ в структуру местного самоуправления в качестве заместителей глав муниципалитетов по военным, спортивным вопросам и мобилизационной работе.

Оценка деятельности органов самоуправления – администрации сельских районов и городских центров сельских районов, - в настоящий период не является высоко позитивной (исключая Краснодарский край) (табл. 7).

Таблица 7 Оценка деятельности администрации сельских районов и городов (районных центров) в сфере профилактики межэтнической напряженности, %

	Эффективно	Малозэффек.	Не эффективно	Затррдн.
Адыгея	24,1	31,9	12,6	31,5
Кабардино-Балкария	20,2	32,6	31,6	15,4
Ставропольская край	13,7	40,4	40,4	26,4
Краснодарский край	42,3	38,4	7,7	11,6
Ростовская область	19,6	39,6	18,8	22,0

При рассмотрении полномочий, которые, по мнению опрошенных, можно передать на уровень местного самоуправления, обнаруживается, незначительная модификация нынешней ситуации. Так, для Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев актуальной является проблема контролирования притока мигрантов в сельские поселения (за это высказались 15-18 %), разрешение земельных вопросов (от 15 до 17 %). Пятая часть респондентов во всех регионах отметила необходимость передачи органам местного самоуправления функции обеспечения правопорядка. От 16 до 25 % респондентов в регионах считают, что органы самоуправления должны сами решать вопросы о расширении своих функций.

В целом же, по вопросу влияния миграционных потоков на характер межэтнических отношений в регионах, обнаружилась дифференциация ответов на устойчивые две группы, одна из которых считает, что миграция не оказывает никакого влияния на межэтнические отношения, другая отмечает, напротив, ее негативное влияние. Исключительная ситуация отмечена в Адыгее, которая принимает соотечественников-адыгов, беженцев из Сирии. Респонденты этого региона в целом позитивно относятся к миграции, таблица 8.

Таблица 8 Распределение ответов на вопрос: «Какое влияние на межнациональные отношения оказывают мигранты?»

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
позитивное	36,9	9,3	6,7	32,1	9,1
негативное	11,9	34,1	30,2	30,0	46,6
не оказывают влияния	6,6	47,7	42,6	24,2	30,8
затрудняюь	27	8,8	20,5	13,8	13,5

Широкая распространенность представлений о том, что мигранты негативно влияют на межнациональные отношения, усиливая их конфликтотенный потенциал, вызывает предложения по регулированию миграционных потоков. Значительная часть опрошенных, особенно в миграционно привлекательных регионах Юга России (Краснодарский край, Адыгея, Ростовская область) полагают, что регулирующие полномочия должны быть переданы на уровень региональных органов власти. Но в спектре предложений четко выражен акцент на необходимости организации

правовой инфраструктуры регулирования, адаптации и защиты прав мигрантов и принимающего сообщества, таблица 9.

Таблица 9 Распределение ответов на вопрос: «Какие меры помогут снизить негативное влияние миграции на межнациональные взаимоотношения на Юге России?», %

Ответы	РА	КБР	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
восстановить специальную федеральную службу с полномочиями по культурной адаптации мигрантов	31,6	28,9	26,1	30,7	35,3
принять специальный Миграционный кодекс РФ, обеспечивающий права мигрантов и защищающий культуру принимающего сообщества	30,9	34,6	17,3	39,3	38,8
ввести льготы для привлечения и обустройства в России соотечественников из-за рубежа	17,5	20,7	24,3	24,5	11,8
<i>наделить региональные органы власти полномочиями ограничивать приток миграции при определенных условиях (приграничные районы, перенаселенность, высокое давление на социальную инфраструктуру и др.)</i>	38,2	23	19,2	36,3	49,4
затрудняюсь ответить	23,7	28,7	37,2	7	15,8

В настоящее время в регионах Юга России снижена напряженность на почве межэтнических отношений. Однако не преодолено восприятие окружающих в категориях «своих» и «чужих», различающихся по этническим и конфессиональным характеристикам. Поэтому большинство опрошенных на первое место в рейтинге факторов, вызывающих межэтническую напряженность выдвигают сложность экономической ситуации и дефицит рабочих мест, коррумпированность в органах государственной власти и недостаточную их внимание к сфере межэтнических отношений. Этническая принадлежность индивида сохраняется в качестве значимого неформального ограничения для социальной мобильности и реализации принципа социальной справедливости в региональных сообществах. Наибольшее влияние этническая принадлежность в южно-российских регионах оказывает на трудоустройство индивида на престижную работу и в систему государственных органов власти.

В условиях сложного этнокультурного состава населения, при сохранении дифференцирующей роли этнорелигиозных признаков на конструирование этнических групп, в южных регионах России, тем не менее, произошла подвижка в сторону укрепления общероссийской идентичности при одновременном укреплении развития культур народов региона. О продвижении в сфере утверждения идеи равной представленности и интеграции культур и народов в реальной практики свидетельствует поддержка более 70 % опрошенного населения общероссийской идентичности, в которой сплавлены представления о территориальности и культуре народов России; достигнутое достаточно равновесное состояние общероссийской и этнокультурной видах идентичности во всех регионах опроса; значительный уровень удовлетворенности реализации этнокультурных потребностей и представленности этнических культур в пространстве регионов и страны в целом.

Анализ отношения населения к основным направлениям национальной политики показывает, что идея культурной интеграции различных народов (этносов) России и конструирования общероссийской идентичности не воспринимается в

качестве доминирующей цели Стратегии государственной национальной политики. Более того, можно отметить определенный дефицит в коммуникации власти и общества по вопросу определения основных направлений национальной политики. С этой точки зрения, результаты опроса показывают недостаточную координацию политической деятельности власти и ожиданий населения.

Реализация подхода ценностной политики обнаружит сдвигку интересов и ожиданий общества в сфере решения экономических вопросов и обеспечения правопорядка как действенных механизмов регулирования межэтнических взаимоотношений. Активизация роли региональной власти и муниципалитетов в сфере регулирования межэтнических отношений поддерживается населением всех регионов. Основными стимулами такой активности население рассматривает расширение источников финансирования и активизация деятельности институтов гражданского общества.

Библиография

1. Bayramov V.D., Volkov Y.G., Posukhova O.Y., Lyausheva S.A., Samygin S.I. Multiculturalism: discursive practices//Review of European Studies. 2015. Т. 7. № 7. С. 195-200.
2. Frolova A.S., Lyausheva S.A., Sagalaeva E.S., Samygin S.I., Volkov Y.G. Cultural and historical development of everyday life as a national security guarantee//Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 5 S4. С. 417-422.
3. Волков Ю.Г. Креативный класс - альтернатива политическому радикализму// Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 84-92.
4. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов-на-Дону, 2015.
5. Волков Ю.Г. Гуманистическая перспектива России как общенациональная цель//Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. С. 3-35.
6. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта//Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Денисова Г.С., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. М.: Социально-гуманитарные знания. 2016.

References

1. Bayramov V.D., Volkov Y.G., Posukhova O.Y., Lyausheva S.A., Samygin S.I. Multiculturalism: discursive practices//Review of European Studies. 2015. Т. 7. № 7. С. 195-200.
2. Frolova A.S., Lyausheva S.A., Sagalaeva E.S., Samygin S.I., Volkov Y.G. Cultural and historical development of everyday life as a national security guarantee//Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 5 S4. С. 417-422.
3. Volkov Yu.G. Creative class - an alternative to political radicalism [Kreativnyy klass - alternativa politicheskomu radikalizmu] // Sociological research. 2014. № 7 (363), p. 84-92.
4. Volkov Yu.G., Vyalykh NA, Degtyarev AK, Lubsky AV, Posukhova O.Yu., Serikov AV, Chernobrovkin I.P. Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure. [Cennostnaya politika i institucionalnye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnoshenij v ekonomicheski razvityx stranax so slozhnoy etnokulturnoy strukturoj] Rostov-on-Don, 2015
5. Volkov Yu.G. Gumanisticheskaya perspective of Russia as a national goal [Gumanisticheskaya perspectiva rossii kak obshhenacionalnaya cel] // Socio-humanitarian knowledge. 2005. № 1. P. 3-35.
6. National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience [Nacionalnaya politika v rossii: vozmozhnost implementacii zarubezhnogo opyta] // Volkov Yu.G., Bedrik AV, Voitenko VP, Vyalykh NA, Degtyarev AK, Denisova GS, Lubsky A.V., Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernobrovkin I.P. M.: Socio-Humanitarian Knowledge.

ВОДЕНКО
Константин Викторович
д. филос. н., доцент,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону (Россия)
vodenko-kv@rambler.ru

VODENKO
Konstantin Viktorovich
Doctor of Philosophy, Associate
Professor,
Southern Federal University (SFE-
DU)
Rostov-on-Don (Russia)
vodenko-kv@rambler.ru

ВАЛУЕВ
Дмитрий Георгиевич
аспирант Института социологии
и регионоведения,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону (Россия)
dmvaluev92@gmail.com

VALUEV
Dmitriy Georgievich
Postgraduate student of the Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University (SFE-
DU)
Rostov-on-Don (Russia)
dmvaluev92@gmail.com

**Российская миграционная политика в контексте межэтнического
и межрелигиозного взаимодействия¹ / Russian migration policy in
the context of interethnic and interreligious interaction**

Аннотация

Статья посвящена анализу возможностей и перспектив реализации различных зарубежных моделей межэтнического и межрелигиозного взаимодействия в условиях современного российского общества. В статье делается вывод, что для России важным является развитие собственной интеграционной компоненты, включающей обучение мигрантов языку и культуре принимающего сообщества и задачу воспитания толерантности.

Ключевые слова

Мигранты; Россия; Европа; мультикультурализм; интеграция; межрелигиозное взаимодействие; межэтническое взаимодействие; политика; экономика; религия.

Abstract

The article is devoted to analysis of possibilities and prospects of implementation of various foreign models of interethnic and interreligious interaction in conditions of modern Russian society. The article concludes that important for Russia is the development of their own integration components, including teaching migrants the language and culture of the host community and the challenge of tolerance education.

Keywords

Migrants; Russia; Europe; multiculturalism; integration; inter-religious cooperation; inter-ethnic relations; politics; Economics; religion.

Одним из демократических достижений светского государства является равноправие всех идеологий перед законом и свобода их исповедания. Следствием этой установки является то, что светское государство характеризуется плюралистичностью, смешением в одном регионе разнообразных религиозных и культурных традиций, возникновением положительных условий для активной миграции больших масс населения из исторических мест обитания в другие, где коренное население придерживается иных стандартов социального поведения. Эта миграция сопровождается созданием локальных национальных «кварталов»,

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

диаспор, автономий, замыкающихся в себе инокультурных сообществ среди коренного социума, выступая иногда раздражающим фактором.

Вопрос межнациональных и межэтнических отношений, это во многом вопрос отношений межрелигиозных. В этой связи особенно актуальными сегодня являются компетентные научные исследования главной религиозной традиции регионов, как важной составляющей социальных ценностей. Религия всегда присутствовала в социальной жизни народов и была неразрывно вплетена во все формы социально-культурного процесса.

В наши дни, с одной стороны, в религиозную форму облекается межнациональная и межгосударственная вражда, а с другой стороны религиозные воззрения являются подоплекой выбора приоритетов в экономической и социальной деятельности мирового сообщества. Этот факт невозможно отрицать, как и невозможно разрушить единое пространство традиционных ценностей общества, не разрушив устойчивую жизнь социума. «Если уничтожить традицию, то социальный организм лишается своего защитного покрыва и становится неизбежным процесс его гибели»¹.

Процесс столкновения ценностей происходит сейчас и в Европейских странах, и в России, что и требует реакции государства на возникающие в связи с этим проблемы. В светских государствах плюрализм мнений, религий и традиций должен теоретически уравниваться толерантностью в обществе. Однако реальность доказывает, что теоретическая толерантность не в состоянии регулировать социальные конфликты, возникающие из-за столкновения разных ценностных и социально-поведенческих представлений на одной территории, и в этой области необходимо дополнительное законодательное регулирование.

Миграционная политика Европы по отношению к бывшим колониям формировалась с учетом исторической ответственности и экономической выгоды от их использования. Однако, взаимоотношения с мигрантами, прежде всего, обусловлены ценностными аспектами, которые подразумевают открытость границ для людей любых религий и цвета кожи, оказавшихся в тяжелой ситуации. Исторически, страны ЕС находятся в едином ценностном поле, кроме этого, Европа на протяжении длительного времени не знала серьезных военных конфликтов. Однако, с появлением массовой миграции, появились новые социальные проблемы. Существует разница, между той ситуацией, когда мигранты создают национальное процветание и при этом встраиваются в общество, усваивая идентичность принимающей стороны. Совсем другое, когда мигранты превращаются в самодовлеющую силу, претендуя на полноправие в гражданских правах, с намерением развивать свою культуру. У мигрантов первого поколения 50-60 гг. такой стратегии поведения еще не было. Приезжая для заработка в чуждый для себя в культурном плане мир, как правило, поначалу без семьи, они не подчеркивали собственную идентичность, они хотели, скорее, чтобы их никто не замечал. Второе поколение мигрантов приезжало в среду, обустроенную предыдущим поколением. Хотя мигранты учили языки принимающей стороны, стимула для этого не было, так как легче было замкнуться в рамках национальной диаспоры, чем изменять свою культуру.

Следующее поколение мигрантов приехало в сложившиеся диаспоры, в которых уже родилось новое поколение коренных инокультурных жителей Европы. Нынешнее иммиграционное сообщество состоит из огромного количества натурализовавшихся мигрантов. Эти люди изначально граждане ЕС, чувствуют себя дома на этой земле. Сегодня ситуация выглядит достаточно странно: с одной стороны, мигранты замыкаются в диаспорах со своей культурой, с другой – активно претендуют на то, что это их страна. Безусловно, Европе сегодня необходимо активнее реализовывать свои адаптационные программы, решая, по сути, неразрешимую законодательными мерами проблему².

1 Социальная антропология / К.В. Воденко, С.С. Черных, И.С. Самыгин. Ростов-н/Д: Феникс, 2014.

2 Тэвдой-Бурмули А. Миграционная политика Европы – это проблема, не имеющая решения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/8497> (Дата обращения

В России на миграционную политику сегодня возложили функции, выходящие за пределы ее возможностей: именно миграционная политика стала главным инструментом решения демографической проблемы Большого пространства. Переезд русских из национальных республик завершился в 90-е годы, с 2000-ного года доминирующей стала трудовая миграция. Сегодня Россия выступает страной, из которой выезжают специалисты, а приезжают низкоквалифицированные чернорабочие. В 2014 г. начался приток беженцев из Украины в связи с военными действиями. Таким образом, 59,5% всего миграционного потока в 2015 году – это потенциальные граждане России, которые не всегда могут получить российские паспорта. В структуре миграционного сальдо преобладают женщины. В стране, таким образом, остаются преимущественно женщины детородного возраста, которые нередко заводят в России детей. В Концепции миграционной политики указаны такие цели, как «стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации» и «содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей»¹.

Однако на примере стран ЕС становится понятно, что итогом решения демографической политики через миграцию станет: демографическая бомба отлаженного действия. Временное решение демографической проблемы за счет трудовых мигрантов, формирование анклава этнически однородных и замкнутых групп мигрантов, дистанцированных от традиций и культуры России – это такая миграционная политика, которая приведет к разрушению традиционной российской культуры и уклада жизни. Проблема миграции, таким образом, становится вопросом стабильности в российском обществе.

Отношение к мигрантам в обществе, скорее можно охарактеризовать как нетерпимое. По данным опросов ФОМ, только к славянским народам россияне отнеслись скорее положительно, чем отрицательно². Как видно из опроса россияне готовы принять славян, но выступают против представителей другой религии и этнической группы. По объединенным экспертным данным 85% трудовых мигрантов в России — мусульмане; более 66% недостаточно владеют русским языком (не знают вообще или говорят очень плохо)³. А значит именно этот многочисленный пласт остается невостребованным в систему государства и порождает негативное отношение у российских граждан. Приезжающие мигранты рассматривают страну исключительно в контексте возможного заработка, не стараясь быть толерантными к русской культуре, не изучая русский язык и прочее.

По мнению некоторых исследователей, необходимо увеличение популяризации русского языка среди мигрантов, в чем большое значение имеет деятельность ФЦП «Русский язык», «Русского мира», Института Пушкина и прочих организаций. Цели миграционной политики, адаптационной деятельности и т.п., **должны ставиться, прежде всего, в аспекте приема и адаптации соотечественников.** Именно им следует уделять пристальное внимание: оказывать социальную помощь, содействовать в приобретении жилья, проводить курсы повышения квалификации, содействовать в поиске работы, гарантировать, наравне с коренным населением, места в детских дошкольных учреждениях, школах и др.⁴

17.11.2017).

1 Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz4yQrFMtVP> (Дата обращения 17.11.2017).

2 Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/mir/10442> (Дата обращения 17.11.2017).

3 Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 года: заявленные планы и реальная жизнь: доклад фонда «Миграция - XXI век». М., 2015. С. 68.

4 [Кравченко Л.И.](#) Влияние современной миграционной политики на развитие России [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/vliyanie-sovremennoy-migracionnoy-politiki-na-razvitie-rossii> (Дата обращения 17.11.2017).

Еще одним важным для успешной адаптации мигранта в социуме, является наличие живущего в России друга или родственника. Также, одним из определяющих успешность адаптации факторов, является ориентация в социальных традициях, культуре и правовом поле России.

Однако, в долговременной перспективе, многие мигранты не хотят связывать свое будущее и будущее своих детей с Россией, воспринимая пребывание в России как временную меру для решения своих финансовых проблем. Такое восприятие сохраняется, даже если мигрант проживает в России уже много лет¹.

Сегодня можно сформулировать несколько основных, опробованных в странах ЕС и США, варианта политики интеграции мигрантов в принимающей среде: политика мультикультурализма, политика социальной интеграции, политика политической интеграции и культурно-языковой адаптации.

Так, одним из вариантов миграционной политики на протяжении первых столетий истории США, была политика ассимиляции, подразумевающая безусловное принятие членами этнических меньшинств культурных образцов и поведенческих моделей большинства (политика «плавильного котла»). Эта политика исходила из того, что формируемая американская политическая или гражданская нация должна быть основана на общей системе ценностей и единой культурной традиции. Начиная с шестидесятых годов XX века, политика ассимиляции все больше подвергалась критике в американской политической и культурной элите. Такие исследователи, как Ч. Тэйлор, У. Кимлика и др., ориентируясь на представления о культурном многообразии (diversity), предлагали механизмы организации совместного жительства в рамках политической нации индивидов и групп разной этнокультурной ориентации. Американский вариант мультикультурализма подразумевает развитие толерантности не только к этническим и конфессиональным меньшинствам, но и иным меньшинствам. Так, право на культурное самосознание и разнообразие признается за любыми формами «инаковости». Претензии на создание культурной традиции высказывают феминистки, сексуальные меньшинства и др. По мнению некоторых исследователей, такое направление мультикультурализма чуждо России. Канадский вариант мультикультурализма предполагает свободу выбора индивидуума в отношении культуры. В этих представлениях, индивиду нельзя навязывать этническую культуру, как доминирующей группы, так и ценности его этнической группы². Однако, опыт политики мультикультурализма Австралии демонстрирует, что чрезмерная концентрация усилий на поддержку этнической специфичности приводит в целом к росту ксенофобии, так как подчеркивает не общность, а различия. В итоге наступает обособление азиатских, арабских и других общин и появления «этнических» районов в крупных городах. При этом этнические общины не имеют стремления интегрироваться в культуру принимающей стороны. В Австралии абсолютизация политкорректности доходила до того, что были запрещены даже научные и статистические публикации и высказывания, способные хоть как-то оскорбить национальные меньшинства. С конца 80-х годов культурная идентичность в Австралии стала определяться правом свободного выбора, что помогло переместить центр тяжести национального строительства Австралии из этнической плоскости в гражданскую.

Во Франции была опробована модель политической ассимиляции мигрантов. С этой целью были созданы благоприятные условия для быстрого получения иммигрантами нового гражданства. В рамках этой модели создавалась политическая гражданская идентичность, которая определялась национальным политическим порядком, а не этнокультурными или религиозными корнями. Формально государство не учитывает особых потребностей этнических меньшинств и не отражает их в практической политике; этнические, культурные, религиозные

1 Максименкова М.С., Сорокина А.А. Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/134913688> (Дата обращения 17.11.2017).

2 Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php> (Дата обращения 17.11.2017).

вопросы относятся сугубо к сфере частной жизни иммигрантов. Как наглядно продемонстрировали бунты и волнения в пригородах Парижа в 2005 году, эта политика оказалась неэффективной, так как игнорирование проблем мигрантов не привело к их исчезновению, напротив, оно привело к их радикализации.

Великобритания проводила целенаправленную политику мультикультурализма, так называемого «единства в разнообразии». Государство содействовало этническим группам в их культурных инициативах, этнические меньшинства делегировали своих представителей в систему образования и здравоохранения. Культурно-религиозные центры сообществ пакистанцев, бангладешцев, индийских сикхов и др. стали частью ландшафта больших и малых городов, традиции и обычаи привычной составляющей повседневной жизни. Однако взрывы в Лондонском метро летом 2005 года подняли вопрос об «исламской угрозе» и поставили под сомнение правильность этого варианта политики мультикультурализма.

Одним из примеров наибольшей толерантности к инокультурным мигрантам до недавнего времени была Голландия, где пример многие считали образцом успешности политики мультикультурализма. Но, как отмечает И. Семененко, расчет обернулся просчетом: в 90-е годы около пятой части населения страны оказалось неголландского происхождения, а все крупные города стали похожи на этнические гетто, и многие заговорили о перспективах полной исламизации страны¹. В итоге подготовленный в 2005 году доклад парламентской комиссии об опыте интеграции мигрантов за последние три десятилетия констатировал провал государственной мультикультурной политики.

В ряде государств ЕС, в первую очередь Германии, Италии, Греции, в основу формирования нации был положен принцип общности происхождения населения, и стимулировалась полноценная интеграция этнических переселенцев. В то же время по отношению к иммигрантам, не имеющих местных корней или хотя бы европейского происхождения, осуществлялась политика функциональной интеграции, или социального гражданства, – инкорпорация только в сферу занятости и систему социального обеспечения. Возможности политического участия в делах общества и получения нового гражданства последовательно ограничиваются. Однако, в условиях миграционного кризиса последних лет, когда доля этнических меньшинств резко увеличивается в количественном отношении в сравнении с коренным населением, в скором времени следует ожидать политических выступлений, направленных на уравнивание мигрантов в политических правах. Культурно-религиозная составляющая интеграционной политики во многом сводилась к обеспечению мигрантам права на культурную автономию, нацеленному на удовлетворение потребностей мигрантов в изучении родного языка и сохранении своей культуры, воплощенной, прежде всего, в сфере образования.

Таким образом, применение политики мультикультурализма к трудовым мигрантам, приводит к созданию изолированных анклавов с иными принципами культуры и отношениями, например, между мужчинами и женщинами, чем в обществах принимающих стран. Принципы мультикультурализма помогли снизить противостояние между этническими группами, но одновременно, привели к обособленности мигрантских общин и созданию своеобразных национально-культурных гетто, а также системы предпочтений по отношению именно к недавним мигрантам, что вызывало затем протест со стороны коренного населения.

Политическая интеграция иностранного населения, которая проявляется в предоставлении как активного так пассивного избирательного права, как правило, подвергается сомнению, как вызывающе протесты со стороны коренного населения. Кроме того, политическая интеграция мало применима к временным и, в частности, к трудовым мигрантам. С учетом современных российских реалий

¹ Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ: западные модели и перспективы для России // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2. 2006 / Российской ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2007. С. 302-327.

отметим, что в ряде мест факты начала политической интеграции мигрантов – российских граждан, переселенцев из Северного Кавказа, сами по себе вызывают недовольство местных жителей, так как избранные из числа переселенцев депутаты местных советов, начинают нарушать, по мнению местных жителей, уже права коренного населения.

В рамках политики культурно-языковой интеграции, в отличие от практик мультикультурализма, для решения задачи языково-культурной адаптации приезжающих в Россию трудовых мигрантов предполагается их ознакомление с особенностями и традициями страны и региона их пребывания, с той городской культурой и обычаями жизни, с которой некоторым из них еще не приходилось сталкиваться. В этом заключается и основное отличие предлагаемой политики социальной интеграции и языково-культурной адаптации по сравнению с политической мультикультурализма, в рамках которого акцент всегда делался на развитие культур и языка этнических меньшинств. В рамках этого направления важно также развивать и межрелигиозные контакты, знакомить приезжающих с обычаями и верованиями той страны и региона, куда они приехали, пусть и на краткое время. Особый акцент, вероятно, стоит делать на особенности принимающей культуры по поводу отношений между мужчинами и женщинами, равноправия женщин и недопустимости семейного насилия. В российских условиях особенно важно развивать интеграционную компоненту, обучая, в частности мигрантов языку и культуре принимающего их сообщества, не упуская при этом и задачу воспитания толерантности коренного населения¹.

Библиография

1. Социальная антропология / К.В. Воденко, С.С. Черных, И.С. Самыгин. Ростов-н/Д: Феникс, 2014.
2. *Тэдой-Бурмули* А. Миграционная политика Европы – это проблема, не имеющая решения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/8497> (Дата обращения 17.11.2017).
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz4yQrFMtVP> (Дата обращения 17.11.2017).
4. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/mir/10442> (Дата обращения 17.11.2017).
5. Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 года: заявленные планы и реальная жизнь: доклад фонда «Миграция - XXI век». М., 2015.
6. Кравченко Л.И. Влияние современной миграционной политики на развитие России [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/vliyanie-sovremennoy-migracionnoy-politiki-na-razvitie-rossii> (Дата обращения 17.11.2017).
7. Максименкова М.С., Сорокина А.А. Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/134913688> (Дата обращения 17.11.2017).
8. Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php> (Дата обращения 17.11.2017).
9. Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ: западные модели и перспективы для России // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2 2006 / Российской ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2007. С. 302-327.
10. Сунгуров А.Ю. Миграционная политика: сравнительный анализ зарубежного опыта и некоторые рекомендации для России. Работа выполнена при поддержке Московского представительства Международной организации мигрантов // Публичная политика – 2010: Сборник статей. СПб: Норма, 2011. С.

¹ Сунгуров А.Ю. Миграционная политика: сравнительный анализ зарубежного опыта и некоторые рекомендации для России. Работа выполнена при поддержке Московского представительства Международной организации мигрантов. // Публичная политика – 2010: Сборник статей. СПб: Норма, 2011. С. 59-75.

References

1. Social anthropology [Sotsial'naya antropologiya]. Ed. by K.V. Vodenko, S.S. Chernykh, I.S. Samygin. Rostov-on-Don: Feniks, 2014.
2. Tevdoy-Burmulii A. Migration policy in Europe is a problem that has no solution [Migratsionnaya politika Evropy – eto problema, ne imeyushchaya resheniya]. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/8497>.
3. The concept of state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025 [Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz4yQrFMtVP>.
4. The attitude towards migrants-migrants neighbors and colleagues [Otnoshenie k migrantam-sosedyam i migrantam-kollegam]. URL: <http://fom.ru/mir/10442>.
5. The concept of state migration policy until 2025: the plans and real life: the report of the Foundation «Migration - XXI century» [Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki na period do 2025 goda: zayavlyennyye plany i real'naya zhizn': doklad fonda «Migratsiya - XXI vek»]. Moscow, 2015.
6. Kravchenko L.I. The impact of modern migration policy on the development of Russia [Vliyaniye sovremennoy migratsionnoy politiki na razvitie Rossii]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/vliyaniye-sovremennoy-migracionnoy-politiki-na-razvitie-rossii>.
7. Maksimenkova M.S., Sorokina A.A. Russia through the eyes of labor migrants: a values-based barriers to adaptation [Rossiya glazami trudovykh migrantov: tsennostnyye bar'ery na puti adaptatsii]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/134913688>.
8. Deryabina S.R. Russia and the experience of multiculturalism: for and against [Rossiya i opyt mul'tikul'turalizma: za i protiv]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php>.
9. Semenenko I.S. The integration of other cultures communities: Western models and prospects for Russia [Integratsiya inokul'turnykh soobshchestv: zapadnye modeli i perspektivy dlya Rossii] // Democracy, governance, culture: problematic dimensions of contemporary politics. Political science: Yearbook 2. 2006 / The Russian Political Science Association; Ed. by A. I. Soloviev. Moscow: ROSSPEN, 2007. P. 302-327.
10. Sungurov A.Yu. Migration policy: a comparative analysis of best practices and some recommendations for Russia. The work is executed at support of the Moscow representation of the International organization of migrants [Migratsionnaya politika: sravnitel'nyy analiz zarubezhnogo opyta i nekotorye rekomendatsii dlya Rossii. Rabota vypolnena pri podderzhke Moskovskogo predstavitel'stva Mezhdunarodnoy organizatsii migrantov] // Publichnaya politika – 2010: Sbornik statey. Saint Petersburg: Norma, 2011. P. 59-75.

*ВОЛКОВ Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ,
д. филос. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону (Россия)*

ugvolkov@sfedu.ru

*ДЕНИСОВА Галина Сергеевна
д. социол. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону (Россия)*

denigs@aaanet.ru

*ВОЙТЕНКО Валерия Петровна
к. филос.н.,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону (Россия)
leravvp@mail.ru*

*VOLKOV YuryGrigoryevich
Honored worker of science of Rus-
sian Federation,
Doctor of Philosophy, Professor,
Southern Federal University (SFE-
DU)*

Rostov-on-Don (Russia)

ugvolkov@sfedu.ru

*DENISOVA Galina Sergeevna
Doctor of Sociology, Professor,
Southern Federal University
(SFEDU)*

Rostov-on-Don (Russia)

denigs@aaanet.ru

*VOYTENKO Valeriya Petrovna
Candidate of Philosophy
Southern Federal University
(SFEDU)*

Rostov-on-Don (Russia)

leravvp@mail.ru

Межэтнические отношения в Китае: ценностная политика и институциональные практики / Ethnic relations in China: policy values and institutional practices

Аннотация

В статье дан анализ исследования концептуальных и прикладных рамок сферы регулирования межэтнических отношений в Китае, что дает возможность приблизиться к объективной всесторонней оценке китайской национальной политики и охарактеризовать возможность имплементации китайского опыта в сфере гармонизации межэтнических отношений на федеральном и региональном уровнях в России. Операционализируя понятия «институциональные практики» и «ценностная политика», авторы приходят к выводу, что позитивный смысл имеет опыт правового регулирования в сфере межэтнических отношений (формальные практики). Оценка ценностной политики в Китае определяется доминированием стержневых ценностей, что в российских условиях связано с диалоговым полем общероссийских и этнических ценностей, позволяющих избежать рисков этнодискриминации и включить социокультурную интеграцию в достижение состояния сотрудничества и открытости в сфере межэтнических отношений.

Ключевые слова

Многонациональный народ; национальная политика; сфера регулирования межэтнических отношений; национальные районы; мягкая ассимиляция; стержневые ценности.

Abstract

The article analyzes the study of the conceptual and applied framework for the regulation of ethnic relations in China, which gives the opportunity to get closer to the objective a comprehensive assessment of China's national policy and to characterize the possible implementation of the Chinese experience in the sphere of harmonization

of interethnic relations on Federal and regional levels in Russia. The authors conceptualized the theoretical approaches of foreign, Russian and Chinese scientists and experts according to the criteria of the goals, methods of implementation and prospects in the sphere of regulation of ethnic relations in China. The authors come to the conclusion that the positive meaning of the experience of legal regulation in the sphere of interethnic relations (formal practice). Assessment of the value of the policy in China is determined by the dominance of core values, a dialog box related to national and ethnic values, allowing avoiding the risks of discriminating and enabling socio-cultural integration in the achievement of a state of cooperation and openness in the sphere of interethnic relations.

Keywords

Multinational people; national policy; regulation of inter-ethnic relations; national areas; soft assimilation of core values.

Реализуемая в Китае модель регулирования межэтнических отношений вызывает значимый научный и практический интерес. Китайское общество характеризуется мощной экономической динамикой, политикой конструктивного нейтралитета в международных отношениях, ориентировано на формирование гармоничных межэтнических отношений. Для Китая, где этнодемографический баланс складывается в пользу ханьской (китайской) нации, казалось бы, иноэтнические группы, составляющие 16% населения, являются периферийным фактором в процессе национальной консолидации. Между тем, с конца 80-х годов политика в отношении национальных меньшинств обретает интегративную направленность, содержит принципы стимулирования культурного разнообразия при сохранении доминанты государства в политической сфере. В национальной политике Китая не содержится прямой заявки на гражданскую нацию, вместе с тем, признается формула многонационального народа Китая. Это имеет принципиальное значение, при сохранении единого государственно-партийного руководства, включить национальные районы Китая в равноправные провинции КНР, от успешного развития которых зависит судьба всей страны.

Можно констатировать, что китайская модель национальной политики является государственноцентричной. Так, основные усилия в осуществлении модернизации национальных районов и достижение равноправия этнических групп находятся в сфере компетентности и ответственности китайского государства. Это означает, что национальная политика реализуется планомерно, основывается на принципах равноправия и единства, провозглашенных коммунистической партией. Особенность текущего момента состоит в том, что Центр заинтересован в социальной опоре на местах, доверии этнических групп к властным структурам и влиянию на межэтнические и внутриэтнические отношения местных кадров. Таким образом, создается баланс административных, социальных, идеологических механизмов управления межэтническими отношениями.

Специфика межэтнических отношений в Китае заключается в том, что признается роль ханьской нации как государствообразующей, и межэтнические отношения обретают патерналистский вектор, что имеет причины как в реальном отставании национальных районов от процессов модернизации, так и в том, что воспроизводится традиционная установка на китайское цивилизационное своеобразие, международный авторитет и приоритетные цели достижения экономической и военной мощи. Культурное возрождение иноэтнических групп характеризуется процессом сохранения культурно-языкового разнообразия одновременно с признанием интегрального значения китайских традиционных культурных ценностей.

Для российского общества с этнокультурным и этнотерриториальным разнообразием актуальным является выявление конструктивного потенциала китайского опыта модернизации национальных районов, так как в ранний постсоветский период набрали силу центробежные тенденции, архаизация общественно-политической жизни, регресс экономической сферы. Китайский

опыт полезен преодолением последствий управленческого хаоса, перегибами в процессах идеологического воспитания 50-60-х годов XXвека. Несмотря на различия в ситуации парада суверенитетов в России и борьбы за идеологическую правильность в национальных районах Китая, речь идет об общих приоритетах в политической, социально-экономической и культурной интеграции этнических групп в общегосударственное пространство.

В российской исследовательской литературе сложились три подхода к анализу и оценке политики в сфере межэтнических отношений в КНР. Булдакова В.Г., выражая «административный» подход, делает акцент на том, что основным механизмом реализации национальной политики в КНР является координация действий государственных и партийных структур¹. В административном подходе констатируется, что китайская национальная политика с идеей единого многонационального государства нацелена на интеграцию этнических групп в китайское общество и, допуская развитие этнокультурного своеобразия, включает перспективу слияния этнических групп в единый китайский народ.

Предлагаемый И.Ф.Поповым подход можно охарактеризовать функциональным, так как в основе анализа полагается, что китайское общество, учитывая этнодемографическое соотношение китайского населения и иноэтнических групп, является китаецентричным, то есть в общественном сознании твердо укрепился комплекс «старшего брата»². Но, как отмечает автор, включение в великую китайскую семью означает непереносимый вклад в развитие Китая.

А.А. Амантаева, анализируя национальную политику Китая как политику в отношении национальных меньшинств, настаивает на ее преемственности, на том, что национальные меньшинства стали объектом мирной и немирной экспансии, что и в настоящий период проявляется высокомерие в оценке перспектив развития иноэтнических групп, и в целом доминирует тренд китаизации³. Критическое восприятие в содержании и цели национальной политики Китая во многом определяется дистанцированностью от модели этнической ассимиляции, проводимой в КНР, и позиция автора, таким образом, характеризуется субъективизмом.

В работах А.Д. Цендина подчеркивается, что основополагающим является закон о национальной автономии (1984 год). Цендина использует правовые и культурные дефиниции для характеристики регулирования межэтнических отношений в Китае⁴. Согласно ее позиции, модель национальной политики характеризуется повышенным легизмом, детальной разработкой правовых регуляторов, гарантирующих сплоченность, равенство и интеграцию национально автономных образований.

Зарубежные исследования сферы межэтнических отношений в Китае подразделяются на два направления. Одно можно условно назвать алармистским, так как Э. Пэн, Дж. Драйер рассматривают национальную политику Китая как инструмент внешнеполитической экспансии. В предложенной ими интерпретации подчеркивается, что национальная политика в Китае опирается на использование административно-политической и экономической мощи государства и имеет своей целью поддержание абсолютного контроля над национальными окраинами для создания ситуации надежных тылов. Более взвешенную позицию занимают А. Хантер, Т. Соренсен, в рамках геополитического подхода оценивающих китайскую национальную политику противоречивой, но эффективной. Отмечается, что

1 Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 60-летию КНР / Российская академия наук. - М.: ИД ФОРУМ, 2009. - 592 с.

2 Кожин П.М., Смирнов Д.А. Предисловие // КНР: институционализация опыта реформ. Материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая, ИДВ РАН, 3 марта 2010 / Информационные материалы. Серия: В «Общество и государство в Китае в период реформ». Вып. 25.М.: ИДВ РАН, 2010. С. 7–8.

3 Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 60-летию КНР / Российская академия наук. - М.: ИД ФОРУМ, 2009. - 592 с.

4 Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН – М.: Новый хронограф, 2016. 424 с. – (Российское общество. Современные исследования).

система административного деления, исключая этно-территориальные и этнополитические притязания, соответствует целям китайского руководства. Регулирование межэтнических отношений находится под постоянным государственно-партийным контролем, и в этом нельзя усмотреть перспективу демократизации, однако стимулируется разнообразие социальной и экономической самодетельности.

Китайские исследователи национальной политики характеризуются единой позицией относительно доминанты государства в регулировании межэтнических отношений, но вместе с тем можно говорить об определенных теоретико-методологических различиях. По мнению ЯньСюэтуна, китайская национальная политика традиционно характеризовалась фактором мягкой силы, стремлением на основе включения экономических, политических ив ситуации исключительности, силовых механизмов, ориентироваться на гармонизацию общества, и межэтнические отношения, которые содержат конфликтотенный потенциал, связанный с неудовлетворенностью запросов на социальное равенство, могут стать фактором дестабилизации. В позициях Ли Вэйханя, Хуан Гуансюэ делается акцент на сближение китайцев и национальных меньшинств через преодоление ханьского шовинизма и местного национализма. Ли Далун, Ли Шен, Ван Эрши придерживаются административно-правового подхода, основываясь на том, что административно-территориальное деление подтвердило свою эффективность с начала осуществления национальной политики в КНР.

Сложность представляет введение в дискурс регулирования межэтнических отношений в России формулы помощи национальным меньшинствам. Во-первых, в приоритетах государственной национальной политики РФ названы укрепление единства многонационального народа Российской Федерации на основе формирования российской нации и осуществление прав народов Российской Федерации на этнокультурное разнообразие. Во-вторых, проявляются различия во влиянии культурного наследия, в котором закреплена идея цивилизационного равноправия и добрососедства народов России, в то время как в китайском обществе доминирует принцип преемственности цивилизационной самобытности китайской нации, что порождает следствием направленность на сближение этнических групп и национальных меньшинств, то есть преодоление фактического неравенства и воздействия мягкой ассимиляции.

Таким образом, есть актуальная необходимость осмыслить способы и цели социокультурной модернизации национальных провинций Китая, проанализировать принципы и цели национальной политики и одновременно исходить из того, что китайское общество имеет иную административно-территориальную специфику, что в практике национального регулирования межэтнических отношений в Китае осуществляется принцип включения граждан на индивидуальном и организованном уровнях как надежного союзника государства в реализации целей национальной политики, и гражданские ассоциации оцениваются по критерию взаимодействия с государственными и партийными структурами, а также по потенциалу мобилизации населения на реализацию проектов развития в национальных районах.

Национальная политика Китая отмечается тремя значимыми факторами. Первый состоит в том, что в китайском обществе провозглашена политика создания китайского многонационального народа, что определяет приоритет процессов интеграции, ассимиляции этнических групп в китайскую государственную нацию. Этнические группы ориентируются на достижение статуса равноправия с китайцами, но именно на основе ассимиляции, равенства прав в качестве представителей китайского национального народа. Отсюда можно сделать вывод о том, что в Китае в регулировании межэтнических отношений определяющим является воспроизводство и закрепление государственной идентичности, осознание принадлежности к многонациональному китайскому народу. При этом подчеркивается, что учет этнических (национальных) особенностей является компромиссом, усилением эффективности регулирования межэтнических отношений в контексте выстраивания политики содействия, сообразуясь с уровнем социально-экономического развития, политической ситуации, соотношением

коренного и китайского населения, авторитетом культурных и религиозных традиций, с языковым фактором. Очевидно, что этническое своеобразие воспринимается поддерживающим фактором на пути укрепления китайской государственной идентичности.

Этнополитические установки в формировании государственной идентичности исключаются. Разумеется, признавая идею «общего дома», подчеркивается роль китайского народа как государствообразующего, как народа с богатым культурно-цивилизационным наследием и с традицией выбора срединного пути, поддержки идеи «единства в разнообразии». Таким образом, утверждается, что традиции, ментальность китайского народа исключают применение насилия, что руководство страны нацелено на мягкую интеграцию национальных меньшинств, и принадлежность к китайскому народу является не номинальной, а действительной идентичностью, оказывающей влияние на реальную жизнь. Характерным моментом можно считать, что процесс формирования государственной идентичности рассматривается как постепенный, но неуклонный.

В сфере регулирования межэтнических отношений приоритетом обладают интеграционные факторы, связанные с реализацией политики не только совместного проживания, но и регулярного общения, сотрудничества представителей различных этнических групп. Обращается внимание на национально-религиозные вопросы, где провозглашена практика уважения верований при государственном управлении религиозными делами и защите нормального порядка. Актуально разведение конфессиональности и этничности в предотвращении политических рисков, что, учитывая опыт негативного влияния этноконфессионального фактора межэтнических отношений, следует подчеркнуть введение практики жесткого контроля в религиозной сфере, и, если не борьбу с религиозными пережитками, то недопущение вовлечения влияния религии на межэтнические конфликты.

Отмечая, что состояние сферы регулирования межэтнических отношений определяется централизованной национальной политикой, корректно говорить о том, что на уровне статуса национальных районов предусмотрена самостоятельность в сфере социальной инфраструктуры, политики повышения благосостояния населения, регулирования вопросов местного самоуправления. Однако самостоятельность обусловлена ответственностью местных властей за сохранение стабильности и гармонизации межэтнических отношений. Под гармонизацией подразумевается и нейтрализация рисков этноконфликтности, и усиление межэтнического доверия на основе политики шефской помощи Центра. Это, по мнению китайских властей, повышает и доверие к центру, и доверие к ханьской нации в качестве государствообразующей. В сложившейся ситуации Центр является доминантой в сфере регулирования межэтнических отношений. Развитие связей между национальными меньшинствами регулируется в контексте китайского интеграционного процесса.

Институциональные практики, как действия, обусловленные формальными, неформальными нормами этнического взаимодействия,¹ характеризуются подчиненностью целям национальной политики, связанным, как отмечалось выше, с укреплением единства китайского многонационального народа. Субъектами институциональной политики выступают государственно-партийные структуры, органы региональной власти, элиты национальных районов, лояльные к государству гражданские ассоциации. Так как в китайской национальной политике ведущим является управление межэтническими отношениями с целью достижения гармонизации, можно констатировать о внимании к совершенствованию нормативно-правовой базы, внесению определенных коррекций в соответствующие законодательные акты, не нарушая базисные конституционно-правовые нормы. Показательно, что при сохранении фундаментального закона о национальных районах есть широкий коридор возможностей совершенствования внесения новых правовых регуляторов в межэтнические отношения, законодательные акты, регулирующие гражданско-правовую, административную, хозяйственную

1 Межнациональное согласие в региональном контексте/ Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробичева. М. 2015. - с.96-108

сферы. Формальные институты в основном моноцентричны, притом что действуют механизмы консультаций, совещаний с руководством национальных территорий, управленческие функции сосредоточены на уровне Центра.

Формальные институты в сфере регулирования межэтнических отношений включают институты порядка (армия, правоохранительная система), управления и развития (система государственного и регионального управления), консолидации (партийные и идеологические структуры). Между тем, учитывая сбой в национальной политике в недавнем прошлом (период хаоса), соблюдаются нормы ограничения компетентности и баланса интересов политических и экономических институтов. Можно говорить о том, что главным ориентиром в развитии формальных институциональных практик выступает эффективность управления в сфере регулирования межэтнических отношений, единое политико-правовое поле, соблюдение правового равенства граждан и недопущение формирования этнократии, претендующей на особые политические права и исключительность этнической группы.

Неформальные институты в сфере регулирования межэтнических отношений связаны в основном с тем, что подавляющее большинство представителей национальных меньшинств проживают в сельской местности (85%). Государство поощряет развитие институтов взаимопомощи, взаимответственности, сотрудничества, опираясь на сельские сходы, трудовые коллективы. Важным моментом можно считать, что неформальные институты, сохраняя этнокультурное своеобразие, нацеливаются на развитие новых форм экономической деятельности (этнографический туризм, художественные промыслы, внедрение новых агрокультурных технологий). Очевидна тенденция локализации неформальных практик, в которых этнические нормы выражают систему коллективного опыта, но подвергаются критической оценке с критерием вклада в развитие этнических (национальных) меньшинств. Иными словами, предлагается оценивать неформальные практики в контексте устранения этнической самоизоляции и модификации этнических норм под влиянием правовых регуляторов. В сфере межэтнических отношений поддерживаются этнопроекты, этнобизнес, если соблюдаются принципы «сяокан» (достойной жизни) и гармонии интересов этнических групп. Неформальные практики не дискриминируются, но связаны с властью закона.

С развитием неформальных практик, ориентированных на открытость государству, обществу, связывается ориентация на доверие, и поскольку без преодоления кризиса доверия невозможно обеспечить развитие национальных меньшинств, неформальные практики подвергаются правовому и идеологическому регулированию с целью преодоления границ узкоэтнической и клановой солидарности и выработки основ для взаимопомощи между гражданами вне зависимости от этнического статуса. Устанавливается приоритет правового равенства в межличностной сфере, и исключение по правилу этнической квотности составляют только практики, основанные на исторически сложившихся и имеющих уникальную этническую самобытность схемах деятельности.

Таким образом, институциональные практики регулируются на правовом уровне, и этнические нормы имеют локальную адресатность, актуализируются в разрешенных властью закона пределах.

Ценностная политика в регулировании межэтнических отношений занимает особое место. Дело в том, что в китайском обществе, где подчеркивается значение стержневых ценностей китайской культуры, развитие ценностной политики, как генерирования новых ценностей, не воспринимается желательным. Утверждается, что китайская традиционная культура, с конфуцианской культурой в качестве основы, является культурой, обладающей всеобщими ценностями. Интегративными (базовыми) ценностями китайского общества провозглашены доверие, долг, справедливость, гуманность, которые закрепляют демократию, приоритет права и мораль китайского общества.

В сфере межэтнических отношений приоритетным является обращение к традиционным ценностям. При этом подчеркивается значимость конфуцианской 50

традиции «серединного пути». В этом контексте отсутствует отказ от диалога с ценностями западной культуры, но определяется, как условие равенства, разумность (толерантность) для воплощения стержневых ценностей. Защита традиционных ценностей и возможность инновационной интерпретации связываются с деятельностью государственных структур, культурных ассоциаций и научного (экспертного) сообщества. Отвергая плюрализм ценностей, как не свойственное китайскому обществу, постмодернистское отрицание традиций, политика стержневых ценностей включается в сферу межэтнических отношений духовной основой укрепления единства китайского многонационального народа и гармонизации межэтнических отношений.

Следует разделять стержневые ценности, которые легитимируют преемственность национальной политики, и инновационные акценты, определяемые тем, что в современном китайском обществе, где высока территориальная мобильность и требуется не просто сосуществование, но и сотрудничество групп с социальными и культурными различиями, толерантность, как единство в разнообразии, обращена к легитимации ментальных и поведенческих схем, выдержанных в «духе эпохи». Аксиологический поворот в сфере регулирования межэтнических отношений характеризуется возрождением «китайского духа», способствующего принятию моральных добродетелей, и, вместе с тем, при раскрытии потенциала стержневых ценностей руководствоваться достижением широкого консенсуса этнических и социальных групп китайского общества.

Складывается ситуация, в которой внешне наблюдается традиционализация ценностей, но в реальности приоритетными направлениями становится актуализация ценности на уровне мягкой силы, создание позитивного образа китайского общества с богатой историей и древней цивилизацией, а в сфере регулирования межэтнических отношений – нейтрализация попыток критики «китаизации» этнических групп на основании стержневых ценностей как всеобщих ценностей, и признание иноэтнических ценностей по критерию гуманности и толерантности.

Таким образом, основной целью китайской модели ценностной политики можно считать влияние на этнические группы в рамках их доверия к стержневым ценностям, открывающим возможности приобщения к великой цивилизации.

Исходя из китайского опыта, следует обозначить пределы имплементации в российских условиях. Целесообразно исходить из того, что в России, при всей схожести с Китаем в формуле «многонациональный народ», статус этнических групп закреплен в политико-правовом значении как равных народов. В национальной политике России выявлены два основных приоритета: формирование российской нации на основе гражданско-государственной идентичности и реализация прав этнических групп в рамках стимулирования этнокультурного многообразия. В Китае акцент делается на государственную идентичность, что предполагает в перспективе растворение этнической идентичности и включение механизмов мягкой ассимиляции. Сфера регулирования межэтнических отношений в России зависит от того, в какой степени наблюдается эффективное сочетание национального единства и развития этнокультурного многообразия. Позитивным смыслом в российских условиях обладает практика снятия этнических противоречий в китайском обществе путем выравнивания национальных районов и регионов, населенных китайцами.

Заслуживает внимания и стремление предотвращать негативные тенденции этнического сепаратизма и этнической самоизоляции, действуя опережающе, а не на уровне диагноза симптомов. Вместе с тем, следует осознать, что сложившаяся административная модель национальных отношений в Китае не может быть перенесена в Россию, также, как и в современных условиях мало результативным является обращение к модели централизации национальной политики Китая. Учитывая российские традиции государственности и запроса на включение в политику регулирования межэтнических отношений структур гражданского общества, отмечая, что и в России, и в Китае основными целями национальной политики являются достижение гармонии межэтнических отношений, необходимо

понять, что для российского общества, принимая во внимание полезность участия органов местного самоуправления, речь идет о том, что, если в Китае структуры местного самоуправления включены в вертикаль власти и находятся под постоянным контролем Центра, в России местному самоуправлению отводится роль структуры саморегулирования в сфере межэтнических отношений. Благоприятной для имплементации институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях является возможность заимствования из китайской законодательной практики схем включения в законодательные акты этнической составляющей. Но в этом смысле следует учитывать, что в Китае национальные меньшинства включают различные по составу и численности этнические группы, и отсутствует отдельный закон «о малых народах».

Ценностная политика Китая привлекательна тем, что базируется на цивилизационной константе, что вызывает интерес, если говорить об определении интегративных ценностей российского общества, связанных с исторической судьбой, образом жизни, общей территории проживания. Однако речь не может идти об актуализации стержневых ценностей, поскольку в сфере межэтнических отношений в российском обществе требуется диалог общероссийских и этнических ценностей. Исходя из иерархии смыслов, заложенных в сфере межэтнических отношений, актуальным является не процедура интерпретации традиционных ценностей, а включение гордости за достижения. Для китайского общества политика успеха имеет реальное консолидирующее значение, представленная идеей возрождения Китая.

Таким образом, возможность имплементации китайского опыта обозначена сходными приоритетами сохранения национального единства и территориальной целостности, являясь дифференцированной, когда речь заходит о способах политической и социокультурной интеграции.

Библиография

1. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 60-летию КНР / Российская академия наук. - М.: ИД ФОРУМ, 2009. – 592 с.
2. Кожин П.М., Смирнов Д.А. Предисловие // КНР: институционализация опыта реформ. Материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая, ИДВ РАН, 3 марта 2010 / Информационные материалы. Серия: В «Общество и государство в Китае в период реформ». Вып. 25. М.: ИДВ РАН, 2010.
3. Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН – М.: Новый хронограф, 2016. – 424 с.
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
5. Межнациональное согласие в региональном контексте / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробизева. – М.: Институт социологии РАН, 2015. – 125 с.

References

1. Chinese national Republic politics, economy, culture: the 60th anniversary of the CNR [Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura: K 60-letiyu KNR] / Rossiyskay aakademiyay nauk. - Moscow.: ID FORUM, 2009. – 592 p.
2. Kozhin P.M., Smirnov D.A. Preface [Predislovie] // KNR: institutsionalizatsiya opyta reform. Materialy ezhegodnoy konferentsii Tsentra sovremennoy istorii i politiki Kitaya, IDV RAN, 3 marta 2010 / Informatsionnye materialy. Seriya: V «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae v period reform». Vyp. 25. Moscow: IDV RAN, 2010.
3. The ideal society in the dreams of people in Russia and in China. [monograph] [Ideal'noe obshchestvo v mechtakh lyudey v Rossiii v Kitae: [monografiya]] / otv. red. M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva, LiPeylin', N.E. Tikhonova; Institut sotsiologii RAN – Moscow: Novyy khronograf, 2016. – 424 p.
4. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow [Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra] / ruk. Proekta i otv. red. L. M. Drobizheva. – Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013.
5. Inter-ethnic harmony in the regional context [Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste] / Ruk. proekta i otv. redaktor L. M. Drobizheva. – Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2015. – 125 p.

*ВОЛКОВ Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ,
д. филос. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону (Россия)*

ugvolkov@sfedu.ru

*VOLKOV YuryGrigoryevich
Honored worker of science of Rus-
sian Federation,
Doctor of Philosophy, Professor,
Southern Federal University (SFE-
DU)*

Rostov-on-Don (Russia)

ugvolkov@sfedu.ru

ПОПОВ

*Александр Васильевич
д. социол. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
avropov11@gmail.com*

ПОПОВ

*AleksandrVasil'evich
Doctor of Sociology, Professor,
Director, Don Pedagogical College,
Rostov-on-Don, Russia*

avropov11@gmail.com

СТЕПАНОВ

*Олег Васильевич
д. социол. н., профессор,
директор Донского
педагогического колледжа
Ростов-на-Дону, Россия
oleg19.53@yandex.ru*

STEPANOV

*Oleg Vasil'evich
Doctor of Sociology, Professor,
Director, Don Pedagogical College,
Rostov-on-Don, Russia*

oleg19.53@yandex.ru

ДЬЯЧЕНКО

*Ангела Николаевна
к. филос.н.,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
angelz2004@yandex.ru*

DYACHENKO

*AngelaNikolaevna
Candidate of Philosophy Southern
Federal University (SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia an*

gelz2004@yandex.ru

**Формированиегражданственностиигражданскойидентичности в
России: социально-гуманитарныйдискурс / Formation of citizenship
and civic identity in Russia: socio-humanitarian discourse**

Аннотация

В данной работе анализируются особенности формирования **гражданственности и гражданской идентичности в России**. Методологическую основу их изучения составили **принципы историко-научных исследований**. Авторами в статье отмечается, что в современном российском дискурсе гражданственности сложилось достаточно обширное презентационное поле, включающее в себя множество подходов, в рамках которых представления о гражданственности приобретают, с одной стороны, свою специфику, а с другой парадигмальную ограниченность. В результате в дисциплинарных дискурсивных практиках в России утрачивается представление о гражданственности как целостном социальном явлении. В связи с этим возникает когнитивная потребность в разработке многомерного методологического конструкта холистского изучения гражданственности в России.

Ключевые слова

Гражданственность; гражданская идентичность; дискурс; парадигмальные основания; социокультурная динамика гражданских ценностей; цивилизационная специфика России.

Annotation

In this article we analyze the features of the formation of citizenship and civic identity in Russia. The methodological basis for their study was the principles of historical and scientific researches. Authors in the article note that in the modern Russian discourse of citizenship there is a rather extensive presentation field, which includes many approaches in which citizenship concepts acquire, on the one hand, their own specifics and paradigmatic limitations on the other hand. As a result, disciplinary discursive practices in Russia lose the notion of citizenship as a holistic social phenomenon. In this regard, there is a cognitive need for the development of a multidimensional methodological construct for the holistic study of citizenship in Russia.

Keywords

Citizenship; civic identity; discourse; paradigmatic basis; sociocultural dynamics of civic values; civilizational specifics of Russia.

В России, на рубеже XX-XXI веков, в рамках либеральной модернизации был предложен проект становления гражданского общества, в рамках которого особую значимость приобрели проблемы формирования гражданственности и гражданской идентичности. Решение этих проблем было связано с определенными трудностями. Модификация в российском обществе постоянно разворачивается в русле соединения модернизационных и традиционных начал, включая и сознание россиян.

Некоторые исследователи, критикующие исторический опыт развития России и отображающие процесс ее модернизации, в своих работах показывают, что с одной стороны формируется основа для культивирования либеральных ценностей, с другой – сохраняется основа традиционализма с его консервативными ценностями и установками.

И сегодня большое внимание не только в России, но и за рубежом, в различных социально-гуманитарных и общественных науках уделяется изучению проблем, связанных с гражданским участием и гражданской активностью.¹

В научной литературе уже подводились определенные итоги изучения гражданственности и гражданской идентичности в России в рамках таких дисциплин, как политология, психология, педагогика, культурология, философия и социология.

При этом исследователи отмечают, что в политологии гражданственность изучается преимущественно как политико-правовое явление, выражающееся в выполнении индивидом своих гражданских прав и обязанностей.² Кроме того, особой популярностью пользуется проблематика взаимодействия государства с институтами гражданского общества и отдельными гражданами; роль гражданственности в формировании гражданского общества; гражданственность и политическое участие; гражданственность как идея политического становления личности; гражданственность как фактор формирования политической культуры.

¹ Ekman J., Amna E. [Political participation and civic engagement: towards a new typology](#) // [Human Affairs](#). 2012 Vol. 22.No. 3. P. 283–300; Berger B. *Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement* // *Perspectives on Politics*. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 335–350; Zukin C., Keeter S., Andolina, M., Jenkins, K., DelliCarpini M.X. *A New Engagement? Political Participation, Civic Life, and the Changing American Citizen*. New York: Oxford University Press 2006; Delli M. [Civic Engagement](#). APA.Org. American Psychological Association, n.d. Web. 25 Apr. 2016 // [Civic Engagement](#). [Электронный ресурс] URL: https://www.revolvy.com/main/index.php?s=Civic%20Engagement&item_type=topic&sr=50

² Скалина А.Н. *Гражданственность в современной России: Автореферат дис. канд. полит. наук.* Уфа, 2008.

В рамках психолого-педагогического дискурса исследователи отмечают, что гражданственность преимущественно рассматривается как интегративный комплекс качеств личности, определяющий ее социальную направленность. При этом они обращают внимание на то, что психологов и педагогов традиционно привлекают вопросы формирования гражданских качеств личности, воспитание гражданственности на различных этапах процесса социализации личности. В современной психолого-педагогической литературе большое внимание уделяется изучению факторов, влияющих на процесс формирования гражданственности у подрастающего поколения.

Анализ культурологической литературы позволяет исследователям выделить в ней следующие направления в изучении гражданственности: а) гражданственность как нравственный императив, определяющий отношения человека и общества; б) гражданственность и гражданская культура общества; в) гражданственность как нормативная идея. Тем самым, в рамках культурологической проблематики чаще всего акцентируется внимание на духовно-нравственном содержании понятия гражданственности. Ученые обращают внимание на то, что в настоящее время ощущается потребность в исследовании социокультурной динамики гражданских ценностей в современном российском обществе и разработке основ реактуализации идеи гражданственности.

В современных философских работах исследователи обращают внимание, что их традиционно привлекают такие вопросы как свобода и ответственность личности гражданское общество и государство,¹ гражданственность и модель российской государственности,² гражданская идентичность и социально-политическая стабильность российского общества.

Синопсис социологических работ отображает такие направления, которые связанные с изучением гражданственности и гражданской идентичности, как становления гражданского общества и гражданского участия, гражданской активности и солидарности.³

Таким образом, итоги изучения гражданственности в рамках отдельных научных дисциплин уже подводились в специальных научных работах, однако, как правило, без выделения проблемных полей и парадигмальных оснований существующих в них научно-исследовательских практик. В связи с этим существует необходимость критического анализа результатов научных исследований, связанных с изучением гражданственности. Компаративное их осмысление будет способствовать раскрытию содержания предметных полей изучения гражданственности в российских научно-исследовательских практиках.

Одной из методологических основ изучения **гражданственности и гражданской идентичности** *составляют принципы историко-научных исследований. В широком смысле предметом историко-научных исследований являются и история идей, и история людей как творцов науки, и история ее как социального института. В узком – является развитие науки как системы знания, то есть содержание научных концепций и их парадигмальные основания.*

В рамках такого понимания *предмета историко-научных исследований особое значение имеет теоретическая рефлексия по поводу сложившихся тематических направлений в научном изучении гражданственности, их парадигмальных оснований и результатов, полученных в рамках различных дисциплинарных практик.*

В рассмотрении формирования проблем гражданственности и **гражданской идентичности**, сложилось множество подходов, концепций и идей, обладающих своей спецификой.

В политологии, гражданственность рассматривается преимущественно как одна из форм отношений между индивидом, обществом и государством,

1 Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2011.

2 Лубский Р.А. Этанализм как принцип взаимодействия человека и государства // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С.156-157.

3 Барков Ф.А. Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества // Гуманитарий юга России. 2012. № 2. С. 193-202.

посредством которой решается коллизия между интересами государства и правами человека как гражданина. В справочной политологической литературе понятие «гражданственность» определяется следующими значениями: а) гражданственность как «высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества»; б) гражданственность как «способность и готовность ощущать себя гражданином»; в) гражданственность как антитеза аполитичности; г) гражданственность как «приверженность интересам политического сообщества».

Гражданственность нередко интерпретируется как «идея, отражающая смысловую среду политического становления личности».¹ Это позволяет рассматривать гражданственность как идеологический конструкт, влияющий на процесс политической социализации индивида. Подчеркивая политико-правовой характер гражданственности, исследователи обращают внимание и на нравственную компоненту данного явления. Что позволяет интерпретировать гражданственность как «интегративное политико-нравственно-правовое качество социума и социального субъекта. Качество последнего характеризуется высоким уровнем политической сознательности, компетентности, законопослушания, проявляется в активном участии в социально-политическом процессе, в способности и желании служить обществу и государству».² Таким образом, фундаментальной основой гражданственности выступает нравственная компонента личности, без которой и политика, и право, и любая другая сфера общественной жизни превращается в разгул преступности. Кроме того, в рамках данного подхода, гражданственность выступает не только характеристикой личности, но и общества в целом.

Рассматривая влияние российских политических традиций на гражданственность, некоторые исследователи отмечают, что «отношения между государством и обществом в России с момента возникновения государства строились по принципу подданства граждан».³ Такая модель отношений между государством и обществом повлияла на формирование у населения устойчивых патерналистских ориентиров, которые и легли в основу понимания гражданственности как полного и безоговорочного подчинения власти. Таким образом, модель гражданина в российской политической культуре не имела субъектного начала: человеку отводилась роль лишь объекта государственной политики или механизма ее реализации.

В психолого-педагогическом понимании гражданственность лежит преимущественно в плоскости нравственных характеристик личности. В этом аспекте гражданственность трактуется как «нравственное качество личности, определяющее сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом; разумное использование своих гражданских прав, точное соблюдение и уважение законов страны». В данной интерпретации присутствует интегративный подход, связывающий моральные качества личности с ее гражданской позицией и уровнем правовой культурой.

Некоторые исследователи обращают внимание на тесную корреляцию между понятиями гражданственность и патриотизм, которые отражают социальные характеристики личности. Отсюда «патриотизм выступает как интегративная, системообразующая характеристика личности, имеющая генетические корни, отражающая исторически сложившуюся нравственно-эмоциональную связь человека с комплексом географических, этнических, исторических, культурных, идеологических, эстетических, религиозных и иных представлений». Таким образом, патриотизм является неотъемлемым нравственно-эмоциональным элементом сложной социально-психологической структуры личности, связанным с проявлением ее гражданских качеств.

1 Айвазян А.А., Ольховиков К.М. Современная Россия в зеркале западных представлений о гражданственности и экстремизме // Вопросы управления. 2009. №7.

2 Скалина А.Н. Гражданственность в современной России: Автореферат дис. канд. полит. наук. Уфа, 2008. С.12.

3 Бутырина А.Н. Гражданственность как социально-психологическое явление // Перспективы развития российского государства и общества в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2015. С. 57.

В предметном пространстве культурологического направления гражданственность и гражданская идентичность трактуются «как уровень нравственной культуры общества, нравственный императив, оценивающий степень приближения общества к таким идеалам, как долг, ответственность, достоинство, совесть, патриотизм, гуманность».¹ Данное определение отражает широкий спектр ценностно-смысловых отношений человека и общества. Подчеркивая этическую основу гражданственности, в научном дискурсе культурологии нередко используется понятие «культура гражданственности», которое объединяет в себе нравственно-этический и политико-правовой смыслы: «гражданственность – сложный поликомпонентный феномен, включающий различные элементы, среди которых правовые (правовая культура, соблюдение законов, свобода, правосознание); социально-политические (политическая культура, гражданские права, общественно-политическая активность) и нравственные (гражданское самосознание, долг, ответственность, патриотизм)».² В этом случае культурологи обращают внимание на интегральный характер понятия гражданственности, отражающий широкий диапазон форм духовной культуры общества.

Специфика философского понимания гражданственности связана с рассмотрением данной проблемы в контексте темы гражданской идентичности. В российской интеллектуальной традиции понятие гражданская идентичность имеет свои особенные коннотации, отличающие его от аналогичного понятия, сложившегося в рамках европейской интеллектуальной традиции. Так, в российском философском дискурсе под гражданской идентичностью понимается не столько результат идентификации индивидов с гражданским обществом и его либеральными ценностями, сколько отождествление индивида с гражданской нацией, которая в российской политической традиции неразрывно связана с государством.³ В данном случае речь идет о «гражданской идентификации как процессе соотношения индивидов с российским обществом как социальным целым и принятыми в нем ценностными ориентациями».⁴ Рассматриваемая в таком аспекте, гражданская идентичность выполняет функцию своеобразного цементного раствора, скрепляющего многочисленные этносы, конфессии и социальные группы в единое целое – гражданскую нацию». При этом в формировании гражданской идентичности первостепенное значение уделяется ее государственно-цивилизационному измерению. В этом плане важнейшим функциональным назначением гражданственности выступает интеграция общества в единую систему российской государственности, которая скрепляя «политическим «обручем» ... разнородные земли, народы и культуры, ... формирует единый для цивилизационного ареала нормативно-ценностный порядок, или символический универсум».⁵ В такой интерпретации гражданственность и гражданская идентичность тесно связываются с представлением о цивилизационной специфике России.

В социологической науке сформировались разные понимания о гражданственности и гражданской идентичности. Одни авторы, рассматривая гражданственность как личное качество, считают, что оно базируется на идее гражданского долга и заботе об общественном благе и находит выражение в осознании человеком своих прав и обязанностей по отношению к обществу, а также готовности добровольно следовать его правовым и нравственным предписаниям. Другие связывают гражданственность с активным участием в общественной жизни, чувством сопричастности человека к судьбе отечества и наличием у него социально

1 Шевченко О.М., Данелюс Д.В., Серикова И.Б. Ксенофобия как угроза формирования гражданской идентичности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. Спецвыпуск.

2 Лубский А.В. Гражданственность как базовая структура ментальной матрицы социального поведения в России // Философия права. 2016. № 5 (78). С. 47.

3 Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 96.

4 Лубский А.В. Можно ли совместить гражданские ценности с патриотизмом в России? // Партнерство университета и школы в сфере формирования гражданских ценностей и патриотизма. Ростов н/Д., 2015.

5 Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 96.

значимых нравственных ориентиров, определяющих готовность принять на себя моральную ответственность за прошлое, настоящее и будущее своей страны. Для третьих, гражданственность, находящая выражение в социальной деятельности человека, проявляется в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности¹ и т.д.

Анализ **гражданственности** гражданской идентичности в России позволяет сделать следующие выводы:

1. В российских научно-исследовательских практиках не сложилось единого понимания гражданственности, которое бы использовалось в предметном пространстве разных дисциплин. Это обусловлено многообразием дисциплинарных теоретических подходов, которые предлагают свои парадигмальные основания исследования гражданственности.

2. В рамках политологического дискурса гражданственности и гражданской идентичности в России преобладает конструктивистская парадигма, в рамках которой данное понятие оформляется в политическую идею, призванную обеспечить приоритет интересов государства над интересами личности, а также мобилизовать общество для достижения политических целей. В политологическом дискурсе гражданственность рассматривается преимущественно в трех аспектах: 1) как ценность, входящая в пространство национальной идеологии и политической культуры, призванной обеспечить приоритет коллективных интересов над индивидуальными; 2) как способ формирования у людей гражданских качеств (долг, ответственность и пр.); 3) как инструмент государственной политики, направленный на укрепление российской государственности.

3. В пространстве психолого-педагогического направления гражданственность и гражданской идентичности в России отображается в границах гуманистической и личностно-ориентированной парадигм, в рамках которых доминирует представление о гражданственности как нравственной характеристике личности и способа воспитания и социализации индивида в обществе. Отсюда гражданственность рассматривается как интегральное качество личности, которое формируется под воздействием социально-психологических, эмоциональных и нравственных установок, закрепляющихся в сознании индивида и влияющих на его поведенческие модели в социуме.

4. В культурологическом плане в гражданственности доминирует аксиологический и социокультурный подходы, в рамках которых она рассматривается как уровень нравственной культуры не только личности, но и общества в целом, степень ориентированности социума на гражданские идеалы (долг, ответственность, патриотизм и пр.). В контексте таких парадигмальных оснований гражданственность выступает в качестве культурного императива, ориентирующего деятельность человека на достижение общественного блага.

5. Более комплексный подход представлен в философском направлении, опирающимся на аксиологически-ориентированную, коммуникативную и конструктивистскую парадигмы, которые позволяют интерпретировать гражданственность ее ценностно-культурной контекстуальности как способ интерактивного взаимодействия в обществе и как инструмент формирования гражданской идентичности.

6. В социологической науке, синтезирующей большую часть парадигмальных и концептуальных сюжетов исследования гражданственности и гражданской идентичности в России, наиболее распространенным стал институциональный подход, в рамках которого они рассматриваются как совокупность формальных и неформальных социальных институтов, упорядочивающих отношения между индивидом, обществом и государством.

Таким образом, в современной России утрачивается представление о

1 Лубский А.В. Можно ли совместить гражданские ценности с патриотизмом в России? // Партнерство университета и школы в сфере формирования гражданских ценностей и патриотизма. Ростов н/Д., 2015.

гражданственности и гражданской идентичности как целостном социальном явлении. В связи с этим возникает когнитивная потребность в разработке многомерного методологического конструкта холистского изучения гражданственности в России.

Библиография

1. Айвазян А.А., Ольховиков К.М. Современная Россия в зеркале западных представлений о гражданственности и экстремизме // Вопросы управления. 2009. №7.
2. Барков Ф.А. Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества // Гуманитарий юга России. 2012. № 2. С. 193-202.
3. Бутырина А.Н. Гражданственность как социально-психологическое явление // Перспективы развития российского государства и общества в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2015. С. 57.
4. Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2011.
5. Лубский А.В. Гражданственность как базовая структура ментальной матрицы социального поведения в России // Философия права. 2016. № 5 (78). С. 47.
6. Лубский А.В. Можно ли совместить гражданские ценности с патриотизмом в России? // Партнерство университета и школы в сфере формирования гражданских ценностей и патриотизма. Ростов н/Д, 2015.
7. Лубский Р.А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 156-157.
8. Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 96.
9. Скалина А.Н. Гражданственность в современной России: Автореферат дис. канд. полит. наук. Уфа, 2008.
10. Шевченко О.М., Данелюс Д.В., Серикова И.Б. Ксенофобия как угроза формирования гражданской идентичности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. Спецвыпуск.
11. Ekman J., Amna E. Political participation and civic engagement: towards a new typology // Human Affairs. 2012 Vol. 22. No. 3. P. 283–300; Berger B. Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement // Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 335–350; Delli M. Civic Engagement. APA. Org. American Psychological Association, n.d. Web. 25 Apr. 2016 // Civic Engagement. [Электронный ресурс] URL: https://www.revolvy.com/main/index.php?s=Civic%20Engagement&item_type=topic&sr=50

References

1. Aivazyan A.A, Olkhovikov K.M. Modern Russia in the Mirror of Western Ideas of Citizenship and Extremism [Sovremennaya Rossiya v zerkale zapadnykh predstavlenij o grazhdanstvennosti i ekstremizme] // Issues of Management. 2009. № 7.
2. Barkov F.A. Civil activism, solidarity and self-organization in the context of the Russian model of civil society [Grazhdanskaya aktivnost, solidarnost i samoorganizaciya v kontekste rossijskoj modeli grazhdanskogo obshhestva] // Humanitarian of the South of Russia. 2012. № 2. P. 193-202.
3. Butyrina A.N. Citizenship as a socio-psychological phenomenon [Grazhdanstvennost kak socialno-psichologicheskoe yavlenie] // Prospects for the development of the Russian state and society in modern conditions. Materials of the international scientific-practical conference. Saratov, 2015. P. 57.
4. Kapustin B.G. Citizenship and civil society. [Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo] Moscow: Publishing House of the State University of Higher School of Economics, 2011.
5. Lubsky A.V. Citizenship as the basic structure of the mental matrix of social behavior in Russia [Grazhdanstvennost kak bazovaya struktura mentalnoj matricy socialnogo povedeniya v rossii] // Philosophy of law. 2016. No. 5 (78). С. 47.
6. Lubsky A.V. Is it possible to combine civic values with patriotism in Russia? [Mozhno li sovmestit grazhdanskije cennosti s patriotizmom v rossii?] // Partnership of the University and the School in the field of formation of civic values and patriotism. Rostov on Don, 2015.
7. Lubsky R.A. Etatism as a principle of interaction of the person and the

state [Etatizm kak princip vzaimodejstviya cheloveka i gosudarstva] // Historical and socially-educational thought. 2012. № 6. P.156-157.

8. *Lubsky A. V., Lubsky R. A.* Etatism and Paternalism as Cultural Marks of Civilizational Identity in Russia [etatizm i paternalizm kak kulturnye markery civilizacionnoj identichnosti v rossii] // Humanitarian of the South of Russia. 2013. № 3. P. 96.

9. *Scalina A.N.* Citizenship in modern Russia: [Grazhdanstvennost v sovremennoj rossii] Abstract of the dis. cand. polit. sciences. Ufa, 2008.

10. *Shevchenko O.M., Danelius D.V., Serikova I.B.* Xenophobia as a threat to the formation of civil identity in modern Russia [Ksenofobiya kak ugroza formirovaniya grazhdanskoj identichnosti v sovremennoj rossii] // Socio-humanitarian knowledge. 2014. № 11. Special Issue.

11. *Ekman J., Amna E.* Political participation and civic engagement: towards a new typology // Human Affairs. 2012 Vol. 22. No. 3. P. 283–300; *Berger B.* Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement // Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 335–350; *Delli M.* Civic Engagement. APA. Org. American Psychological Association, n.d. Web. 25 Apr. 2016 // Civic Engagement. [Электронный ресурс] URL: https://www.revolvy.com/main/index.php?s=Civic%20Engagement&item_type=topic&sr=50

КУРБАТОВ
Владимир Иванович
доктор философских наук,
профессор; профессор филиала
Московского государственного
университета технологий и
управления им. К.Г.Разумовского
в г. Ростове-на-Дону Ростов-на-
Дону, Россия
kurbashy@list.ru.

KURBATOV
Vladimir Ivanovich
Doctor of Philosophy, Professor;
Professor of the Moscow State Uni-
versity of Technology and Manage-
ment. KG Razumovsky in the city of
Rostov-on-Don
Rostov-on-Don, Russia
kurbashy@list.ru.

МЕСХИ
Бебури Бесикович
младший научный сотрудник
Южнороссийского филиала
Федерального научно-
исследовательского
социологического центра РАН
Ростов-на-Дону, Россия
bebur9696@mail.ru.

MESKHI
Beburi Besikovich
is a junior researcher at the South
Russian branch of the Federal
Research Sociological Center of the
Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia
bebur9696@mail.ru.

ПАНФИЛОВА
Юлия Сергеевна
преподаватель Института
социологии и регионоведения
Южного федерального
университета; научный
сотрудник Южнороссийского
филиала Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
Ростов-на-Дону, Россия
panfilovajulia@mail.ru.

PANFILOVA
Julia Sergeevna
teacher of the Institute of Sociology
and Regional Studies of the South-
ern Federal University; Researcher
of the South Russian branch of
the Federal Research Sociological
Center of the Russian Academy of
Sciences
Rostov-on-Don, Russia
panfilovajulia@mail.ru.

СТЕПАНОВ
Олег Васильевич
доктор социологических наук,
профессор; директор Донского
педагогического колледжа
Ростов-на-Дону, Россия
pedcollege4@mail.ru.

STEPANOV
Oleg Vasilievich
doctor of sociological sciences,
professor; director of the Don Peda-
gogical College
Rostov-on-Don, Russia
pedcollege4@mail.ru.

**Население юга россии о перспективах регулирования
межэтнических отношений органами региональной власти и
муниципального управления/Opinion of the population of the south of
russia on the prospects for the regulation of interethnic relations by the
regional authorities and the municipal government**

Аннотация

Состояние межнациональных отношений рассматривается в качестве одного

из важных критериев оценки эффективности деятельности органов региональной власти и муниципального управления, что особенно актуально для полиэтничных регионов. Цель статьи – проанализировать особенности общественного мнения жителей Юга России о перспективах регулирования взаимодействия этносов данными субъектами управления. Основываясь на результатах социологического исследования, авторы приходят к выводу, что на сегодняшний день органы региональной власти и муниципального управления не признаются активной силой, способной через управленческие практики влиять на состояние межэтнических отношений в полиэтничных регионах и минимизировать риски формирования межэтнической напряженности. Активизация роли региональной власти и муниципалитетов возможна через расширение источников финансирования и активизацию деятельности институтов гражданского общества.

Ключевые слова

Межэтнические отношения; региональные органы власти; муниципальные органы управления; факторы межэтнической напряженности; управленческие практики.

Abstract

The condition of the international relations is considered as one of important criteria for evaluation of efficiency of activity of regional authorities and municipal government, which is especially important for multi-ethnic regions. The article aims to analyze the peculiarities of public opinion of inhabitants of the South of Russia on the prospects of regulation of the interaction of ethnic groups data management subjects. Based on the results of sociological research, the authors come to the conclusion that today the regional authorities and municipal government clearly is not recognized as an active force, capable of using management practices to affect the state of interethnic relations in the multiethnic regions and to minimize the risk of formation of inter-ethnic tension. The evolving role of regional authorities and municipalities possible through the expansion of sources of financing and the revitalization of civil society institutions.

Keywords

Interethnic relations; regional authorities; municipal governments; factors of inter-ethnic tensions; management practices.

Проблема межэтнических отношений в южном макрорегионе всегда была актуальной. Тесное соседство и исторические особенности взаимодействия этносов в ситуации экономического кризиса и роста миграционного потока приводит к усилению этнического фактора в поликультурной среде региона. Как отмечают исследователи, социальные эффекты этих процессов с наибольшей остротой проявляются именно на локальном уровне. В связи с этим субъектом регулирования межнациональных отношений являются не только федеральные, но и региональные и муниципальные органы власти¹.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 2012 г., имеет основной целью «обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан»². Реализация данной цели, как подчеркивается в документе, предполагает согласованность деятельности федеральных и региональных органов власти, включая органы местного самоуп-

1 Трофимова И.Н. К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах // ARS ADMINISTRANDI. 2014. №1. С.61.

2 Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 10.09.2017).

правления, которые, руководствуясь принципами и ценностями, заложенными в нормативных актах федерального центра и регионального законодательства, должны учитывать этнокультурную специфику локальных сообществ¹. Полномочия региональной и муниципальной власти в сфере регулирования межэтнических отношений особо оговариваются и в ряде других законодательных актов. Так, Федеральный закон №284 в октябре 2013 года в ФЗ N 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» было внесено дополнение, прибавляющее в сферу полномочий местной власти необходимость гармонизации межэтнических отношений². Этим же законом в качестве критерия оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, помимо уже существующих, предлагается рассматривать состояние межнациональных отношений³.

Воспроизводство на уровне массового сознания устойчивой схемы восприятия межэтнических отношений обуславливает определенные ожидания населения, предъявляемые административным структурам, в первую очередь, на местном уровне. В этом контексте оценка населением политики в сфере гармонизации межэтнических отношений приобретает особую актуальность. С этой целью исследовательским коллективом Южного федерального университета под руководством Ю.Г. Волкова в ряде субъектов Южного и Северокавказского федеральных округов был реализован анкетный опрос. Территориальными локациями проведения опроса стали: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край. Общий объем выборки составил 2360 человек с примерно равным охватом населения в каждом регионе.

Анализ спектра оценок, высказанных населением обследованных регионов относительно характера межэтнических отношений, позволяет говорить о том, что большинство респондентов оценивают их как спокойные, однако при этом отмечают некоторую дистанцированность этносов в процессе повседневного взаимодействия (от 24,5% в Кабардино-Балкарии до 39,1% в Ставропольском крае). Напряженность в Южном макрорегионе отметили от 13,5% до 23% респондентов. Почти каждый десятый в целом по массиву указал на наличие открытых конфликтов на национальной почве.

Способна ли, по мнению жителей обследованных субъектов, региональная и муниципальная власть минимизировать риски межэтнических конфликтов? Чтобы ответить на этот вопрос, в ходе исследования респондентам было предложено из реестра факторов формирования межэтнической напряженности выбрать три наиболее важных. Результаты опроса показывают, что при всех различиях, в число ведущих детерминант опрошенные отнесли недостаточное внимание к этой сфере органов власти (от 21,1% в Ставропольском крае до 32,1% в Ростовской области). Немаловажным является тот факт, что, достаточно большое количество респондентов не считают официальных работников, в чей функционал входит регулирование проблем в межэтнической сфере, достаточно опытными и компетентными для выполнения этих обязанностей (от 26,1% в Республике Крым до 36,6% в Кабардино-Балкарской Республике). В республиканском секторе в число наиболее влиятельных факторов опрошенные отнесли также высокий уровень коррупции в органах государственной власти (37,1% в Республике Адыгея, 34,7% в Кабардино-Балкарской Республике). Эти данные свидетельствуют в первую

1 Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2017. № 7. С. 14.

2 Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153536&fld=134&st=100008,0&rnd=0.432785308730792#0> (дата обращения: 10.09.2017).

3 Там же.

очередь о том, что на сегодняшний день жители Юга России в целом не видят в органах региональной власти и муниципального управления активной силы, способной минимизировать проявления межэтнической напряженности в регионе¹.

Оценка практик регулирования межэтнических отношений требует понимания того, в чем, по мнению населения Юга России, заключается их главная цель. Как показали результаты опроса, в этом качестве во всех регионах опроса в коллективных представлениях на первый план выдвинулась задача обеспечения равноправия этносов, которая собралась в целом по массиву четверть ответов (25,3%). Примерно такая же доля опрошенных полагает, что целью национальной политики должно стать регулирование взаимодействия между различными этническими группами, что на сегодняшний день не закрепляется юридическими нормами, однако находит отражение в системе неформальных правил (например, представительства народов в органах власти или в престижных областях занятости, институционализация в общественной жизни деления народов на «титульные» и «не титульные»). При этом идея культурной интеграции различных этносов и формирование общероссийской идентичности в целом не воспринимается в качестве ведущей цели.

Находят ли выделенные респондентами задачи свою реализацию в деятельности региональных и муниципальных органов власти? В поиске ответа на данный вопрос в инструментарии исследования мы предложили респондентам оценить эффективность различных государственных и общественных институтов в деле профилактики межэтнической напряженности. Полученные распределения показывают, что в целом наиболее эффективной признается деятельность Главы и Правительства регионов. В Краснодарском крае и Республике Крым данные институты были оценены как наиболее эффективные (54,3%, и 43,4% соответственно). В этих же субъектах в сравнении с распределениями по массиву в целом выше доля положительных оценок относительно роли муниципальных (42,3% и 32,7%) и правоохранительных органов (47,8% и 31,7%). В то же время в Республике Адыгея, по мнению большинства опрошенных, с этой задачей более успешно справляются образовательные учреждения и руководители диаспор (31,2% и 30,1% соответственно). В Ростовской области также признается высокая значимость диаспор в деле регулирования межэтнических взаимодействий; 28,6% видят большой потенциал СМИ. При этом региональные и муниципальные органы власти на этом фоне оцениваются менее позитивно (16,1% и 19,6% соответственно). Наиболее негативные градации были высказаны жителями Ставропольского края: 41,8% уверены, что Глава и Правительство региона не способны влиять на минимизацию межэтнической напряженности в субъекте, 40,4% не видят в качестве активного актора этих процессов и муниципальные органы власти.

Оценка деятельности органов местного самоуправления (администрации сельских районов и городских центров сельских районов) в настоящий момент не является высоко позитивной (исключение составляют Республика Крым и Краснодарский край) (таблица 1).

Таблица 1

Оценка деятельности администрации сельских районов и городов (районных центров) в сфере профилактики МЭ напряженности

	Эффективно	Малозэффективно	Неэффективно	Затруднились ответить
Адыгея	24,1%	31,9%	12,6%	31,5%
Кабардино-Балкария	20,2%	32,6%	31,6%	15,4%

¹ Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики. – ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. № 6. С. 118-130.

Республика Крым	32,7%	10,7%	10,7%	22,9%
Ставропольский край	13,7%	40,4%	40,4%	26,4%
Краснодарский край	42,3%	38,4%	7,7%	11,6%
Ростовская область	19,6%	39,6%	18,8%	22%

В сложившейся ситуации неудивительно, что большая часть опрошенного населения не видит положительных последствий в передаче основных полномочий по разрешению межэтнических проблем в ведение органов региональной и муниципальной власти. Эта идея была поддержана незначительным числом респондентов почти во все регионах (от 2,4% в Адыгее, до 7% в Крыму). Исключение составляет Краснодарский край, где эта мера достаточно популярна – ей отдали предпочтение 25,6%. Такая популярность объясняется тем, что в Краснодарском крае важным инструментом национальной политики на локальном уровне стала опора на казачество¹.

Какие же полномочия следует передать на уровень местного самоуправления? Как показал анализ полученных распределений, для Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев актуальной является проблема контролирования притока мигрантов в сельские поселения (за это высказались 15-18% респондентов) и разрешение земельных вопросов (от 15%-17%). Каждый пятый в целом по массиву отметил необходимость передачи органам местного самоуправления функции обеспечения правопорядка. От 16% до 25% респондентов в регионах считают, что органы самоуправления должны сами решать вопросы о расширении своих функций.

В связи с тем, что по результатам опроса население достаточно низко оценивает потенциал местного самоуправления в проблеме регуляции межэтнических отношений, актуализируется исследование возможных способов оптимизации данной деятельности. Соответствующий вопрос был также включен в инструментарий исследования. Распределения ответов показали, что в первую очередь органы местного самоуправления должны пользоваться авторитетом у населения (от 25,3% в Ставропольском крае до 47,2% в Республике Адыгея). Более эффективная работа органов местного самоуправления требует также расширения их юридических полномочий (29,9%-38,9%) и финансовых ресурсов (почти 33% опрошенных в целом по массиву). Помимо институциональных условий, во всех регионах выделена роль субъективного фактора – заинтересованность людей в данной деятельности (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «При каких условиях местное самоуправление и национально-культурные образования могут выступить активной силой в разрешении межэтнических проблем?»

Ответы	РА	КБР	Крым	Ставр. край	Красн. край	Ростов. обл.
они должны быть наделены правовыми полномочиями	36,9	38,9	35,4	38,5	40,8	29,8
они должны получить финансовую поддержку региональной власти	24,9	31,8	24,7	13,2	32,8	21,6

¹ Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О. Казачество как этносоциальный феномен современной России (на примере Донского казачества) / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2011.

должны быть льготы для бизнеса, оказывающего целевую поддержку деятельности этим организациям в данной сфере	17,2	27,7	17,2	9,4	30,7	13,7
при условии авторитета этих организаций у населения	47,2	38,2	35,2	25,3	30,2	45,8
специальных условий не требуется, нужны заинтересованные люди	34,1	35,4	31,8	28,6	20,2	32,5
другое	1,1	1,6	1,6	2,7	0,2	0,8
затрудняюсь	2,4	2,3	3,7	8,6	1,7	3,1

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день в массовом сознании жителей Южного макрорегиона региональные и местные органы власти однозначно не признаются активной силой, способной через управленческие практики влиять на состояние межэтнических отношений в полиэтничных регионах и минимизировать риски формирования межэтнической напряженности. Понимая основные цели государственной национальной политики в обеспечении равноправия этносов и установления рамок их взаимодействия, в своем большинстве опрошенные не видят положительных последствий в передаче полномочий по разрешению межэтнических проблем в ведение органов региональной и муниципальной власти, что свидетельствует о существовании кризиса институционального доверия. Более того, недостаточное внимание к этой сфере органов власти, отсутствие необходимых компетенций у работников и их коррумпированность входят в число ведущих детерминант межэтнической напряженности. В то же время активизация роли региональной власти и муниципалитетов в сфере регулирования межэтнических отношений поддерживается населением всех регионов. Основными стимулами такой активности население рассматривает расширение источников финансирования и активизацию деятельности институтов гражданского общества.

Библиография

1. Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О. Казачество как этносоциальный феномен современной России (на примере Донского казачества) / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2011.
2. Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2017. № 7. С. 13-22.
3. Горшков М.К. О Гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 14 – 25.
4. Денисова Г.С. Ценностная политика Российской Федерации в сфере гармонизации межэтнических отношений // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 164-170.
5. Посухова О.Ю., Сериков А.В. Национальная политика РФ в оценке и восприятии населения Южно-российского региона // Власть. 2017. № 8. С. 143-150.
6. Трофимова И.Н. К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах // ARS ADMINISTRANDI. 2014. №1. С.61-69.
7. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153536&fld=134&dst=100008,0&rnd=0.432785308730792#0> (дата

References

1. Vodolatsky VP, Volkov Yu.G., Barkov FA, Serikov AV, Chernous VV, Chernykh E.Yu., Sadko D.O. Cossacks as an ethnosocial phenomenon of modern Russia [Kazachestvo kak etnosotsialnyj fenomen sovremennoj rossii] (on the example of the Don Cossacks) / Ed. SOUTH. Volkova. Rostov n / a: Yurfis RAS, 2011.
2. Volkov Yu.G., Denisova GS, Lubsky A.V. Regulation of interethnic relations: formation of value policy and regional management practices in modern Russia. [Regulirovanie mezhetnicheskix otnoshenij: formirovanie cennostnoj politiki i regionalnye praktiki upravleniya v sovremennoj rossii] SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and socio-cultural journal. 2017. № 7. P. 13-22.
3. Gorshkov M.K. On the Harmonization of Interethnic Relations in Post-Reform Russia: a Contextual Approach [O garmonizacii mezhetnicheskix otnoshenij v poreformennoj rossii: kontekstualnyj podxod] // The Humanitarian of the South of Russia. 2017. T. 6. № 2. P. 14 - 25.
4. Denisova G.S. The Value Policy of the Russian Federation in the Sphere of Harmonization of Interethnic Relations [Cennostnaya politika rossijskoj federacii v sfere garmonizacii mezhetnicheskix otnoshenij] // Social and Humanitarian Knowledge. 2016. No. 7. P. 164-170.
5. Posukhova O.Yu., Serikov A.V. National policy of the Russian Federation in the assessment and perception of the population of the South-Russian region. [Nacionalnaya politika rf v ocenke i vospriyatii naseleniya yuzhno-rossijskogo regiona] // Vlast. 2017. No. 8. P. 143-150.
6. Trofimova I.N. To the problem of regulation of interethnic relations in local communities [K probleme regulirovaniya mezhetnicheskix otnoshenij v mestnyx soobshhestvax] // ARS ADMINISTRANDI. 2014. №1. P.61-69.
7. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025" [Electronic resource]. - Access mode: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (reference date: September 10, 2017).
8. Federal Law No. 184-FZ of October 6, 1999 (as amended on October 30, 2017) "On general principles for the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153536&fld=134&dst=100008,0&nd=0.432785308730792#0> (reference date: September 10, 2017).

*МАЛЬСАГОВА Хава Иссаевна
Соискатель, Адыгейский
государственный университет
(АГУ),
Майком, (Россия)
d21220801@mail.ru*

*MALSAGOVA Khava Issaevna
Applicant, Adyghe State University
(ASU),
Mike, (Russia)
d21220801@mail.ru*

Патриотизм в российском научном и интеллектуальном дискурсе: аксиологическое измерение/ Patriotism in Russian scientific and intellectual discourse: axiological dimension

Аннотация

Патриотизм в России выступает предметом научного дискурса в самых различных отраслях социально-гуманитарного знания, занимая особую нишу в нем с точки зрения широко представленного аксиологического подхода, в рамках которого патриотизм ассоциируется как важнейшая ценность, определяющая саму возможность существования и развития государства и общества. Отношение к патриотизму в современном научном дискурсе в целом является позитивным, однако, просматриваемое сквозь призму интеллектуального дискурса патриотизма отношение к нему имеет и негативную окраску, причины которой весьма интересны с точки зрения тенденций и механизмов формирования патриотизма в современной России. В этой связи автор осуществляет попытку осуществить «связь времен» и показать связующие нити патриотизма современного с его осмыслением в истории России, нашедшем отражение в интеллектуальной традиции.

Ключевые слова

Патриотизм; научный дискурс; интеллектуальный дискурс; аксиологический подход; гражданский патриотизм; государственный патриотизм.

Abstract

Patriotism in Russia is the subject of scientific discourse in the most diverse branches of social and humanitarian knowledge, occupying a special niche in it from the point of view of the widely represented axiological approach, within which patriotism is associated as the most important value determining the very possibility of the existence and development of the state and society. Attitude to patriotism in modern scientific discourse as a whole is positive, however, viewed through the prism of the intellectual discourse of patriotism, the attitude towards it has a negative connotation, the reasons of which are very interesting from the point of view of trends and mechanisms of patriotism formation in modern Russia. In this connection, the author attempts to realize the "connection of times" and to show the connecting threads of modern patriotism with its interpretation in the history of Russia, reflected in the intellectual tradition.

Keywords

Patriotism; scientific discourse; intellectual discourse; axiological approach; civic patriotism; state patriotism.

В российском научном и интеллектуальном дискурсе сложилось достаточно обширное пространство исследования патриотизма, который предстает в самых разнообразных ипостасях: как нравственное качество, чувство любви к Родине, идеологический конструкт, национальная идея, социальный ресурс, способ самоопределения и самоидентификации, компонент гражданской идентичности,

деятельность, ценность и т.д. На последней – ценностной составляющей патриотизма в российском научном и интеллектуальном дискурсе мы хотим остановить свое исследовательское внимание в данной работе, поскольку именно она выступает важнейшей в процессе самоопределения индивида себя как патриота, как человека, соотносящего себя со своим народом, со своим Отечеством, с его историей и культурой. Только то, что близко, значимо, а значит ценно, становится основанием для чувства, которое принято называть любовью к Родине.

Анализ сложившихся представлений относительно патриотизма в его ценностном аспекте важен тем, что с его помощью можно проследить не только современное состояние научного дискурса в отношении данного явления, но и историю становления этих представлений, которая отражается в специфике интеллектуального дискурса, сформировавшегося в России. И с этой точки зрения представляется важным проследить динамику развития этого дискурса в истории России, характеризующуюся достаточно противоречивыми, а порой и драматичными сюжетами, в свое время потрясшими интеллектуальное сообщество России.

Отголоски этого дискурса можно встретить и сегодня, когда на страницах научной и публицистической литературы мы встречаем негативно окрашенные мнения и позиции о патриотизме как социальном явлении, но история появления этих негативных эмоций и смысловых нагрузок в отношении патриотизма своими корнями уходит в интеллектуальный дискурс, развернувшийся, как полагают исследователи¹, с момента выхода в свет хорошо известных «Философских писем» П.Я. Чаадаева. Именно в них впервые патриотизм предстал в негативном свете, как представлялось современникам, при всем том, что сам Чаадаев не отрекался от Отечества, а даже наоборот, признавался в любви к нему в своей «Апологии сумасшедшего» (1837 г.), и смысл его критики сводился к отрицанию слепой влюбленности, с которой и ассоциируется в его работах патриотизм, не связанный с деятельностью на благо своей страны, на ее познание и адекватную оценку.

Призывая отречься от иллюзий, он показывает, что такой «дурной патриотизм» есть зло, так как он не позволяет увидеть пороки своей страны и направить социальную активность на их исправление. Такой патриотизм, с его точки зрения – это способ бегства от реальности, способ укрытия от нее. И в этом смысле идеи Чаадаева, с нашей точки зрения, куда прогрессивнее тех, в которых фиксируются лишь призывы к любви к Отчизне без апелляции к необходимости деятельности, основанной на подлинном знании реальности.

«Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы не обманывать»² - эти слова Чаадаева можно рассматривать как квинтэссенцию его идей о патриотизме, хотя, безусловно, их резкость и жестокость до сих пор поражает и объясняет причины страстей и споров, которые эти слова вызвали в XIX веке. Думается, что и в современной реальности, появившись такие слова, они бы вызвали не меньшую по силе неприязни реакцию со стороны представителей самых разных общественных слоев и групп.

То, что послужило поводом для обличения патриотизма в России XIX века, не менее актуально смотрится и в современной реальности. Речь идет о характере взаимоотношений с Западом, о развитии российской культуры и цивилизации в целом в соотнесенности с западной цивилизацией и ее культурой, породивших извечный спор о специфике цивилизационного и социокультурного самоопределения России между двумя цивилизационными полюсами - Востоком и Западом. В современной реальности вновь обострившиеся взаимоотношения со странами Запада в очередной раз поставили перед Россией вопрос о самоопределении, о необходимости поиска собственного пути развития, что

1 Львов В.С. Патриотизм как архетип // http://samlib.ru//lxwow_w_s/patriotizmkkakarhetip.shtml

2 Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 469.

стало важным поводом для обращения к исторической памяти и патриотизму, к «русскому миру»¹ как источнику осмысления собственного прошлого и конструирования российской идентичности в контексте цивилизационной самобытности России.

Таким образом, ценность патриотизма в чаадаевской интерпретации сводится к необходимости видеть реальность и правдиво смотреть ей в глаза с тем, чтобы иметь возможность изменить свою страну, сделать ее достойной любви и уважения, как со стороны своего народа, так и других народов.

Сегодня, с высоты имеющихся в российском научном дискурсе представлений и направлений в изучении патриотизма, мы можем свести идеи Чаадаева о патриотизме в современную его трактовку как патриотизма идеологического, как идеологического конструкта, искусственно формирующегося для решения определенных, как правило, политических целей и задач. Так, А.В. Лубский, в ходе осмысления интеллектуальной и научной траектории развития представлений о патриотизме в России пришел к выводу о том, что патриотизм в России является не столько понятием, сколько концептом, наполненным различными идеологическими коннотациями и не имеющим четких понятийных очертаний и концептуальных границ². И в большей степени это относится к понятию гражданского патриотизма, чрезмерно перегруженного идеологическими коннотациями.

Итак, мы можем констатировать, что интеллектуальный дискурс о патриотизме, возникший в результате выдвинутых Чаадаевым критических идей, не утратил своей остроты и актуальности и в современной реальности. И по-прежнему перед Россией и научным сообществом стоит вопрос о сущностных основаниях данного явления, которое на протяжении веков формировалось и развивалось как идеологически и ценностно окрашенное, причём в тесном переплетении и того и другого настолько, что порой сложно понять, где проходит граница между идеологическим и эмоционально-ценностным в восприятии патриотизма.

Специфика российского интеллектуального и научного дискурса о патриотизме проявляется также в том, что в нем само понятие патриотизма в его духовном аспекте срослось с понятием Родины, что, согласно мнению И. Сандомирской, по мере включения патриотизма в дискурсивные практики Родины, стало фактором формирования ряда понятий с ярко выраженным политическим смыслом (родное правительство, родная партия, родное государство и т.д.)³. Именно поэтому и возникла эта интерпретация патриотизма как любви к Родине, в которую, в результате политизированности этого понятия, были включены такие структуры, как государство, партии и т.д., а, значит, их тоже надо любить. Поскольку любовь к ним не может сформироваться естественным путем, как к родной земле, родному дому, улице, семье, с которыми ассоциируется Родина, ее следует формировать, а отсюда вывод: патриотизм нужно выращивать, конструировать, т.е. он носит неестественный характер. Вот, собственно, и объяснение идеологической загроуженности понятия патриотизм, которое отличается своей неестественной природой от понятия «Родина».

Нельзя не сказать о том, что в научном дискурсе сложилось и такое направление, в котором не существует разделения между сущностными основаниями таких понятий, как патриотизм и Родина⁴, и это направление является одним из самых популярных в современной науке. Смысл его сводится к отождествлению патриотизма и Родины, т.е. патриотизм – это и есть Родина, это

1 Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественной науки. 2016. № 6-7. С. 103-107.

2 Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 23. № 1. С. 42-59.

3 Сандомирская И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // ИНТЕР. 2004. № 203. С. 16-26.

4 Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Ин-тут рус. цивилизации, 2011. 1216 с.

и есть любовь, которая автоматически закладывает в восприятие патриотизма то, что так обличал в нем Чаадаев – слепую и преданную, самозабвенную, ничем неограниченную любовь ко всему, что связано с Родиной. Естественно, такая слепая любовь, выраженная в понятии патриотизм, не способствует критическому осмыслению Родины и стремлению исправить, искоренить то, что недостойно уважения, то, что нельзя в действительности любить.

В свете вышесказанного неудивительно, что сама ценность патриотизма современными российскими исследователями интерпретируется как в высшей степени политизированная¹, а перед Россией вновь возник поставленный Чаадаевым вопрос о том, какой патриотизм нужен стране, каким он должен быть, чтобы чувство глубокой любви к ней носило осознанный характер, способный стать мотивом для деятельности на благо общества и государства. Современные исследователи связывают такое понимание патриотизма с понятием «гражданский патриотизм». Такой типа патриотизма уже реализовался в практике западных стран с развитыми структурами и институтами гражданским обществом, основу которого составляют высокая гражданская ответственность и гражданственность, формируемые в процессе гражданского воспитания. Основой такого воспитания как базиса для формирования гражданского патриотизма выступает формирование ответственного отношения гражданина страны за все, что происходит в ней в сочетании с любовью к Родине.

В противоположность гражданскому патриотизму исследователи выделяют такой тип патриотизма, как государственный патриотизм². Речь о нем идет в том случае, когда объектом патриотизма выступает само государство, а патриотизм, соответственно, становится стержневым основанием самой государственности, на укрепление которой направляется активность граждан, у которых формируется чувство гордости на Державу, а вследствие чего государственный патриотизм часто ассоциируется с державным патриотизмом как ярко выраженным проявлением первого. Риски формирования такого патриотизма связаны с возможностью его трансформации в национализм в ситуации, когда в патриотическом дискурсе такого рода чрезмерно акцентируется внимание на уникальности и величии Державы.

Однако в российской интеллектуальной традиции понятие национализма не имело такой ярко выраженной негативной окраски, какой оно характеризуется в современной научной литературе. В качестве подтверждения можно привести идеи Струве, разработавшего концепцию «Великой России», в которой он, как сторонник государственного патриотизма, пытался доказать и обосновать свою ключевую идею о величии государства в контексте сращивании государственной и духовной мощи Отечества. Струве известен также, как автор концепция национального либерализма, в которой вводит понятие «истинного национализма» и интерпретирует его с позиции особого понимания нации как культурной общности, а в истинном национализме, с его точки зрения, проявляется национальный дух, а потому и патриотизм в его концепции идентичен понятию национализма³.

В силе нации и силе государства этот государственный мыслитель видел величие России, которое возможно при условии сращивания государства и нации. Силу же патриотизма Струве видел как раз в синтезе государства и нации как воплощении самой идеи такого величия России.

Такой тип патриотизма получил название «просвещенного патриотизма», и, хотя в свое время идеи Струве не нашли положительного отклика у современников, так и не принявших, не оценивших инновационно звучавшие в дореволюционной России идеи национального либерализма и истинного

1 Колесников К.Ю. Проблемы концептуализации современного российского патриотизма // Известия Саратовского университета. 2013. Том 13. Вып. 3. С. 108-111.

2 Тихомиров Г.А. Патриотизм: основные концепции и исследовательские подходы // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 5-1. С.31-35.

3 Струве П. Б. На разные темы // Струве П. Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова. М.: Республика, 1997. С. 263–287.

национализма, в современной реальности их оценка может носить не только положительный характер, но и послужить концептуальным основанием социальных и управленческих практик в области конструирования патриотизма.

Заложенные в его концепции идеи патриотизма достаточно актуально звучат в современной российской действительности, поскольку сама идея национализма получает в ней совершенно иное освещение и интерпретацию, а патриотизм, основанный на признании приоритета прав и свобод граждан, созвучен концептуальным установкам гражданского патриотизма, перспективы и условия формирования которого в современной России активно обсуждаются в пространстве общественно-политического и научного дискурса.

Все чаще формирование патриотизма в современной России связывается с необходимостью формирования общенациональной идеологической площадки, так называемой национальной идеи, отсутствие которой в результате кардинальных перемен, вызванных распадом СССР, привело, по мнению исследователей, способствовало упадку патриотических чувств в российском обществе в постсоветский период¹. Проявлениями этого упадка стал комплекс неполноценности российских граждан перед лицом успешного Запада, равнодушное отношение к истории страны, которая искажалась на фоне процессов девальвации достижений прошлого, стыд за Россию, в настоящем которой гордиться было нечем, а прошлое еще не было реанимировано. Естественно, на фоне негативно разворачивавшегося сценария демократизации постсоветского российского государства, находившегося в тяжелейшем экономическом кризисе и социокультурном расколе, о патриотизме все благополучно забыли, как и о гражданской ответственности, уровень которой достиг в 90-е катастрофически низких показателей.

В современной российской реальности уже многое сделано для того, чтобы граждане России изменили свое отношение к прошлому и настоящему страны – особенно прошлому, которое стало ресурсом формирования гордости за современную Россию и, соответственно, реанимации патриотических чувств. Безусловно, «возвращение» патриотизма в России – результат мощной идеологической пропаганды, продуманного конструирования прошлой реальности и отношения к современной действительности. Идеологизация патриотизма – привычный формат формирования патриотизма в российском обществе, основанный на социокультурных и ментальных основаниях. В их границах в массовом сознании российского населения достаточно легко реанимировали особое отношение к своему государству на основе абсолютной преданности ему, этики служения государству, жертвенности как национальной черты российского народа². Именно эти черты исторически сложились в России, и именно они, во многом, определяют смысл и содержание современного российского патриотизма.

Библиография

1. Львов В.С. Патриотизм как архетип // http://samlib.ru//lxwow_w_s/patriotizm_kakarhetip.shtml
2. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 469.
3. Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6-7. С. 103-107.
4. Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 23. № 1. С. 42-59.

¹ Питченко Д.А. Трансформация понятия «патриотизм» в российской истории // <http://novaya-epoha.ru/index.php/kontseptsiya/189-transformatsiya-ponyatiya-patriotizm-v-rossijskoj-istorii>

² Chernous V.V., Degtyarev A.K., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Volkov Y.G. The lifestyle in the development of ideological policy // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol 6. No 5. S4. P. 503–508.

5. Сандомирская И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // ИНТЕР. 2004. № 203. С. 16-26.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Ин-тут рус. цивилизации, 2011. 1216 с.
7. Колесников К.Ю. Проблемы концептуализации современного российского патриотизма // Известия Саратовского университета. 2013. Том 13. Вып. 3. С. 108-111.
8. Тихомиров Г.А. Патриотизм: основные концепции и исследовательские подходы // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 5-1. С.31-35.
9. Струве П. Б. На разные темы // Струве П. Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова. М.: Республика, 1997. С. 263–287.
10. Питченко Д.А. Трансформация понятия «патриотизм» в российской истории // <http://novaya-epoha.ru/index.php/kontseptsiya/189-transformatsiya-ponyatiya-patriotizm-v-rossijskoj-istorii>
11. Chernous V.V., Degtyarev A.K., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Volkov Y.G. The lifestyle in the development of ideological policy // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol 6. No 5. S4. P. 503–508.

References

1. Lvov V.S. Patriotism as an archetype [Patriotizm kak arhetip] // http://samlib.ru/l/lxwow_w_s/patriotizmkakarhetip.shtml
2. P.Ya. Chaadaev. The apology of a madman. [Apologiya sumasshedshego] Full collect. op. and fav. letters. M., 1991. T. 1. S. 469.
3. Skvortsov NG, Vereshchagina AV, Samygin SI “The Russian World” in the sociological discourse on civilizational security and national identity in Russia [«russkij mir» v sociologicheskom diskurse o civilizacionnoj bezopasnosti i nacionalnoj identichnosti v rossii]// Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 6-7. Pp. 103-107.
4. Lubsky A.V. Civil patriotism: on the compatibility of patriotism and civicism in Russian society [Grazhdanskiy patriotizm: o sovместimosti patriotizma i grazhdanstvennosti v rossijskom obshhestve] // Humanitarian of the South of Russia. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 42-59.
5. Sandomirskaya I. Rodina in the Soviet and post-Soviet discursive practices [Rodina v sovetskix i postsovetskix diskursivnyx praktikax] / INTER. 2004. № 203. P. 16-26.
6. Ilin IA The path of spiritual renewal. [Put duxovnogo obnoveniya] M .: In-here rus. civilization, 2011. 1216 pp.
7. Kolesnikov K.Yu. Problems of Conceptualization of Contemporary Russian Patriotism [Problemy konceptualizacii sovremennoego rossijskogo patriotizma]// Izvestiya Saratov University. 2013. Vol. 13. Issue. 3. P. 108-111.
8. Tikhomirov G.A. Patriotism: Basic Concepts and Research Approaches [Patriotizm: osnovnye koncepcii i issledovatel'skie podhody] // Problems and Perspectives of the Development of Education in Russia. 2010. № 5-1. P.31-35.
9. Struve, P. B. On various topics // Struve, P. B. PATRIOTICA. Politics, culture, religion, socialism [Politika, kultura, religiya, socializm] / comp. VN Zhukova and AP Polyakova. M .: Republic, 1997. P. 263-287.
10. Pitchenko D.A. Transformation of the concept of “patriotism” in Russian history [Transformatsiya ponyatiya «patriotizm» v rossijskoj istorii]// <http://novaya-epoha.ru/index.php/kontseptsiya/189-transformatsiya-ponyatiya-patriotizm-v-rossijskoj-istorii>
11. Chernous V. V., Degtyarev A.K., Lubsky A. V., Posukhova O.Y., Volkov Y.G. The lifestyle in the development of the ideological policy // The Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol 6. No 5. S4. P. 503-508.

*ВОРОНОВ Виктор Васильевич,
д. соц. н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ
РАН, Москва;
Даугавпилсский Университет,
Латвия*

viktor.voronov@du.lv

*VORONOV Viktor Vasil'evich,
D.soc., Professor, Leading Research,
Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow;
Daugavpils University, Latvia
viktor.voronov@du.lv*

Моделирование и прогнозирование межэтнических отношений в российских регионах/ Modeling and forecasting of interethnic relations in Russian regions*

Аннотация

В статье, на основе разработки этноэкономических моделей и сценариев, рассмотрены особенности развития межэтнических отношений в обследуемых регионах (Краснодарский край, Нижегородская и Тюменская области) в контексте общероссийской национальной и экономической безопасности.

Ключевые слова

Диаспоры и землячества; регион; этноэкономические модели; прогнозные сценарии

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

Abstract

In the article, on the basis of the development of ethnoeconomic models and scenarios, the peculiarities of the development of interethnic relations in the surveyed regions (the Krasnodar Territory, the Nizhny Novgorod and Tyumen Regions) in the context of the all-Russian national and economic security are considered.

Keywords

Diasporas and communities; region; ethnoeconomic models; forecast scenarios

** The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 15-18-00093.*

Введение. Под социальной моделью в статье понимается идеальный образец какого-либо социального объекта, процесса, воспроизводящего в символической форме его основные типические черты. Отсюда, социальное моделирование – получение нового знания об изучаемом социальном объекте посредством сопоставления его с изученными модельными социальными объектами. Наиболее полно познавательные возможности социального моделирования, несмотря на трудности его квантификации, проявляются при рассмотрении его как метода системного исследования. Например, при анализе участия диаспор во внутренней политике современного государства, ученые выделяют несколько этнополитических моделей такого участия: «лояльного участия» (этнополитический плюрализм

русских в Киргизии, Молдавии), «лояльного поведения» (этнокультурное поведение русских в Азербайджане, Грузии), «протестного поведения» (этнополитическое отчуждение русских в Латвии, Эстонии)¹. С позиции этнической конфликтологии исследователи выделяют модель «монополизации шансов»². Если мы будем рассматривать межэтнические отношения в России или в других странах с системных позиций, то этнические модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах имеют в своей основе экономические особенности той или иной хозяйственной практики региональных субъектов. Например, наиболее известны в странах ЕС этномодель «мультикультурализма», а в США – «плавильного котла». Первая полностью провалилась в Европе, вторая заменяется «миской салата» в Америке как признанием этнокультурного многообразия в обществе³. В основе формирования этих моделей (проживание в границах одного государства различных этноконфессиональных групп, сохраняющих свою идентичность) две причины, обусловленные логикой рынка. Первая, политико-правовая причина – унификация полиэтничного населения для того, чтобы оно могло эффективно функционировать в капиталистической системе как общегражданский объект эксплуатации. Вторая, экономическая, причина – снижение государственных затрат на необходимость интеграции прибывающих этнических групп (внешних мигрантов).

В России за не всегда позитивными отношениями между новыми диаспорно/земляческими сообществами и местным населением в регионах стоит конфликт между отдельно сохраняющимися традиционными общинно-трудовыми отношениями и современным российским обществом в условиях рынка, находящимся в состоянии устойчивого распада прежних форм организации жизни. Например, справедливость в социально-экономическом аспекте нерыночной экономики понимается как равный для всех доступ к производству и получению благ. В современной российской экономике рынка справедливость понимается лишь как равенство шансов к производству получению благ.

Методы исследования. Работа носит теоретико-прикладной характер, поэтому в ней использованы количественные и качественные методы исследования: данные государственной переписи (2002, 2010 гг.) населения по регионам, данные статистики, вторичных социологических исследований. Глубинные интервью экспертов в 2015-2016 гг. (N=134) – представителей референтных групп (власть-наука-этносы-СМИ) в трех обследуемых регионах. Отбор экспертов осуществлялся с целью максимального охвата уровней властей региона и распределения их компетенций, ученых, занимающихся данной проблематикой, представителей наиболее крупных диаспор и землячеств в регионах, а также отдельных представителей СМИ. Глубинные интервью взяты также у представителей русского большинства обследуемых регионов. Проведены в 2016 году 37 фокус-групп (по 10-12 участников в каждой) с представителями диаспор и землячеств в Тюменской области (17), Краснодарском крае (11), Нижегородской области (9).

Особенности этнохозяйственных типов экономической деятельности. Этнохозяйственный тип экономической деятельности различается у разных народов России и обусловлен как профессиональным влиянием на социально-экономические и социокультурные установки, так и природно-климатическими условиями жизнедеятельности. Плодотворные исследования на эту тему имеются у отечественных ученых. В исследованиях В.В. Радаева, И.М. Кузнецова и В.И. Мукомеля, А.В. Лайши и других авторов, поднимаются общие вопросы формирования и развития этнической экономики, появления особых «этнических

1 Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. С.45-51.

2 Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С.234-235.

3 **Фурсов Андрей: Глупость или измена? [Онлайн ресурс]** [http:// www. newsland. com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571](http://www.newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571) **Дата обращения:** 10. 03. 2017; Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности./ Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АКТ МОСКВА, 2008. С.33-34.

ниш» в российском предпринимательстве¹. Конфликтогенный потенциал этнического предпринимательства исследуют Г.С. Денисова, В.П. Уланов и другие авторы². Работы Л.В. Милова, В.З. Петросянца других авторов рассматривают особенности предпринимательской активности отдельных этносов, проживающих на территории России³.

В соответствии с полученными в них результатами, можно различать производственно-государственный тип этнохозяйственной деятельности русского народа, как взаимосвязанную реализацию промышленного и сельского труда из-за минимального объема совокупного прибавочного продукта, обусловленного природно-климатическими условиями и значительными транспортными издержками при реализации товаров. Торгово-посреднический и земледельческий тип этнохозяйственной деятельности народов Средней Азии (казахов, киргизов, таджиков, узбеков). Торгово-посреднический и сельско-животноводческий тип этнохозяйственной деятельности народов Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, осетин, кабардинцев, чеченцев). Как отмечают отдельные авторы, «индустрия для русских в России, является таким же отличительным признаком, как овцеводство – для горцев Дагестана или сфера автосервиса, гостиничного бизнеса – для армян»⁴. Этноэлиты на постсоветском пространстве свои привилегии, престиж и власть реализуют, в основном, не в сфере производственных ресурсов, а в сфере перераспределительных ресурсов. Поэтому функционирование государственного управления (подбор и ротация кадров) в регионах, где сильны позиции этноэлит, осуществляется по этническому, а не по профессиональному основанию, что снижает квалификацию выполняемых ими функций и нейтрализует попытки модернизации аппарата, органов правопорядка и социальной сферы в общегосударственных интересах.

По верному замечанию исследователей «экономические институты в сфере промышленного производства и в значительной мере – в сфере сельского хозяйства оказались не принятыми и не интегрированными в культуру автохтонных народов [Кавказа]. Уже разрушенные к настоящему времени, они фактически обречены на стирание в системе социальных взаимодействий»⁵.

Рыночные преобразования на постсоветском пространстве привели к обесцениванию деятельности в реальном (особенно индустриальном) секторе экономики и резко сузили структурные возможности рынка труда. Это наиболее негативно отразилось на русском народе. Суть такого процесса деиндустриализации с этнических позиций: она выдавливает русских с национальных окраин бывшего союзного государства и с российского Северного Кавказа. Индустриальный сектор на постсоветском пространстве сжимается за счет расширения сферы торговли и услуг. В национальных автономиях и республиках идет земельный передел собственности по этническому, а не социальному, принципу: земля закрепляется, в основном, за автохтонными народами. При этом, например, на Северном Кавказе практически исчезла обрабатывающая промышленность, где были заняты квалифицированные рабочие и инженерные кадры, в основном, русские работники. Экономика там свелась к трём-четырёх составляющим: 1) сельское хозяйство с производством для переработки его продукции, 2) транспортный, 3)

1 Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия. // Политические исследования. 1993. № 5. С. 79–87; Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Формирование этнических ниш в российской экономике: история вопроса. // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 175-184; Лайша А.В. Этническое предпринимательство в современной России и перспективы его развития. //Философские науки. 2012. № 4. С. 121-126.

2 Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.

3 Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса М.: РОССПЭН, 2008; Петросянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона: проблемы формирования и реализации. М.: Наука, 2005.

4 Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С.218.

5 Там же. С.257.

топливно-энергетический, 4) рекреационно-туристический комплексы¹.

Поэтому на первое место в условиях рынка выдвигаются, преимущественно, не социальные качества человека (трудовая активность, цели жизни и т.д.), а этнические (конфигурация национального характера, обычаи, традиции и т.д.). С одной стороны, это можно приветствовать как возможность обращения того или иного народа к своим историческим корням, которые нивелируются в современных условиях глобализации. С другой стороны, этнические качества одним народам помогают выживать при рынке, а другие народы (особенно русских) обрекают на пассивную адаптацию или деградацию.

У российского государства исторически сформирована очень развитая хозяйственно-экономическая функция, ведь «государственная машина» была вынуждена форсировать объективный процесс углубления общественного разделения труда в крестьянской стране. Отсюда необычайная активность государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»: создание инфраструктуры: дороги, каналы, города-крепости обширного приграничья, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и обеспечение всего этого рабочей силой, профессиональными кадрами. В пространственных и природно-климатических условиях России функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории².

Этноэкономические модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением. Рассматривая российскую социально-экономическую и социокультурную ситуации можно выделить основы этноэкономических моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением, опираясь на следующие критерии: 1) цели экономического участия в указанном взаимодействии (получение выгоды, участие в «общем деле», другое); 2) форма такого участия (конвенциональная или неконвенциональная, то есть девиантная форма экономического поведения представителей диаспор и землячеств); 3) стратегии власти в отношении диаспор и землячеств: ассимиляция, обособление («мультикультурализм»), интеграция. На основании указанных критериев можно выделить, в современных условиях России, несколько таких этноэкономических моделей: рационально и иррационально рыночные, а также нерыночную трудовую. Назовем и опишем их.

Этноэкономическая модель «рыночных отношений и поведения», то есть модель выгоды и частного интереса. Коррелируется с инструментальным этнокультурным подходом, где этническая принадлежность используется как эффективный ресурс социальной мобильности и роста социального статуса в принимающем обществе. Характерна для представителей диаспор из Средней Азии, азербайджанской и армянской диаспор.

Этноэкономическая модель «конфликтных отношений и поведения», то есть клановая модель. Коррелируется с примордиалистским этнокультурным подходом, устанавливающей приоритет лояльности своей этнической группе по сравнению с лояльностью принимающему обществу. Характерна для представителей землячеств из Северного Кавказа: дагестанцев, ингушей, чеченцев.

Этноэкономическая модель «солидарных отношений и поведения», то есть модель общего дела, коллективистская. Коррелируется с конструктивистским этнокультурным подходом, где культурные стандарты этнических групп постепенно интегрируются с нормами и символами принимающего общества. Характерна для представителей диаспор из Белоруссии, Украины, Казахстана, представителей землячеств адыгов, башкир, татар.

¹ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С.173-175; Петросянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона: проблемы формирования и реализации. М.: Наука, 2005. С.111.

² Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса М.: РОССПЭН, 2008. С.151.

В структуру этноэкономической модели рыночных отношений и поведения входит: приоритет частного бизнеса в хозяйственной деятельности любого уровня, для которого государство лишь создает условия для работы; селективная минимизация затрат на иноэтничную наёмную рабочую силу (внешних мигрантов); свободное перемещение наёмной рабочей силы с учетом общих правовых норм; представители этнических групп в своей социально-экономической деятельности индивидуально минимизируют издержки и максимизируют выгоды.

В структуру этноэкономической модели конфликтных отношений и поведения («клановой модели») входит: этнические группы с теневой кадровой иерархией, сеть региональных посредников (район-город-область); устойчивые практики взаимодействия работников как представителей разных этнических групп и их работодателей; анализ спроса на региональном рынке труда разных категорий работников-мигрантов (внутренних, внешних) и анализ предложения в их этнической родине или стране исхода; наличие отработанного механизма получения и распределения доходов от монополистической деятельности определённой этнической группы в регионе; наличие структур силового прикрытия коммерческой деятельности представителей этнических групп и применения санкций внутри данного сообщества к нарушителям; покровительство на возмездной основе представителей этнических групп в местных органах власти и деловых кругах региона.

В структуру этноэкономической модели солидарных отношений и поведения входит: согласование интересов (от общих к частным) субъектов хозяйственной деятельности в стране и регионах; системное развитие всех секторов экономики; выравнивание социально-экономических условий развития регионов для роста качества жизни всех их жителей; реализация принципа социальной справедливости, обеспечение порядка и равенства всех перед законом; дифференцированная поддержка диаспор и землячеств в регионах в интересах устойчивого развития последних.

Рассмотрению этномоделей предвдваряет напоминание, что есть «классические» диаспоры и землячества – те, которые сформированы национальными меньшинствами (этническими сообществами) в регионах России давно (в досоветский и советский период). И есть «новые» диаспоры и землячества – которые появились после распада в 1991 году союзного государства. Уровень согласия или конфликтности этих двух типов этнических сообществ во взаимодействии с местным населением, а также значимость для развития экономики принимающих их регионов различна¹. При этом, надо учитывать особенности интеграции разных этнических групп в региональных сообществах из-за различия и специфики региональных проблем. По верному замечанию отдельных авторов, важной задачей является формирование региональных моделей национальной политики и такие модели должны учитывать объективные процессы, идущие в локальных межэтнических сообществах².

Теоретические и практические исследования, проведённые по проекту РНФ «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)» в 2015-2016 годы, в Тюменской и Нижегородской областях, а также в Краснодарском крае показали, что устойчивое (неконфликтное) взаимодействие диаспор и землячеств с местным населением происходит в условиях, когда большинство местного населения представлено славянским народом одной культуры и истории: русскими, украинцами, белорусами и комплиментарными к нему народами, долгое время живущими вместе: адыгами, азербайджанцами, армянами, башкирами, казахами, молдаванами, татарами и другими. Такое взаимодействие предполагает два взаимосвязанных элемента: социокультурные отношения, характерные для традиционного трудового общества и социально-экономические отношения,

1 Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С.50-51.

2 Попков Ю.В. Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества. // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 1. С. 126.

характерные для нерыночной экономики.

Наоборот, в тех регионах, где русские оказываются в меньшинстве среди местного населения (14 регионов, среди которых наиболее проблемные – Северо-Кавказские), где нарушено воспроизводство российских центральных институтов русского социокультурного типа (символы общероссийской государственности, крупные коллективные формы хозяйствования, идеология коллективизма и сотрудничества и другое) идёт резкое снижение статусных позиций русской части населения в регионе и повышается конфликтность межэтнических отношений.

В настоящее время заметное распространение в регионах, во взаимоотношениях местного населения с представителями диаспорно-земляческих сообществ получает этничность как инструмент в двух аспектах: социокультурном инструментализме (внимание к мобилизации этнических и конфессиональных чувств того или иного народа) и экономическом инструментализме (внимание к разным формам адаптации в хозяйственной деятельности и на рынке труда членов различных этнических групп). Этническая группа рассматривается здесь как группа людей общей идентичности (осознающие свою принадлежность к данной группе), общей истории и культурной традиции, общего языка. Важным признаком этнической группы выступает идентификация её членов, которые осознают различия (происхождение, традиции, конфессия и т.п.) между своим сообществом (диаспора или землячество) и местным сообществом.

Сценарии взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в регионах. Можно выделить четыре сценария на среднесрочный период (2015-2020 гг.) взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах и не только: позитивный, умеренно-позитивный, умеренно-негативный, негативный.

Позитивный сценарий выражается в том, что интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп способствуют консолидации и пространственному развитию регионального социума. Для такого сценария значимыми характеристиками выступают: установка на равные права и обязанности всех этнических групп региона, согласно исторически адекватной государственной политике и управления межнациональными отношениями; квалифицированное чиновничество на уровне региональной и муниципальной власти; равный для всех доступ к получению материальных и нематериальных благ; трудовая деятельность всех этнических групп в соответствии со способностями и квалификацией их представителей, исключая внеэкономические факторы. При реализации этого сценария интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп будут способствовать консолидации и пространственному развитию регионального социума. Такой сценарий имеет, в основном, латентную форму и лишь точно-локальные проявления в обследуемых регионах.

Умеренно-позитивный сценарий выражается в том, что интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп присутствуют, в основном, старожильческим диаспорам и землячествам. Последние наиболее успешно интегрированы в экономическую сферу, но гораздо слабее включены в социокультурную сферу регионального и местного сообщества. По оценке экспертов, их интегрированность в региональную и местную экономическую среду составляет в среднем 3 балла из 5, а включенность в социокультурную среду регионального и местного сообщества составляет от 1,8 до 2,4 баллов из 5. Такой сценарий, по мнению экспертов, значимо представлен в обследуемых регионах.

Умеренно-негативный сценарий выражается в том, что преобладающие (пассивно адаптационные и обособленческие) идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют затяжному кризису в межнациональных отношениях в региональном социуме. Для такого сценария значимыми характеристиками выступают: продолжающийся процесс деградации реального сектора экономики (обрабатывающей промышленности и крупного коллективного сельского хозяйства с использованием современных производственных и перерабатывающих технологий); отток экономического активного населения из

деревень, сёл, малых городов в мегаполисы и областные центры, ведущий к демографической катастрофе государство образующего народа; деградация русского социокультурного типа в межэтнических отношениях посредством изъятия общегосударственных социокультурных маркеров (смыслов), отражающих силу и единение народов России. Имеется в виду последовательное замещение в отдельных российских регионах, национальных автономиях и республиках общероссийских социокультурных маркеров на национальные: улиц, памятников, топографических названий, общих праздников, юбилеев и т.д.¹.

Негативный сценарий выражается в том, что преобладающие обособленческие идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют повышению конфликтности в региональном социуме. Это проявляется в недостаточном знании русского языка, игнорировании местных обычаев, традиций, праздников, неприятие браков с людьми иной национальности и другое. В том числе некомпетентность управления межэтническими отношениями, ошибки властей разного уровня, предвзятость СМИ в освещении вопросов межэтнических отношений. Для такого сценария значимыми характеристиками выступают: отсутствие государственной политики и управления межнациональными отношениями на основе стратегических геополитических интересов развития государства; нарастание отчуждения народа от власти и власти от народа; деиндустриализация экономики, ведущая к её архаизации и преобладанию сферы обращения над сферой производства, что сужает возможности трудоустройства на локальных рынках труда экономически активного населения в соответствии с квалификацией и способностями; воспроизводится в значительных масштабах теневая экономика и спонсорский рынок, где заметная её часть «окрашена» внеэкономическим фактором – клановой этничностью².

В настоящее время, в обследуемых регионах, где преобладает русское этническое большинство, реализуется, в целом, умеренно-негативный сценарий взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением. Однако эта ситуация, по объективным социально-экономическим и социокультурным причинам, имеет тенденцию перехода к негативному, а не к умеренно-позитивному и позитивному сценариям в течение обозримого будущего, если не будет реализована на федеральном и региональном уровнях этноэкономическая модель солидарных отношений и поведения (модель совместного развития) во взаимоотношениях диаспорных и земляческих групп с местным населением. Этому может способствовать и необходимость реальной и системной нерыночной интеграции России, Белоруссии, большей части Украины, Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана по совместной жизнедеятельности их народов. В условиях рынка такая интеграция невозможна, наоборот, потребуются жесткая визовая политика к проблемным по своим последствиям этническими внешними мигрантами из стран Средней Азии, Китая, Вьетнама, стран Закавказья. В этой связи необходима разработка системы региональных пороговых показателей количества и качества переселения людей иной ментальности и культуры для обеспечения социально-экономической и социокультурной безопасности страны и ее регионов. Однако такая политика при господстве рынка не избавит российские регионы от тенденции формирования негативного сценария (в течение 5-8 лет) во взаимоотношениях новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах, но без неё лишь ускорит.

В заключение можно утверждать, что устойчивые межэтнические отношения при взаимодействии диаспор и землячеств с местным населением («позитивный сценарий»), способствующие интеграции полиэтнического населения возможны лишь при реализации этноэкономической модели солидарных отношений и поведения (модели совместного развития). Без жизненно необходимой для российского государства смены либерально-рыночной экономической системы на систему

1 Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе. // Социологические исследования. 2017. № 4. С.17-25.

2 Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С.234-235.

смешанной, социально и национально ориентированной экономики, способствующей в стране консолидации общероссийского пространства вряд ли возможна. К её основным параметрам следует отнести: жесткий хозяйственный протекционизм в интересах развития страны, с последующим выходом из ВТО. Финансовая система в интересах производительного сектора. Высокие налоги на личные сверхдоходы и пониженные на производительную деятельность. Полный национальный контроль за природно-ресурсным комплексом, вплоть до национализации. Разнообразие хозяйственных укладов и форм собственности, где малый и средний бизнес могут быть частными, но крупный – только государственным. Отказ от «оптимизации» образования, здравоохранения, культуры и их развитие на нерыночной основе и т.д. Существующая система способна воспроизводить лишь «рыночных отношений и поведения» и «конфликтных отношений и поведения», этноэкономические модели, которые дают простор умеренно-негативному и негативному сценариям развития межэтнических отношений диаспор и землячеств с местным населением. На это указывают многочисленные и неудачные попытки в рыночных условиях решать этнические проблемы на теоретическом уровне (создавая социально-политическую химеру «русской нации») и на практическом (разработанная правительством федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации», согласно которой к 2020 году доля граждан, положительно оценивающих состояние межэтнических отношений, составит 65 процентов; уровень толерантного отношения к представителям другой национальности составит 85 процентов, что весьма далеко от нынешних конфликтогенных реалий). Вместе с тем, есть надежда на появление необходимых социально-экономических факторов и возможностью пространственной и межэтнической консолидации России. Эта надежда пока связана с понятийным аппаратом и причинно-следственными связями восьми направлений экономической безопасности страны, рассматриваемых в указе президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»: 1) развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, 2) обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики, 3) разработка и внедрение современных технологий, 4) устойчивое развитие национальной финансовой системы, 5) сбалансированное пространственное и региональное развитие страны, 6) повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества, 7) обеспечение безопасности экономической деятельности, 8) развитие человеческого капитала¹. Появление такой стратегии является обнадёживающим фактом для перехода экономики к мобилизационной модели развития, в которой основным фактором выступает «общее дело», понимаемое в смысле социальных технологий продуктивной кооперативной деятельности, которые выработала российская цивилизация за века своей истории. В этих условиях на государственном уровне появится возможность формирования этноэкономической модели солидарных отношений и поведения (модели совместного развития) диаспор и землячеств с местным населением. Это – заявка на уход от статуса колониального придатка Запада и попытка возвращения российского государства после четверть векового отчуждения к своему государству образуемому субъекту, к русскому народу. Социально-экономические и социокультурные коды русского народа (самодостаточность, мастеровитость, коллективизм, радушие, уживчивость, доброта) способны формировать и воспроизводить устойчивые межэтнические и межконфессиональные отношения на принципах социальной справедливости и обеспечения равенства всех перед законом. Поэтому в основе гармоничных межэтнических отношений в стране и регионах может быть лишь формирование общей российской идентичности как единства многообразий этнических идентичностей народов России на цивилизационной базе русской нации: русского социокультурного типа.

Библиография

1. Васильева В.Н., Воронов В.В. Развитие информационной культуры и

¹ Указ президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». [Онлайн ресурс]. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/715726608/> Дата обращения: 10. 03. 2017.

система непрерывного образования. В кн.: Компьютерная революция и информатизация общества Сборник статей. Философское общество СССР. Москва, 1990. С. 224-231.

2. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.

3. Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М.: Изд-во РГСУ, 2009.

4. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Формирование этнических ниш в российской экономике: история вопроса // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 175-184.

5. Лайша А.В. Этническое предпринимательство в современной России и перспективы его развития. // Философские науки. 2012. № 4. С. 121-126.

6. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса М.: РОССПЭН, 2008.

7. Петросьянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона: проблемы формирования и реализации. М.: Наука, 2005.

8. Попков Ю.В. Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества. // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 1. С. 114-131.

9. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия. // Политические исследования. 1993. № 5. С. 79-87.

10. Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. 148 с.

11. Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе. // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 17-25.

12. Фурсов Андрей: Глупость или измена? [Онлайн-ресурс]. <http://www.newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571> Дата обращения: 10. 03. 2017.

13. Указ президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». [Онлайн ресурс]. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/715726608/> Дата обращения: 10. 03. 2017.

14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АКТ МОСКВА, 2008. 635 с.

References

1. Denisova G.S., Ulanov V.P. Russkiena Severnom Kavkaze: analiz transformatsiotsiokul'turnogostatusa. [Russians in the North Caucasus: an analysis of the transformation of the socio-cultural status]. Rostov-na-Donu, 2003. (In Russ.)

2. Dmitriev A.V., Zhukov V.I., Pyadukhov G.A. Migratsiya: konflikt, bezopasnost', sotrudnichestvo. [Migration: conflict, security, cooperation]. M.: Izd-vo RGSU, 2009. (In Russ.)

3. Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. Formirovaniyetnicheskikhnish v rossiiskoeikonome: istoriyavoprosa. [Formation of ethnic niches in the Russian economy: the history of the issue]. // *Neprikosovennyizapas: debaty o politikeikul'ture*. [Inviolable stock: debate about politics and culture]. 2007. № 1. Pp. 175-184. (In Russ.)

4. Laisha A.V. Etnicheskoe predprinimatel'stvo v sovremennoi Rossii i perspektivy ego razvitiya. [Ethnic entrepreneurship in modern Russia and prospects for its development]. // *Filosofskienauki*. [Philosophical sciences]. 2012. № 4. Pp. 121-126. (In Russ.)

5. Milov L.V. Velikorusskiipakhar' iosobnostirossiiskogoi storicheskogoprotessa. [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. M.: ROSSPEN, 2008. (In Russ.)

6. Petrosyants V.Z. Ekonomicheskayapolitikadepressivnogoregiona: problemyformirovaniyairealizatsii. [Economic policy of the depressed region: problems of formation and implementation]. M.: Nauka, 2005. (In Russ.)

7. Popkov Yu.V. Gosudarstvennayanatsional'nayapolitikakak faktormezhetnicheskoi integratsii rossiiskogo obshchestva. [State National Policy as a Factor of Interethnic Integration of Russian Society]. // Siberian Socium. 2017. Tom 1. № 1. Pp. 114-131. (In Russ.)

8. Radaev V.V. Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoio pyiti Rossiya. Politicheskiesledovaniya. [Ethnic entrepreneurship: world experience and Russia]. // *Politicheskiesledovaniya*. [Political Studies]. 1993. № 5. Pp. 79-87. (In Russ.)

9. Rossiiskaya diaspora kak faktor ukreplenianatsional'nykh interesov Rossiia i postsovetskoprostranstve. [Russian Diaspora as a Factor of Strengthening Russia's National Interests in the Post-Soviet Space]. M.: Institut diaspory i integratsii (Institut stran

SNG), 2011. 148 p. (In Russ.)

10. Tkhakakhov V.Kh. Karta goroda: simvolicheskaya transformatsiya prostranstva na Severnom Kavkaze. [City map: symbolic transformation of space in the North Caucasus]. // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. № 4. Pp. 17-25. (In Russ.)

11. Fursov Andrei: Glupost' ili izmena? [Stupidity or treason?] Available online: <http://www.newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571> Accessed: 10. 03. 2017. (In Russ.)

12. Ukaz prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. «O strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda». [Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period until 2030"]. Available online: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/715726608/> Accessed: 10. 03. 2017. (In Russ.)

13. Vasilieva V.N., Voronov V.V. Development of information culture and system of continuous education. In: The computer revolution and information society a Collection of articles. Philosophical society of the USSR. Moscow, 1990. Pp. 224-231. (In Russ.)

14. Khantington S. Ktomy? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti. [Who are we? Challenges of American National Identity]. / Per. s angl. A. Bashkirova. M.: AKT MOSKVA, 2008. 635 p. (In Russ.)

КУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

CULTURAL PRACTICES

КОЧЕТКОВ

*Павел Никитович
аспирант Института бизнеса
и делового администрирования
Академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ (ИБДА РАНГуГС)*

paul.kochetkov@gmail.com

KOCHETKOV

*Pavel Nikitovich
graduate student of the Institute
of Business and Business
Administration of the Academy
of National Economy and Public
Service under the President of the
Russian Federation (IBDA RANGE)*

paul.kochetkov@gmail.com

Процесс управления как социокультурный феномен и его современные модели /Process management as a sociocultural phe- nomenon and its contemporary models

Аннотация

Все социокультурные процессы, происходящие в современном мире, характеризуются как нестабильные, хаотические и непредсказуемые, что осложняет эффективное управление. Процесс управления рассматривается в статье как социокультурный феномен, который в условиях транзитивности и хаотических изменений современного общества реализуется на практике через самые разные модели управления, каждая из которых детерминирована историческими традициями и духовной культурой народов.

Ключевые слова

Социокультурный анализ; коммуникативно-коммуникационное управление; синергизм; духовно-культурные ценности.

Abstract

All socio-cultural processes in the modern world, characterized as unstable, chaotic, and unpredictable, which complicates effective management. The management process is considered in the article as socio-cultural phenomenon, which in the conditions of transitive and chaotic changes of our society is implemented in practice through the different management models, each determined by the historical traditions and spiritual culture of the population.

Keywords

Socio-cultural analysis; communication-communication management; synergies; spiritual and cultural values.

Широко используемое в современном социально-гуманитарном знании понятие «процесс», с точки зрения его содержания, чаще всего понимается как прохождение или последовательная смена состояний исследуемых объектов, явлений, систем, которые находятся в непрерывном изменении, движении, трансформации. В рамках сложившихся познавательных традиций все социально-гуманитарное знание считает атрибутивными признаками любого процесса его закономерный характер, а происходящие изменения состояний исследуемого объекта чаще всего исследователями рассматриваются и определяются как его развитие.

Вторым значимым понятием в данной статье является понятие «управление». Современная наука утверждает, что ни одна сложная динамическая система в любой сфере бытия природы, общества или жизнедеятельности человека, не может существовать без реализации функции управления, которое необходимо для сохранения и воспроизводства любой системы, для её дальнейшего развития и совершенствования, а также для упорядочивания и стабилизации ее качественной специфики в процессах взаимодействия с окружающим миром.

В современной России термин управление чаще всего заменяется его английским вариантом – менеджмент (management). Авторы наиболее распространенного учебника по основам менеджмента считают управление определенным видом деятельности по руководству людьми в самых разнообразных социальных институтах и организациях. Считается, что это самостоятельная область знаний, сочетающая научные знания, искусство и опыт руководителя, а также умение решать управленческие проблемы в условиях ситуационного подхода к управлению.¹

Теоретическое осмысление менеджмента началось в XX веке, а профессиональная подготовка менеджеров чуть позже и не только в университетах, но и в многочисленных школах бизнеса, так как западное социальное знание традиционно связывает менеджмент с бизнесом (предпринимательством).

Современный социокультурный подход к истории всех стран и народов убедительно доказывает, что еще в эпоху античности создавались достаточно эффективные методы и формы управления и обосновывались различные теоретические подходы, которые обеспечивали не только достаточно адекватный анализ практики управления, но и успешно выявляли его тенденции и возможные трансформации, которые напрямую зависели от сложившихся в обществе историко-культурных норм, традиций и идеалов.

В западном социально-гуманитарном знании было создано немало теоретических моделей управления практически для всех наиболее значимых сфер социального бытия, подсистем общества и его социальных институтов. Большинство этих моделей имело очевидный характер социальных утопий, политических грёз и мифов массового сознания. В своем большинстве они были связаны не только с представлением о том, как совершенствовать процессы управления государством и его многочисленными подсистемами – от армии до учреждений культуры, но и способствовали сплоченности общества на основе социальных ожиданий населения ближайшей практической реализации того социального идеала, который обосновывали теоретики.

Можно сказать, что в течение веков сравнительно простым объектам управления как в традиционных, так и индустриальных обществах соответствовали такие же достаточно хорошо известные формы и методы управления, которые чаще всего их исследователями назывались авторитарными, тоталитарными, недемократическими. Отметим, что подобный стиль управления с легкой руки многочисленных критиков истории России советского периода – был назван административно-бюрократическим и подвергнут самой нелюбимой критике, в полном отрыве от особенностей той сравнительно недавней исторической эпохи, которая и обусловила формирование и достаточно эффективное функционирование этого стиля управления всеми делами советского общества.

Хотелось бы напомнить, что широко известный немецкий социолог, социальный философ и историк Макс Вебер (1864–1920) еще в самом начале прошлого века говорил о том, что протестантизм как религия, двойная бухгалтерия как финансовый контроль и развитая рациональная бюрократия как стиль управления будут способствовать процветанию всех тех государств, которые смогут основывать управление на этих принципах.² Разрабатывая концепцию рациональной бюрократии, М.Вебер широко использовал понятие «идеального типа» и анализировал его роль и влияние на адекватное понимание современного

¹ Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента (Пер. с англ.). М.: Дело, 2000, 701с.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Республика, 1992, 656 с.

Веберу капиталистического мира, который, по мнению автора концепции, грозит потерей индивидуальной свободы каждому субъекту по мере увеличения авторитета в повседневной жизни общества методов управления, созданных на принципах нарождающейся и приобретающей все больший авторитет рациональной бюрократии.

Еще более тревожными кажутся прогнозы М.Вебера, умершего в 1920 году, относительно того, что любые социальные действия индивида в условиях господства рациональной бюрократии перестают влиять на жизнь общества, превращаясь в имиджевые акты, своего рода симулякры, как сказали бы теперь сторонники социологии и философии постмодерна.

Вместе с тем, происходящие в XX веке научно-технические революции и, в особенности, создание кибернетики, анализирующей принципы управления в открытых динамических системах и технических устройствах, в живых организмах и стаях, в различных сферах жизнедеятельности современного общества, поставило в качестве главной исследовательской задачи всего современного знания, (а не только для математики и технического знания) новые и очень актуальные задачи. Это были фундаментальные вопросы о сущности, смысле и содержания информации, ее передаче, трансформации и структуризации, о связи и различии вещества и энергии, роли в процессе познания математической логики и теории алгоритмов, учения о высшей нервной деятельности и гомеостазисе, концепций о прямой и обратной связи, значимости коммуникативных потоков и коммуникационных устройств в современном мире, который все чаще стали называть не только постиндустриальным, но и глобальным информационным сообществом.¹

Происходящая трансформация социального бытия стран и народов имела своим основанием создание кибернетических устройств и теории информатики, что было не только описано в работах Н.Винера (1894–1964) и других специалистов, но и практически воплощено сначала в деятельности систем противовоздушной обороны США и во взламывании секретных кодов вражеских государств, а также и во множестве других дел., связанных с военными действиями.² Последующее после второй мировой войны создание быстродействующих счетных машин способствовало разработке принципов функционирования управления на основе коррекции сигналов прямой связи, стремящихся вернуть систему в первоначальное устойчивое состояние и выявлению алгоритмов переработки и хранения поступающей в систему информации.

Исследование специалистами (математиками и инженерами) функционирования биологических систем позволило адекватно представить проблему самоорганизации сложных технических устройств, а, значит, и разработать теорию логических вычисляющих машин (машины А.Тьюринга). Британский исследователь Алан Тьюринг (1912 – 1954) мог с гордостью сказать, что программное обеспечение к первому в мире компьютеру, начавшему работать в 1951 году, было создано им. Стив Джобс, признанный отец информатики и искусственного интеллекта, создатель всемирно известной корпорации Appleв память о Тьюринге сделал логотипом своей компании надкушенное яблоко, оборвавшее жизнь Тьюринга. Именем Тьюринга сейчас называется самая престижная в мире награда в области информатики.

Развитие электроники и автоматизации, совершенствование компьютеров и других аудиовизуальных, вычислительных и коммуникативных средств не только существенно обогатили сферу управления, но и качественно изменили функции и полномочия управления в том мире, который вначале называли постиндустриальным, позже информационным, а затем все чаще стали называть обществом постмодерна.

На рубеже веков в планетарных масштабах происходили многочисленные социальные и культурные изменения, которые все более определялись исследователями как хаотические и происходящие не от внешних, а от внутренних

1 Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо – Алгоритм. 2003, 415с.

2 Винер Н.А – математик. М.: Высшая школа, 1991, 356 с.

причин, то есть от внутренней саморефлексии открытых динамических систем, которые в состоянии реализовать какой-то непредвиденный конкретный вариант развития из множества возможностей, которыми они обладают.

В широко известной работе И.Р.Пригожина и И.Стингерса «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой»¹ подчеркивается, что современная наука утверждает спонтанную активность мира, который не устроен рационально и его отличают:

- неразрывная связь со случайностью, многовариантностью и альтернативностью;
- непредсказуемые изменения временных масштабов, когда по достижении определенного порога происходят необратимые изменения;
- хаос означает не только отсутствие порядка, но может играть роль созидательной силы, переводя системы на качественно другой уровень;
- точки бифуркации, в которых флуктуации внешних и внутренних факторов, а также действия людей достигают критического уровня, усиливают неустойчивость систем и увеличивают число вариантов ее возможных изменений;
- общественное развитие представляет собой непредсказуемую смену состояний общества и его структур.² В условиях постоянно происходящих бифуркаций самых разных систем и подсистем практически невозможно четко выявить ни субъекта перемен, ни временных масштабов, ни форм возможных трансформаций.

Парадоксальность новейшей постмодернистской социологии и любого другого социального знания заключается в том, что вышеназванные действительные успехи современной науки способствовали росту настроений агностицизма и скептицизма среди исследователей общества, отрицанию ими традиционной веры в прогресс, в развитие культуры, в формирование всесторонней и гармонически развитой личности.

В работах отечественных исследователей³ подчеркивается, что с полным основанием современную социологию можно назвать постнеклассической, потому что она в настоящее время изучает открытые и подвижные общественные системы, которые готовы к контактам с другими культурами, к организации транснационального производства и участия в едином мировом рынке. Исследователи подчеркивают, что новый подход в социологии позволяет «рассматривать общество с позиции ожидаемых и неожиданных последствий действий современного человека».⁴

Именно в социологии постмодерна происходит теоретическое осмысление новейшей социальной реальности как общества риска,⁵ общества потребления.⁶ Особое внимание постмодернистскому миру уделяет З. Бауман, который в целом ряде своих работ подчеркивает, что общество постмодерна отличают отсутствие властных универсалий, плюрализм культур, постоянные изменения, доминирующее влияние на массовое сознание СМК, возрастающее влияние на жизнь всех людей симулякров. Этот автор подчеркивает возрастающее влияние новых идеологов – интерпретаторов, задача которых – не только обеспечить коммуникацию и предотвратить ее искажение в процессе коммуникации с другими культурами, но и постоянно поддерживать плюрализм мнений и толерантность мышления.⁷

В работах отечественных исследователей, посвященных

1 Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. (Пер. с англ.). Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2000, 312 с.

2 Там же, – С. 272 и далее.

3 Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: «Экзамен», 2002, 512с.; Маршак А.Л. Социология. М.: Высшая школа, 2002, 318с.

4 Маршак А.Л. Социология. М.: Высшая школа, 2002, – С. 289.

5 Бек У. Общество риска: на пути к «другому модерну». М.: Прогресс, 2000, 383 с.

6 Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995, 224 с.

7 Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996, 255 с.

теоретикометодологическим основам современных социально-гуманитарных наук, а также социально-историческим особенностям модернизации современной России,¹ непредвзято и объективно анализируется социальная реальность страны. Здесь в течение последних десятилетий совершается непростой для большинства населения страны, ориентированного на системы ценностей советского периода. В стране происходит цивилизационный переход от традиционно-индустриального общества в мир рыночных отношений, частной собственности, предпринимательства, формирование новых социальных институтов и адекватных им форм и методов управления.

Сущность нового для РФ социокультурного подхода была тщательно проанализирована коллективом исследователей под руководством Н.И.Лапина.² По мнению Н.И.Лапина, необходимо, чтобы современный российский социум рассматривался в единстве культуры и социальности, где культура (материальная и духовная) представлена как способы и результаты деятельности человека, а социальность является совокупностью политических, экономических и социальных отношений индивида с другими субъектами деятельности.

Этот подход помогает «понять содержание и сущность кризисов, происходивших в России в последние десятилетия, так как позволяет раскрыть социально-ценностные структуры, выявить наиболее значимые ценности населения в конкретный период и «определить вектор перемен».³

Социокультурный анализ помогает также понять и значимость нового подхода в процессах управления, названного современными исследователями коммуникативно-коммуникационным. В нём достаточно четко акцентируются гибкость и четкость, характерная для любого коммуникативного процесса, а вместе тем проявляется и сущность современных коммуникационных устройств их «...открытость, неоднородность, диверсификационность, полисубъектность, плюрализм стратегий и практик».⁴

Можно с уверенностью сказать, что современное управление все более становится зависимым от ценностей духовной культуры, обеспечивающих сплоченность общества, а также от реализации творческого потенциала во всех сферах жизнедеятельности каждого члена нашего общества.

Библиография:

1. Аганбегян А.Г. Экономические реформы в России. М.: Дело, 2010, 272 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Нсб.: Сибирский хронограф, т. 1–2, 1997, т. 1. 804 с., т. 2, 600 с.
3. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996, 255 с.
4. Бек У. Общество риска: на пути к «другому модерну». М.: Прогресс, 2000, 383 с.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995, 224 с.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Республика, 1992, 656 с.
7. Винер Н. Я – математик. М.: Высшая школа, 1991, 356 с.
8. Гитлинг М. Социальная коммуникация как социокультурная проблема. (Пер. с польского). М.: Динтер-Интер, 2005, 495 с.
9. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: Опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011, 672 с.
10. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: «Экзамен», 2002, 512 с.
11. Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические

1 Горшков М.К. Российское общество как оно есть: Опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011, 672с.; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Нсб.: Сибирский хронограф, т. 1–2, 1997, т. 1.804 с., т.2, 600с.; Аганбегян А.Г. Экономические реформы в России. М.: Дело, 2010, 272 с.

2 Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации// Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014, № 1(31) – С. 26–35.

3 Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. М.: Академника, 2015, – С. 51 и далее.

4 Гитлинг М. Социальная коммуникация как социокультурная проблема. (Пер. с польского). М.: Динтер-Интер, 2005, – С. 115.

- и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014, № 1(31) – С. 26–35.
12. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. М.: Академика, 2015, 295 с.
 13. Маршак А.Л. Социология. М.: Высшая школа, 2002, 318 с.
 14. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента (Пер. с англ.). М.: Дело, 2000, 701 с.
 15. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо – Алгоритм. 2003, 415 с.
 16. Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. (Пер. с англ.). Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2000, 312 с.

References

1. Aganbegyan A.G. the Economic reforms in Russia.[Ekonomicheskie reformy v rossii] M: Delo, 2010, 272 p.
2. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience [Rossiya: kritika istoricheskogo opyta]. Nsb.: Siberian chronograph, vol. 1-2, 1997, vol. 1. 804 S., vol. 2, p. 600.
3. Bauman Z. To think sociologically[Myslit sociologicheski]. M.: Aspect-Press, 1996, 255 p.
4. Beck U. Risk Society: towards a “different modernity”. [obshhestvo riska: na puti k «drugomu modernu»]M.: Progress, 2000, 383 p.
5. Baudrillard J. The System of objects. [Sistema veshhej]Moscow: Rudomino, 1995, 224 p.
6. Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism.[Protestantskaya etika i dux kapitalizma] Moscow: Respublika, 1992, 656 p.
7. Wiener N. I am a mathematician. [Ya – matematik]M.: Higher school, 1991, 356 p.
8. Getling M. Social communication as a social and cultural problem.[Socialnaya kommunikaciya kak sociokulturnaya problema.] M.: Dinther-inter, 2005, p. 495.
9. Gorshkov M.K. Russian society is the way it is: the Experience of sociological diagnostics. [Rossijskoe obshhestvo kak ono est: opyt sociologicheskoy diagnostiki.]M.: New chronograph, 2011, 672 p.
10. Kravchenko S.A. Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination. [Sociologiya: paradigmy cherez prizmu sociologicheskogo voobrazheniya.]M.: “Ekzamen”, 2002, 512 p.
11. Lapin N. On the strategy of integrated modernization of [O strategii integrirovanoj modernizacii] // the Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2014, № 1(31) – S. 26-35.
12. Marshak A., Rozhkova L. Socio-cultural modernization. [Sociokulturnaya modernizaciya]M: Academician, 2015, 295 p.
13. Marshak, A., Sociology. [Sociologiya]M.: Higher school, 2002, 318 p.
14. Meskon M., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of management.[Osnovy menedzhmenta] M: Business, 2000, 701 p.
15. Panarin A.S. Temptation by globalism.[Iskushenie globalizmom] M.: Eksmo – Algorithm. 2003, 415 p.
16. Prigogine I., Stingers I. Order out of chaos. Man’s new dialogue with nature. [Poryadok iz хаоса. novyj dialog cheloveka s prirodoy]Ed. 2-E. M.: Editorial URSS, 2000, 312 p.

КРАВЧЕНКО

*Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
социологии МГИМО МИД России,
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ
РАН
sociol7@yandex.ru*

KRAVCHENKO

*Sergey Alexandrovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head, Department of Sociology, Mos-
cow State Institute of International
Relations, Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Chief Researcher, Institute
of Sociology FNISTS RAS
sociol7@yandex.ru*

НОСКОВА

*Антонина Вячеславовна
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
МГИМО МИД России
sociol7@yandex.ru*

NOSKOVA

*Antonina Vyacheslavovna
Doctor of Sociology, Professor, De-
partment of Sociology, Moscow State
Institute of International Relations
sociol7@yandex.ru*

ТЕМНИЦКИЙ

*Александр Лазаревич
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
МГИМО МИД России*

sociol7@yandex.ru

TEMNITSKY

*Alexander Lazarevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Depart-
ment of Sociology, MGIMO Russian
Ministry of Foreign Affairs
sociol7@yandex.ru*

**Доверие к социальной науке: вызовы, диагностика,
перспективы / Trust to social science: challenges, diagnostics, pros-
pects ¹**

Аннотация

В статье рассматриваются современные вызовы доверию научному знанию. В первой части анализируются изменения феномена доверия к социальному знанию в обществе в их связи с развитием науки. Прослеживается динамика доверия к социальному знанию от эпохи Просвещения до наших дней. На основе подходов ведущих социальных теоретиков показана историчность и релятивность доверия к научному знанию. Обосновывается, что инсценированные смыслы доверия пришли в нашу жизнь, которые амбивалентно влияют на отношение людей к научному знанию. Во второй части представлены некоторые результаты эмпирического исследования степени доверия к социальным наукам со стороны основных целевых групп, заинтересованных в актуальном социальном знании: ученых, преподавателей ВУЗов, студентов университетов, государственных служащих, представителей бизнес-структур. Первые эмпирические результаты показали, что модель отношений между учеными и обществом усложняется. Для поддержания доверия к себе и своим научным результатам ученые должны активнее взаимодействовать с обществом, разъяснять широким слоям населения

¹ * Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

исследовательские задачи и доносить информацию о практическом значении научных результатов для общественной жизни.

Ключевые слова

Доверие; рефлексивное доверие; научное знание; научное незнание; рефлексивность; организованный скептицизм; «стрела времени»; инсценирование; гуманистический поворот; эмпирическое исследование доверия.

Abstract

The article discusses current challenges of trust in scientific knowledge. The first part covers the changes of trust in social knowledge in society in their connection with the development of science. Dynamics of trust in social knowledge is traced from the Enlightenment up today. Based on the approaches of leading social theorists, the historicity and relativity of trust in scientific knowledge is shown. It is proved that the staged meanings of trust came into our lives and have an ambivalent influence on people's attitude to scientific knowledge. The second part presents some results of an empirical study of the degree of trust in social sciences by the main target groups (scientists, university professors, university students, civil servants, representatives of business structures) that are interested in relevant social knowledge. The first empirical results showed that the model of relations between scientists and society becomes complicated. Scientists must interact more actively with society, explain to the general public research tasks and inform about the practical importance of scientific results for public life to maintain confidence in themselves and their scientific results.

Keywords

Trust; reflexive trust; scientific knowledge; scientific non-knowledge; reflexivity; organized skepticism; 'arrow of time'; staging; humanistic turn; empirical study of trust.

Доверие к науке и ее результатам – есть фундаментальное основание, на котором строятся отношения между учеными и обществом. Оно необходимо для непрерывного воспроизводства институциональной системы научного знания и научных кадров. В настоящее время данная система существенно трансформируется, что обусловлено глобализацией научного знания, а также внутренними процессами перехода от позитивистского к нелинейному мышлению. В этом контексте социологическое исследование доверия к социальным наукам имеет особую актуальность. Подрыв общественного доверия к российской социальной науке в итоге может вести к деформации национального самосознания, интеллектуальной зависимости от западных подходов к результатам научных исследований. Современные проблемы с производством социального знания в России актуализируют потребность в диагностике состояния доверия к социальным наукам в российском обществе, формирования новых перспектив взаимодействия ученых и общественности.

Факторы вызовов доверию научному знанию

Эпоха Просвещения дала импульс доверию во всемогущество научного знания, которое в концентрированной форме выражал лозунг «Знание – сила». Теоретики Просвещения ратовали за доминирующую роль разума, рациональность в мыслях и действиях, необходимость преодоления несвободы, исходили из того, что человеческое общество в принципе может стать совершенным, а дисфункциональности связывали с «отсталыми» формами знания. Они верили в силу рационализма, который-де, опираясь на естественнонаучные открытия, способен устроить жизнь всех людей ко всеобщему благополучию. В то время критерием достоверности научного знания считались «объективные» законы познания, природы и общества.

Однако с развитием науки осуществлялся переход от безусловной веры в научное знание к трактовке доверия в виде степени доверия, что предполагало

релятивность самого доверия. Рельефное выражение этого процесса получило в критическом пересмотре «объективных» причинно-следственных зависимостей, поддающихся расчету на основе математики: появляется сначала лапласовская, а затем вероятностная трактовка причинности. По мысли М. Вебера, «мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью»¹, – такой подход предполагал имманентность вызовов доверию научному знанию.

Особый вклад в обоснование релятивного доверия научному знанию внес К. Маннгейм, исследовавший проблематику сложных взаимоотношений истины и лжи как в общественном сознании, так и научном дискурсе. Социолог считает, что «причиной “односторонности” и “ложности” является не намерение скрыть подлинную ситуацию, а различие в структуре сознания различных по своему положению в социально-исторической сфере субъектов»². Именно под влиянием этих факторов на протяжении человеческой истории критерии истинности знания менялись неоднократно, что будоражило умы ученых и общественности.

Релятивное доверие к научному знанию в виде степени доверия в своем основании содержит, как показал Р. Мертон, организованный скептицизм. «Наука как будто бросает вызов “удобным властным допущениям”, просто подчиняя их беспристрастному анализу, – отмечал он. – Организованный скептицизм содержит в себе скрытое сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы “сакрального” вообще... независимо от того, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя предписанным некритическим и ритуалистическим образом»³. При этом он «принял нелинейность», и, полагаясь на этот метод, ратовал за обновленное прочтение, по существу, постоянное переосмысление достижений ученых с учетом накопленного научного знания. «Я давно выступаю за то, чтобы труды выдающихся авторов в каждой научной области перечитывать снова и снова ради прибавочного знания – дополнительные идеи и соображения явно приходят в поле зрения с каждым повторным чтением. То, что можно найти в трудах прошлого, фиксировано раз и навсегда. Однако оно меняется по мере того как изменяются наши собственные интеллектуальные восприятия; чем больше мы приобрели знания, тем больше мы можем узнать, перечитывая работы под углом нашей недавно приобретенной точки зрения»⁴. Собственно, благодаря релятивному доверию, с той поры включавшему в себя организованный скептицизм и нелинейный подход, социология и другие социальные науки осуществляли переход от одной признанной парадигмы к другой, более валидной.

Сегодня появились новые факторы вызовов доверию научному знанию. Базовые характеристики современных реалий стали подвержены эффекту «стрелы времени» – ускоряющимся и усложняющимся трансформациям, в силу чего они становятся неустойчивыми и неравновесными. Социологи констатировали, что динамика и природы, и социума все более обретает характер турбулентности⁵. Соответственно, происходят радикальные изменения в научном знании, стремящегося адекватно отображать эти процессы, что проявляется в новых вызовах самому научному знанию. Отметим наиболее важные из них.

Под влиянием эффекта «стрелы времени» возник такой вызов научному знанию, как его короткоживучесть, которая проявляется неравномерно в различных

1 Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

2 Манхейм К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. – 693 с.

3 Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 2. С. 191 – 207.

4 Merton, R. On the Shoulders of Giants. University of Chicago Press, 1993. – 348 p.

5 Кравченко С.А. К итогам X Конференции ЕСА // Социологические исследования, 2012. № 3. С. 6-13.

науках. Еще П. Сорокин отмечал более быстрое «старение» социального знания по сравнению со знанием математики и естественных наук: «За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается»¹. Чтобы поспевать адекватно отображать ускоряющийся и усложняющийся мир, ученым-обществоведам приходится не уточнять и подправлять существующий инструментарий, а с позиций организованного скептицизма и нелинейности, а также нового воображения², по существу, создавать инновационные теории, переоткрывающие социальную реальность. Со времен Сорокина процесс «старения» социального знания лишь ускорился – его дисперсия становится нормой, что нами было охарактеризовано как «нормальная аномия»³.

Под влиянием «стрелы времени» природа, физический мир, перестает быть просто средой жизни человека, превращаясь в органическую часть социума. «Само по себе разделение между “физическим” и “социальным”, – заявляет Дж. Урри, – является социо-историческим продуктом, который, как явствует, разрушается»⁴. Ныне очевидно, что активно идет процесс образования гибридов социального и физического, что становится новой проблемой и для ученых, и для общества. Более того, под влиянием ряда социальных факторов возникают качественные изменения в климате. Дело не столько в том, что в отдельных регионах мира отмечается потепление, а в других похолодание, сколько в становлении непредсказуемого турбулентного климата⁵. В итоге, ученые имеют дело не с природой и социумом в «чистом» виде, а с социо-природными реалиями, что, несомненно, является вызовом доверию как для естественных, так и социальных наук.

Эффекты «стрелы времени» изменили представления о пространстве как об объективно существующем месте, стабильном в силу своей природы. Как считает Дж. Урри, сложные социо-природные пространства «подобно кораблям движутся туда – сюда и не фиксированы внутри одного расположения»⁶. Сложные движения происходят с информационным пространством. Согласно исследованиям М. Кастельса, мировые реалии информационного общества развиваются в направлении информационного общества, основу которого составляют сетевые структуры со специфическими функциями. Пространства научных сообществ также изменяются. Конкурентами научных школ становятся так называемые «невидимые колледжи», объединяющие небольшие группы ученых самых разных наук, которые взаимодействуют друг с другом через интернет. В плане производства вызовов доверию наученному знанию их деятельность амбивалентна: с одной стороны, они в функциональном плане предрасположены к инновациям, что минимизирует многие риски «стареющего» знания и несовершенных технологий, а с другой, – производят новое знание, не прошедшее «муштрированное изыскание» (Р. Мертон), характерное для научных школ, что может иметь латентные риски производства лженауки.

Как это ни парадоксально, знания о «добре» и «зле» для человека и общества меняются, к чему ни общественность, ни сами некоторые ученые-обществоведы не готовы. Так, М. Кастельс предложил инновационный взгляд на динамику природы

1 Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000. 1056 стр.

2 Mouzakitis, A. Social Imaginaries Reconsidered: The impact of Imagination on Social Action // 13th Conference of the European Sociological Association. (Un) Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities. Athens, 29.08 – 01.09.

3 Зарубина Н.Н. и др. «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / под общей редакцией С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.

4 Urry, J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. – 172 p.

5 Urry, J. Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press, 2011. – 200 p.

6 Urry, J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. – p 42.

7 Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p. – 625 p.

современного капитализма, роли кризисов в этом процессе. Традиционно они виделись исключительно как «зло» для общества, однако, по мнению ученого, они могут выступать в виде своеобразного «добра» – фактора перехода к новой форме капитализма и новой экономической и социальной системе. Тому есть ряд свидетельств: кризис капитализма в 30-е годы прошлого века, основанный на принципе «laissez-faire», дал толчок развитию кейнсианской экономики и обновленному капитализму, достаточно успешно функционировавшего ряд десятилетий вплоть до кризиса 70-х годов, который, в свою очередь, стимулировал процессы глобализации рынков, капиталов, труда. Последствия же нынешних сложных кризисов проявляются не только в бедах, но и в зарождении и развитии новой сети солидарностей, ориентированных не столько на прибыль, сколько на повышение качества жизни, что помогает утвердить «европейское гражданское общество»¹.

Среди существенных вызовов доверию научному знанию является его инсценирование рядом структур, которые производят самые разные смыслы реальности. По У. Беку, для мирового общества риска особенно характерно производство «инсценирование реальности глобального риска»... «Инсценирование» здесь не предполагает в разговорном смысле намеренную фальсификацию реальности посредством преувеличения «нереальных» рисков»². Проблема не столько в намеренности или ненамеренности фальсификации реальности, сколько в тенденции стирания различий между валидным научным знанием, которому можно и нужно доверять, и знанием в виде инсценированных смыслов. Последнее может представлять как науку, так и лженауку, как события, так и «не-события»³. СМИ, производящие как повседневное знание, так и интерпретирующие научное знание, драматизируют события, и с помощью «спектаклей» и «перформансов» способствуют производству инсценированной реальности. Как замечает Дж. Александер, автор теории перформанса, «интернет технологии являются средством производства символической продукции, способствующей быстрой циркуляции перформансов и драмы»⁴. Из этого следует, что фейковая информация, «спектакли» с реальными и фальсифицированными угрозами, взломами серверов и т.д. ведут к дисперсии знания вообще и, соответственно, подрыву доверия к нему. Заметим и то, что авторство инсценированного знания, как правило, размыто и дисперсионно. При этом, будучи главным образом представленными в виртуальной реальности, оно оказывает очевидное воздействие и на объективную, и на субъективную реальность.

К вызовам доверию научному знанию следует отнести и принципиально новые формы знания, к которым, в частности, относится научное незнание. У. Бек пишет: «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать... взрыв ядерного реактора в Чернобыле сопровождался взрывом незнания»⁵. Аналогичный взрыв незнания произошел в российском обществе при переходе от марксизму к признанию научной значимости других парадигм. Подчеркнем, научное незнанием это не невежество, а более высокое знание, включающее организованный скептицизм, нелинейные подходы, самокритику, гипотезы, предполагающие возможность невозможного. Далеко не все ученые готовы принять научное незнание, в частности, знание о характере климатических изменений, роли искусственного интеллекта, геной инженерии и т.д. и доверять ему.

1 *Castells, M.* (ed). *Europe's Crises*. Cambridge: Polity Press, 2017. – p 178-193.

2 *Beck, U.* *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. – p 10.

3 *Baudrillard, J.* *The Gulf War Did Not Take Place*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. – 87 p.

4 *Alexander, J.C.* *The Drama of Social Life*. Cambridge: Polity Press, 2017. – 180 p.

5 *Beck, U.* *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. – p 115.

В итоге, становящееся сложное научное знание, особенно знание социальное, все более обретает релятивную и рефлексивную природу. Современные исследователи знания характеризуют его как «обобщенную способность к действию и как модель для реальности»¹. Такая рефлексия знания предполагает «переоткрытие» доверия к нему – З. Бауман ставит вопрос, доверять ли «жестким» или «текучим» стандартам истины? Его ответ: на смену «долгосрочного» приходит «краткосрочное» сознание, что способствует развитию рефлексивности относительно знания. Если прежде ученые с помощью рационального инструментария преследовали цель «расколдовать» мир, то ныне используются гипотезы, метафоры, предполагающие принятие релятивности и амбивалентности знания, исключающие попытки ниспровергнуть определенные «истины», заменив их своими, новыми истинами². При этом от степени доверия к новому сложному знанию, в конечном счете, зависит характер модели для нашей будущей реальности.

Диагностика доверия усложняющегося социального знания

Для измерения степени доверия к социальным наукам в российском обществе социологи МГИМО МИД России разработали методологию и проводят в настоящее время эмпирическое исследование основных целевых групп, заинтересованных в актуальном социальном знании: ученых, преподавателей ВУЗов, студентов университетов, государственных служащих, представителей бизнес-структур, журналистов. Целью проекта стала эмпирическая оценка доверия к результатам исследований через призму восприятия социальной науки, интереса к научной информации, а также установок на практическое использование научных результатов.

В рамках данного исследования мы интерпретировали доверие к науке как трехуровневую социальную установку, а именно: эмоциональное, когнитивное и поведенческое отношение к науке как к источнику производства знаний и к сфере профессиональной деятельности. Исходя из такого толкования, доверие к социальной науке проявляется через позитивное отношение к ней, выраженный интерес к научному знанию и его продуктам, а также готовность следовать рекомендациям ученых и внедрять результаты научных исследований. Последний показатель является самым важным при оценке доверия к науке.

Как известно, Э. Гидденс различает доверие к абстрактным экспертным системам и доверие к конкретным людям³. Первое – абстрактное доверие – ориентировано на институт науки. В современной России он олицетворяется Академией Наук, академическими институтами и вузовской наукой. Второе – конкретное доверие – направлено на личности конкретных учёных и их научные результаты. Оно определяется индивидуальным опытом взаимодействия с представителями научного сообщества.

Для опроса каждой целевой группы была разработана анкета, включающая два блока содержательных вопросов: общий для всех категорий респондентов и специальный – отдельно для преподавателей и научных сотрудников, студентов, государственных служащих и представителей бизнес-структур. Общий блок содержит вопросы: 1) об интересе к научной информации со стороны различных целевых групп; 2) об основаниях доверия к научным результатам; 3) об оценке факторов, способствующих укреплению доверия к системе социального знания; 4) о сравнении доверия к знаниям, производимым российской и западной социальной наукой и др.

Специальный блок для преподавателей и научных сотрудников ВУЗов включает вопросы о доверии к социальной науке в советском и современном российском обществе, о доверии к знаниям, добросовестности ученых, применяемым методам, организации науки в советском и современном российском обществе,

1 *Adolf, M., Stehr, N.* Knowledge. London and New York: Routledge, 2017. – p. 18

2 *Bauman, Z.* Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993. – 118 p.

3 Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практик, 2011. 352 с.

об отношении к участию в коллективных и индивидуальных заявках на грантовую поддержку исследований, об отношении к различным формам публичности в профессиональной деятельности и т.д. Исследовательской задачей стала эмпирическая оценка учеными потенциала конкурентоспособности российской социальной науки с западной в условиях космополитизации научного знания, которая, по У. Беку, востребовала принципиально новую космополитическую методологию, призванную преодолеть «зомбированные категории» ранее доминировавшего методологического национализма¹. Сказанное, на наш взгляд, не исключает значимость национальных обществоведческих школ, по существу, формирующих глокальное знание, не сводимое к «универсальности» западных теорий и истин. Так, научные и образовательные структуры в России, равно как и в других странах, не выполняют те же самые функции, которые свойственны американским или британским структурам. Полагаем, прав греческий социолог В. Рудометов, утверждающий, что «пространственное и временное качество локального прямо ставит под вопрос универсальность европейского модернистского нарратива». При этом автор ратует за «глокальный поворот» в социологии, мотивируя его тем, что фактически «наш мир не движется к мистическому однообразию или исключительности, а, напротив, состоит из фрагментов и смещений»². Из сказанного следует: глобализация науки отнюдь не предполагает «универсальность» западного знания и «исключительность» доверия к нему; каждый новый поворот в социологии предполагает новый подход к анализу социальной реальности, что является показателем валидности социологического знания [Кравченко, 2014]; необходимо учесть конкуренцию российской и зарубежной науки не только относительно получаемых результатов, но и доверия к произведенному знанию.

Специальный блок для студентов содержит вопросы об использовании научных данных в образовательной деятельности, участии в научных проектах и вовлеченности в научные мероприятия, установках на науку как сферу будущей профессиональной деятельности, экономических и социальных предпосылках для занятия научной деятельностью и для построения научной карьеры; о ценностном значении занятия наукой; о факторах, способных привлечь выпускников вузов к научной деятельности и др. Здесь нашей исследовательской задачей стала эмпирическая оценка доверия студентов к социальной науке через призму интереса к науке и системы установок на науку как будущую профессиональную деятельность.

Государственных служащих и представителей бизнес-структур мы объединили в группу «практиков» или «заказчиков» социальных исследований. Это те респонденты, кто по роду своей профессиональной деятельности заказывает исследования у внешних исследовательских организаций для практических целей. Специальный блок для этой категории респондентов содержит вопросы об организации и процедуре проведения заказываемого научного исследования, а также о проверке достоверности получаемых научных данных и их целевом использовании. Нашей исследовательской задачей в данном случае стал сравнительный анализ конкретного доверия к научным результатам двух групп заказчиков исследований: представителей государственных и бизнес-структур.

В ноябре-декабре 2016 г. был проведен опрос представителей экспертного сообщества – преподавателей и научных сотрудников российских университетов со стажем научной и педагогической деятельности не менее 10 лет, занятых по роду своей основной деятельности в престижных государственных университетах России из пяти разных по численности городов – административных центров России с развитой научно-образовательной инфраструктурой: Москвы, Екатеринбурга, Томска, Курска, Белгорода (опрошены 100 чел.).

В апреле-мае 2017 г. был проведен опрос 400 студентов московских и региональных вузов, обучающихся на бюджетной и платной основе на социально-

1 Beck, U. Power in the Global Age. Cambridge: Polity Press, 2007. – 352 p.

2 Roudometof, V. Glocalization. A Critical Introduction. London and New York: Routledge, 2016. – p 138.

гуманитарных специальностях: младших (1 и 2 курсы – 45%) и старших (3 и 4 курсы – 41%) курсов бакалаврита, а также магистратуры и первого курса аспирантуры (14%). Выборка квотно-целевая. Целевой отбор предполагал, чтобы в опрашиваемых вузах преподавались социальные науки: социология, экономика и политология.

В ноябре 2017 г. были также получены первые результаты опроса заказчиков социальных исследований – представителей государственных и бизнес-структур. Выборка квотно-целевая. Целевой отбор предполагал, что наши респонденты используют специальную научную информацию в своей профессиональной деятельности и заказывают научные исследования у сторонних организаций (опрошены 110 человек).

Полученные результаты нашего эмпирического исследования позволяют сделать первые суждения о состоянии и проблемных зонах доверия к социальной науке. Важное научно-практическое значение имеет исследование социокультурных оснований, на которых строится доверие к науке у широких слоев населения. Здесь возможны две альтернативные модели взаимодействия между учеными и широкими слоями населения. Первая (традиционная) модель предполагает «слепое» доверие к ученым и даже своего рода веру в науку. Логика здесь следующая – ученым можно доверять «по умолчанию», по традиции, потому что это особая «каста» профессионалов-экспертов, которым приписываются атрибуты сакральности и непредвзятости. Вторая (современная) стратегия предполагает опору на информацию о деятельности ученых, их реальных достижениях в познании мира, практическом вкладе в улучшение жизни общества. Доверие к науке в этом случае является результатом информированности о научных достижениях и, конечно, того, какие смыслы об этих достижениях производятся и распространяются в обществе. С целью повышения доверия к науке в нашем обществе созданы научные фонды, способствующих повышению конкурентоспособности российской науки. По словам П. Бурдьё, ученые, будучи в академическом научном поле, начинают выстраивать определенные стратегии в борьбе за доверие, стремясь посредством своих достижений добиться победы, что влияет на динамику знания и производит конкурирующие социальные условия для улучшения научных результатов¹. Кроме того, повышению доверия к науке способствуют специальные образовательные каналы. Распространение информации в широкие массы происходит через популяризацию научных результатов, т.е. процесс изложения сложной научной мысли в форме простого доступного описания².

По результатам опроса ученых и «практиков», установлено, что современное доверие к науке преимущественно строится на второй стратегии. Фактор доверованности популяризации науки вышел на первое место в рейтинге оснований доверия к науке у широких слоев населения. На втором месте – внедрение научных результатов в общественную жизнь. И это вполне объяснимо. Социальная наука имеет особую ценность как институт, производящий знания для общественного блага. Результаты исследований должны иметь рельефно выраженную практическую значимость – тогда к ним будет больше доверие. Однако нельзя полностью сбрасывать со счетов традиционные основания доверия к науке. Стоит обратить внимание на интересный факт – по сравнению с учеными, среди практиков больше тех, кто считает, что ученым можно доверять «по умолчанию».

Рис. 1. Социо-культурные основания, на которых строится доверие к научной информации у широких слоев населения в оценках ученых и практиков (% от числа опрошенных)

1 Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge: Mass, 1984. – 640 p.

2 Сухая Е.В. *Жанровые аспекты популярных произведений о науке // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9 / отв.ред. А.Г. Пастухов. Орел: ФГБОУ ВПО «ОГНИК», ООО «Горизонт», 2011. – С. 196-197.*

В контексте «встраивания национальной социально-гуманитарной науки в мировую академическую культуру»¹ важным исследовательским вопросом стало сопоставление уровней доверия к знаниям, производимым отечественными и западными учеными у различных целевых групп. Ответ на вопрос, каким научным результатам доверяют больше, позволяет оценить потенциал конкурентоспособности российской науки. Результаты исследования показали, что опрошенные респонденты всех целевых групп мало дифференцируют западную и отечественную социальную науку с позиции доверия к производимому учеными знанию. Тем не менее, наблюдается небольшой перевес в сторону большего доверия к научным результатам западных ученых (табл. 1). Суммарная доля тех, кто готов доверять «полностью всем научным результатам» и «большинству исследований российских ученых колеблется в пределах 58-67%. Аналогичный показатель для западной науки – 63-72%. В среднем, диапазон расхождения в значениях показателей составил 5%. При этом, наименьший разрыв в уровнях доверия между отечественной и западной наукой (2%) наблюдается у преподавателей университетов, т.е. тех, кто производит и транслирует научные результаты, а наибольший (9%) – у опрошенных представителей государственных и бизнес-структур, т.е. у тех, кто «заказывает» и использует в практической деятельности научную информацию.

Таблица 1. Доверие к знаниям, производимым российской и западной социальными науками в оценках преподавателей и студентов (%)

Считают, что можно доверять	Преподаватели		Студенты		Заказчики	
	Российская наука	Западная наука	Российская наука	Западная наука	Российская наука	Западная наука
Полностью всем научным результатам	2	0	4	6	7	3
Большинству научных результатов	59	63	63	66	51	64

¹ Савельева И. Присутствие или отсутствие // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 6

Совсем небольшому числу исследований	33	33	31	26	39	32
Абсолютно никаким исследованиям доверять нельзя	6	4	2	2	3	1
Всего	100	100	100	100	100	100

Чтобы разобраться в причинах такого разрыва, обратимся к первым результатам опроса государственных служащих и представителей бизнес-структур. Результаты опроса представителей государственных и бизнес-структур показывают наличие большого интереса к научной информации у наших респондентов. Большинство опрошенных «практиков» проявляет интерес к научным публикациям. На вопрос «Как Вы относитесь к научной информации по Вашей сфере деятельности, публикуемой в СМИ?», около половины всех респондентов ответили, что «бегло просматривают материал»; около 40% – «делают выписки» и системно собирают научную информацию, относящуюся к профессиональной сфере наших информантов.

Мы предположили, что в идеале, как в ситуации с широкими слоями населения, возможны две альтернативные модели взаимодействия (сотрудничества) между заказчиками и исполнителями исследований: модель, основанная на полном доверии к исследователям и проводимым ими исследованиям, и модель, основанная на контроле за исследователями. Согласно нашим результатам, представители бизнес- и государственных структур демонстрируют определенные различия в моделях сотрудничества с исследовательскими организациями. Только каждый пятый опрошенный «заказчик» склонен полностью доверять исполнителям исследований. Тем не менее, в процедурных моментах проведения исследования опрошенные представители коммерческих организаций склонны к большему контролю деятельности заказчиков, особенно на этапах разработки методологии и сбора данных. Представители государственных структур, напротив, больше доверяют исследователям. Более половины опрошенных представителей коммерческих организаций и около 40% опрошенных государственных служащих отметили, что прежде, чем заключить контракт с заказчиком, они пытаются досконально разобраться во всех деталях проведения исследования. На вопрос «Разъяснял ли Вам исполнитель суть применяемой методологии?» утвердительно ответили менее половины опрошенных государственных служащих и 4/5 всех представителей бизнеса». Каждый третий опрошенный государственный служащий и каждый второй представитель бизнес-структур ответили, что отслеживают, чтобы в выборку попали все намеченные респонденты. Около 60% государственных служащих и 70% представителей коммерческих структур указали на факт составления графика реализации исследовательского проекта с обозначением контрольных точек.

Что касается оценки конечного исследовательского результата, то здесь пока не обнаружены явные различия между представителями государственных и бизнес-структур. Около трети опрошенных из обеих групп обращаются к услугам независимых экспертов для подтверждения достоверности полученных данных. Остальные – либо не обращаются, либо не владеют данной информацией. Большинство опрошенных практиков в качестве исследовательских результатов получают описательно-аналитическую информацию по проблеме – «информацию о проблеме, представленную в таблицах, графиках, диаграммах» и «комплексный анализ проблемы». Однако, судя по данным опроса, представители бизнеса в большей степени заинтересованы в результатах, содержащих практическое решение проблемы.

О перспективах формирования рефлексивного доверия к науке

Эмпирическое изучение проблемы доверия к социальной науке – важная исследовательская задача. Сотрудниками кафедры социологии МГИМО МИД России разработана методология и методика эмпирического исследования доверия к науке, что позволяет получить надежные данные. Первые эмпирические результаты показали, что модель отношений между учеными и обществом усложняется. Для поддержания доверия к себе и своим научным результатам ученые должны активнее взаимодействовать с обществом, разъясняя широким слоям населения исследовательские задачи и доносить информацию о практическом значении научных результатов для общественной жизни. И главное – выдвинуть новые перспективы о роли знания в современном мире. Выскажем три соображения.

Первое – необходимо отойти от позитивистского постулата: «чем больше доверия – тем лучше», ибо в этом случае предполагается использовать устоявшиеся научные истины. Этот постулат относительно хорошо работал в индустриальном модерне, когда развитие социума происходило в основном линейно. В условиях же становления сложной социо-природной реальности и, соответственно, сложного знания он просто не может быть функциональным. При принятии важных экономических, социальных, политических решений необходимо учесть имманентную уязвимость знания, что особенно касается прагматического знания, основанного на формальной рациональности. В новых реалиях, как отмечает У. Бек, утверждается парадокс: «Чем больше угроза, чем больше разрыв в знании, тем больше необходимость и невозможность принятия решения»¹. Из него вытекает необходимость оптимального сочетания доверия к науке и скептицизма к её результатам. Иными словами, речь идет о востребованности рефлексивного доверия, включающего в себя потенциал недоверия, необходимый для перманентного обновления знания.

Второе – для становления рефлексивного доверия к современному социальному знанию, предполагающему релятивные и амбивалентные истины, необходим переход от позитивистского к нелинейному типу мышления и воображения. У нас он осуществляется достаточно медленно. На наш взгляд, этим главным образом объясняется большее доверие советскому обществознанию с «железными» и оптимистическими выводами о всеобщем счастливом будущем и «богатствами полным потоком», чем нынешним результатам российской и мировой социальной науки, из которых следует нарастание вызовов будущему человечеству².

Третье, пожалуй, самое главное – рефлексивное доверие к современному социальному знанию предполагает гуманистический поворот не только в социологии³, но и во всех науках. Полагаем, важно учесть не столько объем знания, количество парадигм, задействованных в его производстве, сколько наличие в нем гуманистической составляющей, являющейся определенным гарантом того, что это знание внесет вклад в производство Добра, за что особенно ратовали российские социологи⁴. Доверие к знанию будет возрастать при наличии в нем гуманистической модели будущего.⁵

Библиография

1. Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
3. Зарубина Н.Н. и др. «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / под общей редакцией С.А. Кравченко. М.: МГИМО-

1 Beck, U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. –р 117.

2 Urry, J. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016. – 200 p.

3 Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1. С. 12-23.

4 Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. Санкт-Петербург: Алетейя. 1998. – 405 с.

5 Сорокин П.А. Таинственная энергия любви //Социс, 1991. № 8, 9.

Университет, 2017. 281 с.

4. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1. С. 12-23.
5. Кравченко С.А. К итогам X Конференции ЕСА // Социологические исследования, 2012. № 3. С. 6-13.
6. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика, 2014. № 5. С. 110-124.
7. Манхейм К. Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. – 693 с.
8. Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 2. С. 191 – 207.
9. Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. Санкт-Петербург: Алетейя. 1998. – 405 с.
10. Савельева И. Присутствие или отсутствие // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 5 - 18
11. Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социс, 1991. № 8, 9.
12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000. 1056 стр.
13. Сухая Е.В. Жанровые аспекты популярных произведений о науке // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9 / отв.ред. А.Г. Пастухов. Орел: ФГБОУ ВПО «ОГНИК», ООО «Горизонт», 2011. – С. 189-197.
14. *Adolf, M., Stehr, N.* Knowledge. London and New York: Routledge, 2017. – 312 p.
15. *Alexander, J.C.* The Drama of Social Life. Cambridge: Polity Press, 2017. – 180 p.
16. *Baudrillard, J.* The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995. – 87 p.
17. *Bauman, Z.* Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993. – 118 p.
18. *Beck, U.* Power in the Global Age. Cambridge: Polity Press, 2007. – 352 p.
19. *Beck, U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. – 269 p.
20. *Bourdieu, P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge: Mass, 1984. – 640 p.
21. *Castells, M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p. – 625 p.
22. *Castells, M.* (ed). Europe's Crises. Cambridge: Polity Press, 2017. – 324 p.
23. *Merton, R.* On the Shoulders of Giants. University of Chicago Press, 1993. – 348 p.
24. *Mouzakitis, A.* Social Imaginaries Reconsidered: The impact of Imagination on Social Action // 13th Conference of the European Sociological Association. (Un) Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities. Athens, 29.08 – 01.09.
25. *Roudometof, V.* Globalization. A Critical Introduction. London and New York: Routledge, 2016. – 188 pp.
26. *Urry, J.* Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press, 2011. – 200 p.
27. *Urry, J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. – 172 p.
28. *Urry, J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. – 335 p.
29. *Urry, J.* What is the Future? Cambridge: Polity Press, 2016. – 200 p.
30. *Urry, J.* *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016. – 226 p.

References

1. *Weber M.* Basic sociological concepts [Osnovnye sociologicheskie ponyatiya] / M. Weber. Selected works. M.: Progress, 1990. - 808 с.
2. *Giddens E.* The Consequences of Modernity. [Posledstviya sovremennosti] M.: Praxis, 2011. 352 p.
3. *Zarubina N.N.* "Normal anomie" in Russia and the modern world: a collective monograph [«Normal'naya anomiya» v Rossii i sovremennom mire: kollektivnaya monografiya] / under the general editorship of S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO-University, 2017. 281 p.
4. *Kravchenko S.A.* Demand for a humanistic turn in sociology [Vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota v sociologii] // Sociological science and social practice, 2013. № 1. P. 12-23.
5. *Kravchenko S.A.* Towards the results of the X Conference of the ECA [K itogam

H Konferencii ESA] // Sociological research, 2012. № 3. P. 6-13

6. *Kravchenko S.A.* The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge [Strela vremeni: sovremennye vyzovy sociologicheskomu znaniyu]// Sociological science and social practice, 2014. № 5. P. 110-124.

7. *Manheim K.* Ideology and Utopia [Ideologiya i utopiya] // Karl Manheim. The diagnosis of our time. M.: Lawyer, 1994. - 693 c.

8. *Merton R.* Science and the social order. [Nauka i social'nyj poryadok] // Personality. Culture. Society. 2000. T.II. Issue. 2. C. 191 -207

9. *Mikhailovsky N.K.* Heroes and the crowd. [Geroi i tolpa]. Selected works on sociology in 2 volumes Vol. 2. St. Petersburg: Aleteya, 1998. - 405 s

10. *Savelieva I.* Presence or absence [Prisutstvie ili otsutstvie]// National humanitarian science in a global context: the experience of Russia and Poland. Moscow: Izd. house Gos. University - Higher School of Economics, 2010. C. 5 - 18.

11. *Sorokin P.A.* The mysterious energy of love [Tainstvennaya ehnergiya lyubvi]// Socis, 1991. № 8, 9.

12. *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Investigating Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations. [Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, ehntiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij.] St. Petersburg: ZKhl, 2000. 1056 pages

13. *Suhaya E.V.* Genre aspects of popular works on science [ZHanrovyje aspekty populyarnyh proizvedenij o nauke]// Genres and types of text in scientific and media discourse: interuniversity collection of scientific works. Issue. 9 / hr. A.G. Shepherds. Eagle: FGBOU VPO "LIGHTS", LLC "Horizon", 2011. - C. 189-197.

14. *Adolf, M., Stehr, N.* Knowledge. London and New York: Routledge, 2017. – 312 p.

15. *Alexander, J.C.* The Drama of Social Life. Cambridge: Polity Press, 2017. – 180 p.

16. *Baudrillard, J.* The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995. – 87 p.

17. *Bauman, Z.* Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993. – 118 p.

18. *Beck, U.* Power in the Global Age. Cambridge: Polity Press, 2007. – 352 p.

19. *Beck, U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. – 269 p.

20. *Bourdieu, P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge: Mass, 1984. – 640 p.

21. *Castells, M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p. – 625 p.

22. *Castells, M.* (ed). Europe's Crises. Cambridge: Polity Press, 2017. – 324 p.

23. *Merton, R.* On the Shoulders of Giants. University of Chicago Press, 1993. – 348 p.

24. *Mouzakitis, A.* Social Imaginaries Reconsidered: The impact of Imagination on Social Action // 13th Conference of the European Sociological Association. (Un) Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities. Athens, 29.08 – 01.09.

25. *Roudometof, V.* Glocalization. A Critical Introduction. London and New York: Routledge, 2016. –188 pp.

26. *Urry, J.* Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press, 2011. – 200 p.

27. *Urry, J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. – 172 p.

28. *Urry, J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. – 335 p.

29. *Urry, J.* What is the Future? Cambridge: Polity Press, 2016. – 200 p.

30. *Urry, J.* What is the Future? Cambridge: Polity Press, 2016. – 226 p.

*Скворцов
Константин Викторович
Кандидат технических наук,
доцент,
skv-kv@mail.ru*

*Skvortsov
Konstantin Viktorovich
Ph.D., Associate Professor,
skv-kv@mail.ru*

Культурно-образовательный процесс и современность: тенденции развития/ Cultural and educational process and moder- nity: development trends

Аннотация

В статье рассматривается современный культурно-образовательный процесс в его противопоставлении многочисленным негативным тенденциям социума. Отмечается необходимость возвращения названному процессу истинного, сознательно-инновационного, содержания и устойчивого динамизма. Научные основы развития общества под культурным влиянием определенного участия учреждений культуры и образования обретают значимость через регулирование, регламентирование, реагирование.

Ключевые слова

Культурно-образовательный процесс; динамика; педагогическое регулирование; регламентирование; реагирование; стабильность; устойчивость и мобильность культурно-образовательного процесса; культура; цивилизации; личность ; социум ;традиционная культура ;социальные группы.

Abstracts

The article deals with modern cultural and educational process in its opposition to many negative trends in the modern society. The necessity of returning to the mentioned process of true, conscious and innovative, content and sustained dynamism is emphasized. The scientific basis for the development of society under the influence of teacher participation gain importance through regulation, regulation, response.

Keywords

Cultural-educational process; Dynamics; pedagogical regulation; regulation; response; stability and mobility of the cultural and educational process; culture; civilization; personality; society; traditional culture; social groups.

Человечество присутствует при рождении новой информационной парадигмы и адаптации системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству. Традиционная система культур является некой системой замкнутых локальных образований. Современный мир произвел значительные изменения в человеческом сознании – человеческий взгляд обращен к новизне во всем. Для развития личности в настоящее время характерно:

- в ориентации на свои историко-культурные корни, на будущее;
- вовлечение во всемирный культурно-исторический процесс;
- осознание себя в контексте исторического времени.

Следует отметить, новые образования в обществе достаточно гармонично вписываются и в систему развития и становления культуры. Таким образом, социально- культурный процесс – это развитие человеческого фактора с устремлением обеспечения безопасности. Сама же личность в данном случае превращается в активную созидательную силу, обретая при этом права субъекта

в организации жизнедеятельности. Значительный вклад в разработку проблемы ценностей внесли исследователи: С.Ф.Анисимов, Г.П. Выжлецов, В.С. Грехнев, О.Г. Дробницкий, Д.И.Дубровский, А.Г. Здравомыслов, М.С.Каган, А.С.Кравец, Н.А.Мещерякова и др.Появление и развитие культурно-образовательного процесса (связь культуры и науки) явилось двигателем культурно- исторических преобразований. Реальная польза отмеченных компонентов заключается в обогащении за счет осуществления практических дел, обновления информации, преодоления ошибок и становления результативности в развитии социально-экономических и культурно-политических отношений. Во многом это поддерживается динамикой реализации потребностей (раскрытие энергетического потенциала социальных групп). Действующие социальные законы, насыщая homo sapiens силой творчества, создали культурно-образовательный процесс. Его проявление изменяет как среду обитания, так и отдельно взятого индивида.

Появление и развитие культурно-образовательного процесса (связь культуры и науки, их сотрудничество) явилось двигателем преобразований. Реальная польза отмеченных компонентов заключается в обогащении за счет обновления имеющейся информации(банк ,инкубатор идей), преодоления ошибок и становления результативности в развитии социально-экономических и культурно-политических отношений.

Во многом это поддерживается динамикой реализации потребностей (раскрытие энергетического потенциала социальных групп).В данном случае уместно вспомнить пирамиду потребностей А. Маслоу. Действующие социальные законы, насыщая homo sapiens силой творчества, создали культурно-образовательный процесс. Общие вопросы теории культуры отражены в работах: Арнольдова А.И., Боголюбовой Е.В., Давидовича В.Е., Жданова Ю.А., Жарова С.Н., Злобина Н.С., Кагана М.С., Малахова В.А., и др.

Сменяются эпохи и правления.И как только происходит смена ориентиров и в идеологии, тут же происходят качественные и количественные изменения в сфере развития и становления культурной жизни общества. Она в данном случае становится основой в качестве централизованной системы управления и единой культурной политики. Для личности происходит потеря определения путей культурного развития. Примером тому могут служить произошедшие революции в странах Западной Европы и в бывших республиках Союза. Разобщение общества, военные события сразу становятся преградой для развития культурной составляющей общества. Отсутствие объединительной культурной идеи воспринимается частью общества как проявление глубокого кризиса, в котором оказалась российская культура к концу XX века (распад СССР, межнациональная вражда, революции и т.д.). Критическое отношение к массовому обществу, основанному на экономическом, политическом и социальном отчуждении и порождающему специфического субъекта культуры «человека-локатора» (Д. Рисмен), «одномерного человека» (Г. Маркузе), «самоотчужденной личности» (Э. Фромм), в постиндустриальных концепциях сменилось достаточно лояльным ее восприятием.

Сформированный под влиянием культурно-образовательных центров, разрушаемый мир не оставляет надежд на воскрешение. Черты современного мира с «динамизмом», «обогащением» следует рассматривать не с позиции методологии, используемой для вычисления прибыли от расширения капитала, а с позиции жизни отдельно взятого индивида. Наличие в мировом пространстве хронического голода, тотального насилия ведет к предпосылкам роста бунтарского образа жизни, укрепления религиозного фанатизма(например, для стран азиатского мира), аморальности и преступности. В развитии культурно-образовательного процесса возникли потребности со способами удовлетворения, с обогащением жизни, с укреплением устойчивости среды, сформированной системой «человек – природа – общество». Обратимся к древним мыслителям.

Культура в проявлении жизненного прогресса не может быть реально человеческой без духовного и материального проявления, без создания свободы; права собственности; неприкосновенности жилища. В культуре, обусловленной

свободой, неизбежен выбор занятий. Таким образом, следует отметить, что культура как реализация творческой силы индивида воплощается в направлениях по совершенствованию в поведении людей.

Культура – это средство творческой самореализации индивида в окружающем мире, в обогащении среды обитания предметами, созданными энергетикой homo sapiens. Соединение людей через самореализацию в систему культурности и обретает факт жизнестойкости. Понятие, наиболее отражающее содержание молодежных субкультур, была дано И.С. Кономми: «Молодежная субкультура — социальная группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств». Л.Г. Ионин, сам процесс появления молодежной субкультуры называет «культурной инсценировкой».

В рамках подходов социологии культуры молодежная субкультура определяется как явление периферии, а в случае если это контркультура она может быть расположена на границе пространства культуры или за ее чертой. Молодежной субкультуре свойственен динамизм, агрессия, свои специфические нормы, зачастую альтернативный образ жизни. Коммерциализация средств массовой информации, в какой-то мере и всей художественной культуры, формирует определенный «образ» субкультуры не в меньшей степени. Вот и просмотр телепередач наряду с общением наиболее распространенный вид досуговой самореализации. Эмпирические исследования посредством онлайн-опросов привлекают представителей различных областей науки. В сравнении с традиционными методами опросы в сети обладают неоспоримыми преимуществами, которые и послужили толчком для выхода социологических исследований на новый уровень. Но любой метод имеет свои недостатки, и этот – не исключение. Говоря о проблеме, следует остановиться на преимуществах социологического исследования в Интернете.

Экономия. Онлайн- опросы позволяют существенно экономить время и средства. Это является огромным преимуществом перед прочими методами исследования. Набор респондентов осуществляется удаленно, а связь с ними поддерживается легче.

Точность. Благодаря экономности метода проще обеспечивать большой объем выборки, что влечет за собой низкую погрешность в исследовании.

Скорость. Онлайн- опросы проводятся в кратчайшие сроки.

Оперативность. Для быстроты вносим изменения в анкету.

Широта охвата аудитории. Благодаря Интернету появилась возможность держать связь с людьми вне зависимости от государственных границ. Также стало возможным опрашивать исключительно целевую аудиторию, например, характеризующуюся определенной профессией.

Релевантность. Социологи давно отметили, что удаленные ответы на вопросы анкеты гораздо более подробны, развернуты и откровенны, нежели ответы во время интервью. Эта разница обусловлена тем, что у респондента есть время и возможность осмыслить свой ответ, подобрать нужные слова, которые в полной степени выразили бы его мысль. Играет роль и анонимность, имеющая место во многих опросах. Человек ощущает себя защищенным и выражает свои мысли более искренно, чем при беседе с реальным интервьюером. К тому же охват тем для исследования существенно расширяется, поскольку многие респонденты не желают беседовать на щепетильные темы в обычной жизни.

Гибкость. Исследователь чувствует себя более комфортно, когда ему не нужно ориентироваться на респондентов. Опросы осуществляются тогда, когда это удобно заинтересованному лицу.

Удобство анализа данных. Программное обеспечение SPSS сделало обработку данных проще и быстрее, а вероятность ошибки – ниже.

Древние мыслители отстаивали принцип невмешательства в природу, чтобы избежать гибели человечества¹. Забвение соразмерности богатства с уровнем ду-

1 Иванов В. Г. История этики Древнего мира. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. - с 44.

ховно-нравственного развития личности расширяет прогрессивность, обостряет проблему защиты и спасения человечества от невежества и мракобесия в целом.

Культурно-образовательный процесс приобщения к достижениям человечества создает систему санкционированных образцов, расширяя связи индивидов с психологическими, телесно-физиологическими и социальными явлениями. Воздействия (воспитание) определяют для молодежи представления о счастье, судьбе, их реально-практических действиях и ограничениях. Отметим, что же в нашем понимании регулирования.

Регулирование—уровеньценностныхаспектов,определяющихрациональность процессов. Представленные меры в регулировании образования для молодежи отстаивают приоритет здоровья, качественные процессы по созданию социально-культурной базы, чтобы эффективно воспринимать информационный поток.

Регламентирование проявляется в основном в определенном поведении, которое обусловлено требованиями обычая, культуры и этикета. Характеризуется как свободное поведение человека в любой ситуации, особенно в местах культурно–досуговой деятельности.

В своей книге М.С. Каган отмечает, что «социальные институты не обладают достаточными средствами для решения данных проблем, а потому теряют лидерство в социально-организационном пространстве»¹[Каган М. С. 6, с.32].

Запоздалые научно-практические преобразования формируют необратимые процессы в развитии и динамике культурно-образовательной системы страны. Задача культурно-образовательного процесса на основе закона повышенных потребностей заключается в том, чтобы реформирование социально-экономических отношений происходило постоянно. Отсутствие условий для обеспечения успеха в процессе самореализации может сформировать философию беспредельного бунтаря или привести личность к суициду

Становление личности – это осознание стратегии интереса, в содержании которого создается фундаментальность взглядов на проблемы жизни, судьбы и счастья. Каган М.С. отмечает, что «Скромность, трудолюбие в юности может замениться стремлением к «красивой» жизни, желание стать «летчиком» обернется участием в криминальной компании, физическое развитие даст толчок к унижению других».

Самореализация – явление, вызывающее влиятельную силу извне. Действенность институтов культуры и образования из-за их слабой эффективности может сохранить в юношеском сознании эгоизм, прагматизм, карьеризм, лицемерие. Развитие личности от распыленности к целостности осуществляется при реализации потребностей (энергетической подпитки) для ощущения собственного достоинства и самодостаточности.

Единство личности с постоянным взаимодействием культуры и образования формируют личность творческого (инновационного) характера. Автор статьи отмечает, «что в период реформирования у российской молодежи существенно расширились возможности выбора чему посвящать и как устраивать свою жизнь»²

Существующий институт образования наполнен ценностями любви, семьи, культурой труда, обогащением человеческого капитала. Современное общество требует мобилизационных усилий (самореализации) индивидов с их неповторимыми способностями и талантами. В любом случае ключевой проблемой остается сохранение самобытной национальной культуры, ее международного влияния и интеграция культурного наследия в жизни общества, интеграция России в систему общечеловеческой культуры в качестве равноправного участника мировых художественных процессов. И, напротив, чем уровень социального

1 Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. — М.: Политиздат, 1988. С 45.

2 Скворцов К. В. Модернизация образования как фактор совершенствования социализации молодежи. Монография. М.: ИПКИР, 2010. С 35.

развития выше, чем в большей мере общество настроено на модернизацию, тем более оно открыто к культурным взаимодействиям и трансформациям, что выражается в избираемом типе культурной стратегии.¹

В этом смысле для культуры современной России основная задача состоит в выработке стратегического курса на будущее в быстро меняющемся мире. Решение задачи непростое: только осознание имеющихся противоречий в российской культуре приведет к новому восприятию и переосмыслению русской культуры самой личностью в целом. Исследования в данной области необходимы для разрешения кризисных явлений российской действительности. Именно связь проблем, как молодежная субкультура и молодежная агрессивность очевидна. Только тщательные и систематические исследования в данной области могут помочь понять причины происходящего в обществе. Необходимо понять суть молодежных исканий, отрешиться от безусловного осуждения того, что несет с собой молодежная культура, дифференцированно подходить к изменениям в обществе и восприятию действительности.

Библиография

1. Астафьева О.Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: материалы международной конференции. М.: РАГС, 2008. С. 120-138.
2. Верицагин Д.С. Искусство. Система навыков дальнейшего энергоинформационного развития, ступень V, этап 3. Спб. : Афина, 2002. -192 с.
3. Гидденс Э. Синтез деятельных агентов и самоорганизующихся структур // Социология / Под ред. С. А. Кравченко. М., 2002. -С. 255–272.
4. Иванов В. Г. История этики Древнего мира. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. - 225 с.
5. Дубровский Д. И. Проблема идеального. — М.: Мысль, 1983. - 230 с.
6. Кagan M. C. Мир обшения: Проблема межсубъектных отношений.— М.: Политиздат, 1988. -319 с.
7. Яковлев А. И. Энергетическая природа сознания. М.: ООО «Интерлайн», 2007. -196 с.
8. Скворцов К. В. Модернизация образования как фактор совершенствования социализации молодежи. Монография. М.: ИПКИР, 2010. -111 с.
9. Скворцов К. В.// Психолого- педагогические проблемы современной учащейся молодежи в учреждениях культуры и образования // Ученые записки Орловского государственного университета №2 (71) , 2016.- С.280-283.
10. Флиер А.Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2 (март — апрель). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/.

References

1. Astafyeva O.N. Intercultural dialogue in the context of globalization: problems of theory and practice[Mezhkulturnyj dialog v usloviyax globalizacii: problemy teorii i praktikii]/intercultural and inter-religious dialogue for sustainable development: proceedings of the International Conference. M.: RAGS, 2008. C. 120-138.
2. Verishhagin D.S. Art. Skill system further development of the energy-informational, step V, 3 phase. [Iskusstvo. sistema navykov dalnejshego energoinformacionnogo razvitiya, stupen v, etap 3]Spb. : Athena, 2002. with 192.
3. Giddens E. Synthesis of active agents and self-organizing structures[Sintez deyatelnyx agentov i samoorganizuyushhixsya struktur]/sociology/ed. S. A. Kravchenko. M., 2002. S. 255-272.
4. Ivanov V.G/, Ethics in the ancient world.[Istoriya etiki drevnego mira] L.: Publishing House LGU,
5. Dubrovskiy D.I. Problem the perfect.[Problema idealnogo] — M.: mysl, 1983. -230 s.
6. Kagan M.S. World obsheniya: problem mezhsubektnyh relations.[Mir obsheniya: problema mezhsubektnyx otnoshenij]-Moscow: Politizdat, 1988.- 319-(what about work than argue philosophers)
7. Yakovlev A.I. energy and nature of consciousness.[Energeticheskaya priroda

¹ Флиер А.Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2 (март — апрель). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/

soznaniya] M.: OOO "Interline", 2007. 196 s.

8. Skvortsov K.V. Modernization of education as a factor in improving the socialization of youth. [Modernizatsiya obrazovaniya kak faktor sovershenstvovaniya socializatsii molodezhi.] Monograph. M.: IPKIR, 2010. 111 s.

9. Skvortsov K.V. // Psychological and pedagogical problems of modern students in institutions of culture and education [Psixologo- pedagogicheskie problemy sovremennoj uchashhejsya molodezhi v uchrezhdeniyax kultury i obrazovaniya]// Uchenye zapiski Oryolskogo gosudarstvennogo universiteta №2 (71), 2016.- P.280-283.

10. Flier A.Y. Cultural Wednesday and its social features [Kulturnaya sreda i ee socialnye cherty] [electronic resource]//humanitarian Information Portal "knowledge. Understanding. Skill. " 2013. No. 2 (March-April). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/. Date: 12.02.2014.

НОВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

NEW SOCIOLOGICAL LEXIS

*Кравченко
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой
социологии Московского
государственного института
международных отношений
(университета) Министерства
иностраннных дел Российской
Федерации
Главный научный сотрудник
Института социологии РАН
Москва, Россия.
sociol7@yandex.ru*

*Kravchenko
Sergey Alexandrovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Sociology Department
of the Moscow State Institute of
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation
Chief Researcher of the Institute of
Sociology of the Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia.
sociol7@yandex.ru*

*Капитоненкова
Татьяна Дмитриевна – магистр
кафедры социологии МГИМО МИД
России. Москва, Россия.
mihalevatd@gmail.com*

*Kapitonenkova
Tatyana Dmitrievna - Master of the
Department of Sociology, MGIMO
Russian Ministry of Foreign Affairs
mihalevatd@gmail.com*

Новейшая социологическая терминология Дж. Урри в работе «Что есть будущее?»/ The newest sociological terminology in: J.Urry «What is the future?».

Размышление о будущем важно для всех людей, организаций и обществ. Государства, корпорации, университеты, отдельные лица считают, что они не могут активно осуществлять свою деятельность без знания о будущем. Но что такое будущее? Это остается загадкой, возможно, самой большой загадкой, особенно потому, что будущее непредсказуемо и зачастую непознаваем и является результатом многих известных и неизвестных факторов. Будущее редко бывает простой экстраполяцией из настоящего.

Джон Урри (1946-2016), всемирно известный британский социолог, стремится систематизировать те усилия, которые были предприняты для предвидения, визуализации и разработки моделей будущего. Он показывает, что будущее часто оспаривается и насыщается различными интересами, особенно в отношении будущих поколений. Представленный материал содержит новейшую терминологию, которая может быть плодотворна при анализе усложняющихся рисков, влияющих на характер будущего.

Антропоцен -anthropocene, the- современный период геологической истории характеризующийся тем, что человек является центром и высшей целью мироздания – создает предпосылки для катастроф, произведенных самим человеком¹.

Будущее -future, the -реальные и воображаемые реалии, которые «непредсказуемы, неконкретны и часто неизвестны, результат многого известного

1 Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016.

и особенно “неизвестного о неизвестном”...Фактически мы создаем много “вещей”, даже когда думаем, что делаем нечто одно, и эти многие вещи имеют разнообразные и непредсказуемые последствия для будущего»¹. Для сравнения, по Н. Луману: будущее – «разрушение возможностей жизни на земном шаре абсолютно независимо от того, станет ли оно когда-нибудь реальным настоящим»².

Будущие поколения –future generations- поколения, не имеющие голоса для обозначения своих интересов – они должны принять большинство из того, что передано им³.

Введение новшеств - innovating - нелинейный процесс, в котором ключевую роль играют неожиданные редкие события, имеющие потенциально огромные воздействия на физические и/или социальные системы, будущее в целом. Инновация не вызывается единой «политикой», а включает *сочетание* разрозненных элементов в новую систему, что зачастую в течении времени ведет к образованию сложной системы, являющейся не технологической или экономической, или социальной, или политической, а включающей в себя все это. Сети принципиально важны для инноваций. Результат инновации ведет не к одному разрыву, а постоянным волнам разрывов. Перформативный компонент весьма важен в производстве инноваций⁴.

Воображаемое будущее –imagine future - альтернативные сценарии будущего, созданные в литературе, искусстве, фильмах, на телевидении, часто включающие спекулятивные будущие технологии, такие как путешествие во времени, персональные летающие машины, телепортация, взнезные коммуникации, поезда без водителей и т.д. Они могут быть как светлыми утопиями, так и мрачными дистопиями⁵

«Глобальный оптимизм» - ‘global optimism’ - воззрение, характерное для 90-х годов прошлого столетия, сформировавшееся под влиянием победы Запада в «холодной войне», согласно которому мир входит в утопию безграничности, глобального потребительства, что касается выбора еды, продуктов, тел, мест, услуг⁶.

Глобальный риск – global risk- риск, производящий системную нестабильность ⁷.

Дистопия - dystopia- совокупность мрачных видений будущего, позволяющих выявить трудности на пути движения к желаемому будущему. Среди сценариев: коллапс гражданского порядка; увеличивающийся надзор; атомизация жизни; доминирование киборгов, опустошение Земли⁸ .

Зависимость от системы - system-dependence- люди являются «носителями» системных отношений, что, как правило, осознается лишь тогда, когда система дает сбой, и этот сбой распространяется от системы к системе⁹.

Исчезающее будущее –disappearing future- имеет место в новых финансовых “продуктах”, основанных на высокоскоростных компьютерах, в которых принятие решений о транзакциях требует менее секунды¹⁰.

Климатическое изменение – climate change- турбулентное изменение климата, который утрачивает свою привязанность к конкретному географическому региону, что в итоге ведет к «изменению всего», включая человека, животный и растительный миры¹¹.

Мода – fashion - имманентный фактор функционирования сети и

1 Там же с.1-2

2 *Кравченко С.А.* Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013, с 83

3 *Urry, J.* What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016, с.4

4 Там же, с.75-77,90

5 Там же, с. 2

6 *Urry, J.* What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016, с.33

7 Там же, с.48

8 Там же, с.91-93

9 Там же, с.73

10 Там же, с.3

формирования связи с другими сетями. Моды зачастую появляются ниоткуда, но, однажды появившись, они разрастаются, проявляют экспансию и трансформируют сложные сферы экономической и социальной жизни¹. Для сравнения: по Г. Блюмеру – одна из форм массового движения; по Г. Зиммелю – форма социального взаимодействия, предполагающая дуализм подражания и индивидуализации; по Ж. Бодрийеру – характерный для постмодернистского общества институт социального и культурного неравенства, основанный на кодах сифнификации, который служит для «санкционирования логики различия». М. руководит «социальной логикой обмена» и осуществляет «принудительное обновление знаков»².

Новая война – new war - война, подрывающая обычные различия между внутренним и внешним, агрессией и репрессией, локальным и глобальным, основана более на идентичности, а не территории, не предполагает формальную декларацию войны или мира³.

«Новый катастрофизм» - 'new catastrophism' - подход, исходящий из того, что причинами катастроф не являются внешние факторы, они лежат внутри сложных систем, часто являются побочными эффектами человеческой деятельности, распространяющиеся каскадом на финансовую, климатическую, религиозную, продовольственную, водную, энергетическую и иные системы⁴.

Ответственная инновация – responsible innovation- развитие институциональных возможностей, помогающих инноваторам предвидеть возможные будущие последствия, формируя у них чувство ответственности⁵.

Постсовременное планирование - 'post-modern planning' –предполагает учет глобального изменения, пределов рынков, сложного «неизвестного о неизвестном»⁶.

Продажа будущего – trading the future - деятельность, характерная для западного общества, позволяющая получать много денег – посредством неё реализуются властные интересы, почти все превращается в монетизированный товар⁷.

Пустое будущее – empty future- будущее, открытое не Богу, а людям для колонизации и контролю⁸.

Секьюритизация населения- 'security-ization' of population - создание укрепленных анклавов, отделяющих богатые общества от бедных, а также от всевозможных захватчиков и болезней⁹.

Синдром Кассандры - 'Cassandra syndrome' - в греческой мифологии – дочь царя Приама, обладавшая даром делать точные пророчества, которым никто не верил. В современной трактовке: в частности, ученые связывают будущее с глобальным изменением климата, но политиками это игнорируется¹⁰.

Сложная система – complex system- система, производящая сложные ненамеренные эффекты, отличные от тех, которые имелись в виду; в ней нет пропорциональности между «причинами» и «эффектами», а изменения происходят не постепенно, а драматично¹¹.

Стрела времени – arrow of time - подход, предполагающий плюрализм времен, исходящий из того, что нет необратимости между прошлым, настоящим и будущим; нет фиксированного или абсолютного времени, независимого от системы, к которой относится¹¹.

1 Там же, с.158-159

2 Там же, с.71

3 Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012, с 211.

4 Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016, с.47

5 Там же, с.34

6 Там же, с.80

7 Там же, с.13

8 Там же, с.2

9 Там же, с.8

10 Там же, с.149-150

11 Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016, с.19

Утопия -utopia – 1) «властное зеркало существующим обществам, так как они демонстрируют пределы настоящего»; современная У.в значительной степени перформативна; 2) видение Т. Мором будущего, создаваемого людьми, а не Богом¹. Для сравнения, по К. Маннгейму: У.– субъективное отражение современной действительности через призму будущего (в отличие от идеологии, которая своими корнями уходит в систему идей, относящуюся к прошлому)².

Цифровой (умный) город - digital (smart) city - город, в котором физическое перемещение объектов и людей в значительной степени замещено многочисленными цифровыми коммуникациями³.

Экологическая модернизация – ecological modernization- модернизация, предполагающая циклический экономический рост, развитие эко-технологий, возобновляемых энергоресурсов. Её корни уходят в идеи русского экономиста Н.Д. Кондратьева⁴.

Библиография

1. Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012.
2. Кравченко С.А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013.
3. Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016.

References

1. Kravchenko S.A. Sociological explanatory English-Russian dictionary. [Sociologicheskij tolkovyj anglo-russkij slovar'] Moscow: MGIMO-University, 2012.
2. Kravchenko S.A. Sociological explanatory Russian-English dictionary. [Sociologicheskij tolkovyj anglo-russkij slovar'] Moscow: MGIMO-University, 2013.
3. Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016.

1 Там же, с.60-61

2 Там же, с.66-67

3 Там же, с.21

4 Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity Press, 2016, с.142

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

*Зарубина
Н.Н.*

*Д.филос.н., профессор кафедры
социологии
МГИМО МИД России*

*Zarubina
N.N.*

*D.Sc., Professor of the Department of
Sociology
MGIMO Russian Ministry of Foreign
Affairs*

Проблематика лженауки в России: риски демаркации различных форм знания¹ / The problem of pseudoscience in Russia: the risks of demarcation of various forms of knowledge

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы распространения лженауки в России. Предметом рассмотрения являются риски, порожденные проблемой демаркации научного и лженаучного знания. Эмпирической базой исследования является дискурс борьбы с лженаукой, смысловым и организационным ядром которого является деятельность Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН, в том числе публикации её журнала «В защиту науки». Показано, что распространение лженауки производит риски для институтов государства, бизнеса, образования, медицины, а также для отдельных людей, выражающих доверие лженауке. Обозначен ряд причин распространения лженауки, в том числе коммерческая заинтересованность, производство сенсаций в СМИ, коррупционная составляющая. Обоснована необходимость противодействия лженауке. Утверждается, что недостаточная эффективность борьбы с лженаукой вызвана, в числе прочего, рисками, которые эта борьба вызывает. К числу таких рисков относятся блокирование инновационных исследований, догматизация науки. Для снижения рисков необходимы новые подходы к демаркации научного и лженаучного знания. Представлен обзор существующих подходов к демаркации научного и лженаучного знания, в числе которых принцип фальсифицируемости К. Поппера, признание научным сообществом, укоренённость в научных школах, а также ряда предложенных отечественными учёными критериев. Обосновывается эвристическая значимость подхода, предложенного В.С. Стёпиным, базирующегося на разграничении форм знания о мире на основе их эпистемологической специфики. Показано, что особенностью развития современной науки — её переход в постакадемическую стадию, профессионализация, узкая специализация, неустойчивость нормативных рамок деятельности учёных, а также доверие к науке в обществе, создают риски развития лженауки. Усложнение современного социума актуализирует упрощение социальных практик как способ адаптации на массовом уровне, что также усиливает риски распространения лженауки.

Ключевые слова

Наука; лженаука; риски; доверие; процесс познания; формы знания

Annotation

The article deals with the problems of the spread of pseudoscience in Russia. The subject of analysis are the risks generated by the problem of demarcation of scientific and pseudoscientific knowledge. The empirical basis of the research was the discourse of the struggle against pseudoscience, the semantic and organizational core of which is the activity of the Commission for Combating Pseudoscience and Falsification of Scientific Research under the Presidium of the RAS, including the publication

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 16-18-10411

of its journal, "In Defense of Science." It is shown that the spread of pseudoscience produces risks for the institutions of the state, business, education, medicine, as well as for individuals expressing confidence in pseudoscience. A number of reasons for the spread of pseudoscience are indicated, including commercial interest, the production of sensations in the media, and the corruption component. The necessity of counteraction to pseudoscience is grounded. It is argued that the insufficient effectiveness of the fight against pseudoscience is caused, among other things, by the risks that this struggle generates. Such risks include the blocking of innovative research, the dogmatization of science. To minimize risks, new approaches to the demarcation of scientific and pseudoscientific knowledge are needed. An overview of existing approaches to the demarcation of scientific and pseudo-scientific knowledge is presented, including the principle of K. Popper's falsifiability, recognition by the scientific community, rootedness in scientific schools, and a number of criteria proposed by domestic scientists. The heuristic significance of the approach put forward by V.S. Stepin, based on the delineation of the forms of knowledge about the world on the basis of their epistemological specificity. It is shown that the features of the development of modern science – its transition to the post-academic stage, professionalization, narrow specialization, the instability of the normative framework of the activities of scientists, and the trust in science in society, create the risks of the development of pseudoscience. The complication of modern society actualizes the simplification of social practices as a way of adaptation at the mass level, which also increases the risks of spreading pseudoscience.

Keywords

Science; pseudoscience; risks; trust; process of cognition; forms of knowledge.

Одной из важнейших проблем современного общества стало распространение лженауки, превратившейся в «системное явление», в том числе и в России. Риски для различных российских социальных групп и институтов, создаваемые экспансией лженауки, не вызывают сомнений. Это финансовый ущерб для государства и бизнеса от вложений в авантюристические, скандальные проекты, вроде нашумевшей программы «Чистая вода» (2009 г.) с «наночильтрами для очистки воды» В. Петрика, поддержанной партией «Единая Россия», под которую первоначально было запрошено 500 млн. долларов, или проекта получения энергии из камня, под который в период президентства Б.Н. Ельцина в 1991 г. было выделено около 200 млн. долларов. □ Это и несомненные риски для здоровья и жизни людей, обращающихся к «нетрадиционным» медицинским практикам, использующим, в лучшем случае, бесполезные, а то и вредящие здоровью лекарства и приборы. В социокультурной сфере риски распространения лженауки состоят в подрыве у массовых аудиторий — потребителей разного рода сенсационной информации, научного мировоззрения, отличающего цивилизованного человека от дикаря; в распространении ложных знаний об истории, культуре, обществе. □

Кроме того, распространение лженауки представляет собой риск и для самой науки, во-первых, обесценивая её достижения, снижая доверие к учёным, к методам и результатам их труда. Во-вторых, лжеучёные разрушают этику научного сообщества, вступая на путь фальсификации научных знаний и методов работы ради финансовых преимуществ и сомнительных сенсаций в СМИ.

Для борьбы с лженаукой в её разнообразных проявлениях в России в 1998 г. была создана Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН. Одним из её последних достижений стал Меморандум «О лженаучности гомеопатии» от 6 февраля 2017 г. В нём утверждается, что «объяснения механизмов предполагаемого действия гомеопатии противоречат известным химическим, физическим и биологическим законам, а убедительные экспериментальные подтверждения ее эффективности отсутствуют». Риск гомеопатии, которая практикуется уже более 200 лет, объясняется тем, что «больные тратят значительные средства на недействующие препараты и пренебрегают средствами лечения с подтвержденной эффективностью. Это может приводить

к неблагоприятным исходам, в том числе к смерти пациентов». Минздраву РФ рекомендуется изъять гомеопатические лекарства из государственных клиник, а Антимонопольной службе взять под контроль распространение информации о лечебных свойствах этих лекарств.[□]

В то же время, борьба с лженаукой оказалась весьма сложным делом, далеко не всегда усилия экспертов имеют успех, и деятельность академической Комиссии по борьбе с лженаукой имеет немало противников. Объясняется это прибыльностью лженауки в её различных проявлениях для бизнеса, успешно развивающего рынок непроверенных лекарств, «лечебных» приборов и артефактов, вроде циркониевых браслетов, а также услуг разнообразных целителей, экстрасенсов, прорицателей, шаманов и т.п. Коррупционированные чиновники, кормящиеся вокруг, сомнительных «исследовательских программ», также препятствуют борьбе с лженаукой. Ещё с советских времён такие программы нередко проводятся в секретных оборонных институтах и имеют грифы, не позволяющие проводить объективную экспертизу. □

Средства массовой информации также заинтересованы в распространении сенсационных, привлекательных для массовой аудитории сведений, поэтому охотно транслируют лженаучные «открытия». Издательский бизнес также охотно тиражирует «шокирующие гипотезы», пользующиеся спросом у читателей, и это всё на фоне падения тиражей и аудиторий научно-популярной прессы и телепередач. Противоречия общепринятым научным знаниям сведения и теории проникают даже в учебную литературу, которая не всегда проходит через ответственную научную экспертизу. Поэтому учёные, борющиеся с лженаукой, нередко сетуют на отсутствие цензуры, которая могла бы препятствовать распространению лженаучных сведений в СМИ, а также серьёзной экспертизы учебной литературы, с тем, чтобы препятствовать проникновению лженауки, непроверенных, искаженных сведений в образовательный процесс.

Стоит отметить, что противники жёсткой борьбы с девиантными формами научного знания не всегда движимы только лишь корыстными соображениями, тщеславием и невежеством. Некоторые указывают на риски для развития науки, возникающие в результате самой этой борьбы. Эти риски, по мнению оппонентов Комиссии, связаны с целенаправленным ограничением познавательной, поисковой деятельности людей, от которого в своё время серьёзно пострадала и отечественная академическая наука. Обычно приводятся примеры с гонениями на провозглашённые «лженауками» генетику и кибернетику, в которых участвовало академическое сообщество, а также напоминают о том, что многие общепризнанные ныне научные достижения далеко не сразу были признаны и приняты коллегами. Заблуждение является непреходящим спутником процесса познания, не подтвердившиеся гипотезы, не выдержавшие проверки теории, не удавшиеся эксперименты, — всё это представляет собой не всегда заметные и широко известные, но неотъемлемые составляющие научной работы. Клеймо «лжеученого» для автора интересной, но не подтвердившейся гипотезы, может стать непреодолимым барьером для дальнейшего научного развития. Академик А.Б. Мигдал высказывал по этому поводу весьма точные соображения о рисках развития науки: «В нобелевской речи Альбер Камю сказал, что искусство шагает по узкой тропинке меж двух бездн: с одной стороны – пустота, с другой – тенденциозность. В науке такие бездны – верхоглядство и догматизм, две грани лженауки. Верхоглядцы строят свои концепции, не считаясь с фактами и соотношениями, основываясь на непроверенных догадках. Догматики абсолютизируют представления сегодняшнего дня. Что опаснее – трудно сказать. Очень часто ученые, неспособные отказаться от установившихся представлений, широко образованны в науке и даже делают хорошие работы, хотя и не выходящие за рамки общепринятого. Покуда они ограничиваются такой деятельностью, они приносят пользу. Вред начинается, когда они пытаются делать прогнозы и влияют на выбор направления поисков... К сожалению, случается, что ученые догматического склада объясняют лженаукой добросовестные научные поиски неожиданных явлений, то есть таких, которые противоречат принятым представлениям (но не установленным фактам!)».¹

1 Кругляков Э.П. Лженаука: кому выгодно? // В защиту науки, 2011, № 8. С. 19-23.

Кроме того, *саморазвитие современной науки вызывает к жизни риски, способствующие активизации лженауки*. Прежде всего, латентным последствием приращения научного знания являются новые проблемы и противоречия, требующие новых исследований, каждая решённая научная проблема порождает новые вопросы, что делает процесс научного познания бесконечным, но никогда не приводящим к познанию некой «конечной» истины. То есть наука производит не только знания, но и *институционализированное незнание*, и заполняющие образующихся лагун охотно занимаются лжеучёные. Развитие науки основано на преодолении стереотипов, распространении известных методов и подходов на новые предметные области¹, что нередко приводит к не только к новым открытиям, к приращению знания, но и к тому, что учёные какое-то время идут по ложному пути. Конечно, современная наука уже накопила большой объем подтверждённых знаний о природе и обществе, и соответствие им является одним из критериев валидности инноваций, однако возможны и принципиально новые интерпретации уже известного, дающие начало новым научным парадигмам, а не только лженаучным заблуждениям. Как известно, в науковедении действует *принцип соответствия*, согласно которому старая теория занимает локальную нишу в рамках нового парадигмального объяснения какой-либо области реальности.

Вступление науки как социального института в постакадемическую стадию развития также заставляет по-новому посмотреть на проблемы демаркации науки и лженауки. Постакадемическая наука, в отличие от академической, тесно связана с финансированием исследований, которые имеют или в перспективе могут получить прикладное значение, заинтересованными государственными органами, а чаще крупным бизнесом. Здесь нарушается утверждённый ещё Р. Мертоном этический принцип бескорыстия исследователей, вынужденных отстаивать не только научную состоятельность, но и коммерческую эффективность своих разработок. Научные дискуссии между учёными в таких ситуациях могут иметь в своей основе не стремление к истине, а желание дезавуировать точку зрения оппонентов, ставящих под сомнение потребительскую пригодность, безопасность той или иной научной инновации. На наш взгляд, одним из примеров являются дискуссии вокруг использования ГМО, критика которых признаётся лженаучной.

Узкая профессиональная специализация современных учёных также является одним из факторов, способствующих распространению лженауки. Во-первых, авторы значимых научных достижений иногда пытаются проявить себя в иных отраслях научного знания, но оказываются в них дилетантами и создают лженаучные концепции, подкрепляемые, тем не менее, заслуженными ранее высокими академическими статусами. Ярким примером является «новая хронология» математиков академика А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, подвергнутая обоснованной критике профессиональными историками, археологами, лингвистами, астрономами и единодушно признанная лженаучной, но, тем не менее, пользующаяся вниманием непрофессиональных аудиторий. Во-вторых, ещё М. Вебер отметил, что современное узкоспециализированное научное знание, в отличие от знания мифологического и религиозного, не может дать законченной, логичной, согласованной, абсолютно надёжной и достойной полного доверия картины мира, что подрывает доверие к науке со стороны массового потребителя знаний и заставляет его обращаться к более «надёжным» источникам – религиозному, мифологическому, а также и лженаучному знанию, охотно обращающегося к «синтезу» локальных теорий ради «решения» глобальных проблем.

В связи с тем, что столь необходимое российскому обществу противодействие лженауке встречает не только безоговорочную поддержку, но и обоснованную критику², надо более внимательно отнестись к проблеме демаркации научного и лженаучного знания, отделить предметы дискуссий экспертов, инновационные гипотезы и теории от заведомой фальсификации. Такая демаркация сама по себе

¹ Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки, 2006, №1. С. 8-16.

представляет серьёзную научную проблему, которой посвящены многочисленные исследования, но не имеющую пока однозначного решения.

Сегодня используется множество понятий, обозначающих различные характеристики лженаучного знания — «паранаука», «квазинаука», «псевдонаука», «девиантное научное знание», и т.д. Есть разные точки зрения на их соотношение, отражающие расхождения в представлениях о самом объекте исследования. Ряд экспертов использует эти понятия как синонимы, считая принципиальным лишь различие между собственно наукой и не-наукой, т.е. лженаукой.¹ Некоторые считают целесообразным весь комплекс ненаучного знания называть «девиантным знанием» на том основании, что оно основано на иных институциональных принципах получения, обоснования, организации, нежели современная академическая наука. Другая точка зрения состоит в том, чтобы отличать «паранауку» как комплекс «сомнительных» исследований вроде парапсихологии или астрологии, от «лженауки» как помещённых в научную оболочку бездоказательных и недоказуемых теорий, а также от мошенничества, грубых спекуляций, направленных на получение рыночных, финансовых, статусных и прочих преимуществ.¹

В обоих подходах принципиально важным является принятие критериев отделения научного знания от ненаучного=лженаучного. Российские исследователи [Эйдельман 2004: 15; Сергеев 2015: 61-62; Кругляков 2001] предлагают набор максимально формализованных критериев, которые, с их точки зрения, могут применяться, например, издателями и редакторами научных и научно-популярных изданий для выявления лженаучных публикаций, пресечения распространения информации о лженаучных «открытиях» и «изобретениях», и т.д. К таким критериям относятся:

- Претензия на исключительную значимость открытия (теории, направления и т.п.), решение фундаментальных, жизненно важных проблем;
- Нарушение законов физики (гравитации, сохранения энергии и т.д.) и других признанных фундаментальных законов науки;
- Отсутствие предшественников и принадлежности к научной школе, направлению;
- Отсутствие публикаций в признанных научных журналах;
- Отсутствие признания со стороны других специалистов в данной области;
- Противопоставление «официальной науке» (и само употребление этого термина в критическом смысле и контексте);
- Невозможность повторить эксперимент, повторно получить результат, и др.

Профессор Е.Д. Эйдельман предложил набор критериев, сведённый в анкету, включающую 18 вопросов и два варианта ответов, с рекомендациями по анализу результатов, чтобы максимально упростить работу для редакторов.¹

В то же время, отмечается, что наборы подобных критериев всё же не дают «чёткой процедуры» для выявления лженауки.¹ Это естественно, поскольку само исходное понятие науки сложно и неоднозначно, и плохо поддается формализации. Если вынести за скобки случаи откровенного мошенничества и фальсификации исследований, или «раскрученного» дилетантизма, которые встречаются не так уж часто, то грань между признанным научным достижением и добросовестным заблуждением, не подтвердившейся гипотезой или опровергнутым дальнейшим развитием науки результатом оказывается не столь уж чёткой.

Следует также различать проявления лженауки и критерии её демаркации от научного знания, с одной стороны, в естественных и точных, а с другой стороны — в социальных и гуманитарных науках. Последние с науковедческой

¹ Меморандум №2 Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН «О лженаучности гомеопатии» / [Электронный ресурс] <http://klinran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/>

точки зрения характеризуются как «мягкие», т.е. не имеющие единой парадигмы, разделяемых всем сообществом учёных критериев определения научной истины, в отличие от «твёрдых» естественных и точных наук, где существует некоторый объём общепризнанных достижений в форме законов (сохранения энергии, и т.п.) и алгоритмов проверки результатов. Хотя «твёрдые» науки также подвержены экспансии со стороны лженаучного знания, для них перечисленные выше критерии демаркации оказываются более адекватными, чем для «мягких» наук.¹ К последним относятся психология, история, филология, социология и другие социально-гуманитарные дисциплины, полипарадигмальная природа которых и используемые качественные методы, сопряжённые с исследовательскими интерпретациями фактов и данных, делают их особенно уязвимыми для проникновения как паранаучных (парапсихология), так и просто недобросовестно полученных, фальсифицированных результатов.

Одним из наиболее надёжных критериев отличия научных утверждений от ненаучных является принцип фальсифицируемости К. Поппера, в соответствии с которым любой научный результат предполагается и существование условий, при которых он может быть опровергнут, в отличие от ненаучных — идеологических, религиозных, мифологических, «абсолютных истин», которым приписывается универсальная значимость.

Одним из критериев лженауки является принятие исследователем некой ценностной установки, первичной по отношению к научным методам и, соответственно, искажающей результат. А.М. Хазен определяет лженауку как «введение в процесс научной работы, научных публикаций и обсуждений политических и религиозных установок, преднамеренной фальсификации экспериментов, прямой или косвенной цензуры...» [Хазен 2002: 103]. На основании этого критерия можно рассматривать случаи «мичуринской биологии» или гонений на генетику и кибернетику как «лженауки». Под этот критерий также попадает и «партийная» методология общественных наук в советский период. Например, в соответствии с этим критерием в 2016 г. группой историков [□] и Вольным сетевым сообществом Диссернет ² был поставлен вопрос о научности результатов докторской диссертации министра культуры РФ В. Мединского, в которой в качестве исследовательского принципа утверждается соответствие оценки событий или исторических деятелей «национальным интересам России».

Однако надо учитывать, что наличие общей мировоззренческой установки для советских общественных наук вовсе не означает, что все результаты историков, социологов, филологов, психологов и т.д. того периода следует огульно записать в «лженаучные». Напротив, среди них можно и нужно выделять высокие научные достижения мирового уровня. Поэтому и абсолютизировать данный критерий демаркации не следует.

Ещё ряд критериев различения (науки и лженауки) связан с ценностными и нормативными основаниями науки как социального института, ориентированного на удовлетворение познавательных потребностей человека и общества на основе определённых правил (методов) получения знаний, их верификации и фальсификации, а также принципов организации отношений внутри научного сообщества. Соответствие этим правилам признаётся многими исследователями в качестве принципа демаркации научного знания от «девиантного», т.е. лженаучного. Однако стоит отметить, что некоторые формы паранаучного знания и соответствующих практик сложились ещё до институционального оформления современной науки, произошедшего в новое время: магические практики, астрология, «народная медицина» и т.п. складывались в глубокой древности и сосуществовали как с религиозным, так и с научным знанием, поэтому применительно к ним некорректно ставить вопрос о соответствии институциональным нормам современного научного знания.

¹ Александров Е.Б. Ответы на вопросы на вопросы граждан о лженауке // В защиту науки, 2011, №8. С. 24-35.

² Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.

Кроме того, можно согласиться с А.Г. Сергеевым, что лженаука не является исследовательской деятельностью в современном понимании, поэтому вообще нет смысла рассматривать её методы и принципы организации. ¹ Принципиально важны не методы познания, не содержание представляемых гипотез или результатов, а то, *каким образом они подаются*: «идея, поданная как смелая гипотеза и снабженная необходимыми оговорками, будет вполне научной, но окажется псевдонаучной, если преподносится как твердо установленный факт, требующий немедленного реагирования». Например, историко-лингвистические «изыскания» в программе юмористического концерта выглядят как забавная шутка, но если их попытаться представить в качестве «научного открытия», которое не желает признать косная «официальная наука», это будет уже необоснованное лженаучное утверждение, вводящее в заблуждение массовую аудиторию.

В связи с этим можно согласиться с А.Г. Сергеевым и в том, что необходим социологический взгляд на демаркацию науки и лженауки, состоящий *признании тех или иных гипотез и результатов научным сообществом* в качестве наиболее значимого критерия. ¹ При таком подходе те научные знания, которые были уточнены или даже опровергнуты в ходе развития той или иной дисциплины, но соответствовали представлениям своего времени, а также неподтверждённые гипотезы, без которых не возможно развитие науки, не окажутся маркированными как лженаучные.

Представляется, что наиболее взвешенный взгляд на демаркацию научного и лженаучного (паранаучного, псевдонаучного) знания представляет академик РАН В.С. Стёпин. ² Он справедливо указывает на сосуществование в любом, в том числе и в современном, обществе различных форм знания: наряду с институционализированным научным знанием, существуют религиозное знание о духовном и нравственном мироустроении, тоже институциональное и тоже представляющее своеобразную рационализацию картины мира; повседневное знание, основанное на опыте совместной жизни людей, порождаемое их intersубъективными взаимодействиями; идеологическое; мифологическое; художественное постижение мира, и т.д. Все эти формы знания выражают разные аспекты человеческого опыта, равно необходимого для поддержания социальной жизни, поэтому не обязательно противоречат друг другу, хотя, например, в Европе в Средние века Церковь боролась с зарождающейся наукой как с альтернативной системой представлений о мире, а современные учёные склонны критически относиться к религиозному знанию, даже рассматривать возрождение религии в постсоветской России в качестве одной из причин активизации лженаучных представлений.

При демаркации науки и лженауки важно различать, с одной стороны, неоправданные претензии на научность, с другой — иные формы знания, значимые в своей собственной эпистемологической области и не вторгающиеся в сферу институционализированной науки. При таком подходе становится очевидным, что лженаучное знание может противоречить в равной степени как науке, так и, например, религиозной картине мира. Так происходит с эзотерическим и теософским знанием, где магия и оккультизм выступают в сциентизированном виде, апеллируя к «энергетическим полям» и «потокам», и т.п. При этом псевдонаучная картина мира эзотериков предполагает рассмотрение духовной жизни как проявления материальной (энергетической) природы, вступая, таким образом, в противоречие с религиозной формой знания, отрицая специфику духовных потребностей людей и духовных форм постижения реальности. ³

Широкое распространение в современной России, да и во всём мире, мистицизма в разных формах, а также магических практик, актуализирует

1 Сергеев А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле // В защиту науки, 2015, № 16. С. 49-68.

2 Сергеев А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле // В защиту науки, 2015, № 16. С. 49-68.

3 Стёпин В.С. Наука и лженаука // Науковедение, 2001, № 1. / [Электронный ресурс] <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/SCIOLOG/STEPIN1.HTM> (от 04.01.17)

архаичные, иррациональные, донаучные формы знания о мире, основывающиеся на древней мифологии. Для объяснения его причин надо обращаться к анализу состояния культуры и сознания в современных обществах, становящихся всё более сложными и востребующих усложнение социальных практик. К признакам сложности социума С.А. Кравченко относит возрастание значения самоорганизации и рефлексивности социальных акторов и структур; возрастание скорости, нелинейности и альтернативности социальных изменений; виртуализацию социальной реальности; плюрализацию рациональности; временной диссинхронизации как сосуществование различных по темпам развития структур, нередко относящихся к различным темпомирам.¹

К проявлениям такого диссинхронизации как раз можно отнести широкий интерес к архаичным формам знания в современном обществе. Ориентированная на профессиональную специализацию наука не всегда может дать людям понятные и надёжные ориентиры в быстро меняющейся реальности. От необходимости постоянного отслеживания и анализа быстро меняющейся реальности, освоения новых способов действий, некоторая часть людей уходит к простым объяснениям сложных процессов сверхъестественными, мистическими причинами. Поэтому газеты пестрят рекламой оккультных услуг разного рода, ни один утренний телеканал не обходится без гороскопа на текущий день, даже политики, как известно, обращаются не только к экспертам, но и к астрологам и гадалкам.[□]

В то же время, возврат к глубоко архаичным верованиям и оккультным практикам является обратной стороной развития рационального знания, науки и технологий, то есть усложнения картины мира и увеличения возможностей человека. Всемирно известный специалист в области массовой культуры У. Эко справедливо утверждал, что одной из причин роста интереса к магии в современных обществах является упрощенное понимание сути науки и ее возможностей. Дистанция между простым обывателем и профессиональным учёным настолько велика, что деятельность последнего представляется мгновенным достижением целей, а длительный путь исследований, выдвижения и проверки гипотез, экспериментов, апробации результатов, опускается. Недоступность сложных технологий пониманию рядового потребителя приводит к тому, что логика и механизм получаемых результатов, вся цепочка причин и следствий остается от него скрытой, и желаемая цель воспринимается как последствие простого нажатия кнопки. Но мгновенный переход от цели к результату и есть волшебство, магия: «ученого легко возвышают до статуса мага. Но стоит ученому замешкаться с выдачей проверяемого результата, он будет объявлен шарлатаном, в то время как колдуньи, выдавая результаты непроверяемые, но эффективные, получают приглашения на ток-шоу».[□]

Стоит отметить, что доверие к современной науке, её признание в качестве базовой для современности формы постижения реальности приводит к тому, что под мистические и магические практики нередко подводятся «научообразные» объяснения, использующие сциентизированные понятия энергии, полей, заряженных частиц и т.п., что и заставляет их воспринимать как «лженауку». «Ренессанс» мифологических картин мира и соответствующих им практик — не только следствие роста невежества и клерикализации общества, как это представляют их противники. Ему способствуют развитие современного общества, а также особенности института науки и научного знания.

Таким образом, лженаука как социокультурное явление, противостоящее институционализированному научному знанию, весьма многогранно и сложно. В неё эксперты включают также *имитационную научную деятельность и фальсификацию научных результатов*. К ним относят, в первую очередь, недобросовестную деятельность учёных, по каким-либо причинам уклоняющихся от соблюдения институциональных принципов познавательной деятельности — как методологических, так и этических. Однако такие уклонения могут быть, по мнению экспертов, мотивированы не только стремлением получить экономические преимущества от заинтересованных государственных учреждений и бизнеса, но

¹ Фесенкова Л.В. Сциентизация эзотерики и псевдонаука // Социологические исследования, 2004, № 1. С. 92-98.

и нестабильностью ценностно-нормативных оснований самого института науки, постоянных непредсказуемых изменений, инициатором которых являются не научное сообщество, а чиновники, осуществляющие «менеджмент» науки. Так, исследователи «диссертационных фабрик», т.е. диссертационных советов, которые, преследуя собственные цели, пропускают заведомо некачественные работы, акцентируют корыстные цели членов таких советов¹, но практически игнорируют тот факт, что в условиях постоянных непредсказуемых и нелогичных изменений условий деятельности диссертационных советов они могут «снижать планку» качества научных работ просто из опасения быть закрытыми из-за небольшого количества защит или их отсутствия.

В заключение стоит отметить, что лженауку нередко сравнивают с теневой экономикой и даже с преступностью, которые постоянно воспроизводятся в любом обществе, но с которыми, тем не менее, необходимо бороться [Александров 2011: 34]. Такая параллель представляется не вполне удачной. С преступностью можно сравнивать лишь те проявления лженаучных практик, которые связаны с заведомым умыслом на причинение ущерба, например, случаи откровенного мошенничества и коррупции. Что касается теневой экономики, представляющей собой хозяйственную деятельность с нарушением формальных правил, её регулирующих, и неистребимой по причине невозможности создания абсолютно адекватной системы таких правил, то это сравнение более удачно. Правила научной деятельности, принятые современными институтами науки, как и любые формализованные нормы, тоже не всегда могут оказаться адекватными для инновационных практик. Однако следует иметь в виду, что у теневой экономики, наряду с дисфункциональными для общества последствиями, есть и полезные функции, хорошо описанные современной экономической социологией. А есть ли такие у лженауки? Сама возможность постановки этого вопроса требует внимания к демаркации разных форм знаний.

Библиография

1. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки, 2006, №1. С. 8-16.
2. Александров Е.Б. Ответы на вопросы на вопросы граждан о лженауке // В защиту науки, 2011, №8. С. 24-35.
3. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: ЦСПИМ, 2014. 323 с.
4. Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования, 2014, № 5. С. 37-46.
5. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.
6. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.
7. Кругляков Э.П. Лженаука: кому выгодно? // В защиту науки, 2011, № 8. С. 19-23.
8. Кругляков Э.П. Учёные с большой дороги. М.: Наука, 2001 / [Электронный ресурс] <http://fanread.ru/book/9288602/?page=6>
9. Мигдал А.Б. Отличима ли истина от лжи? // В защиту науки, 2011, № 8. С. 98-107.
10. Меморандум №2 Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН «О лженаучности гомеопатии» / [Электронный ресурс] <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/>
11. Назад, в пещеры, можно вернуться и с карманными компьютерами. Интервью с В.Л. Гинзбургом // В защиту науки, 2006, №1. С. 29-33.
12. Сафонова М., Соколов М. Возможно ли автоматическое распознавание диссертационных фабрик? Формальная социология академической нечестности / [Электронный ресурс]: <http://wiki.dissnet.org/tools/D-Factories.pdf> от 25.01.2017
13. Сергеев А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле // В защиту науки, 2015, № 16. С. 49-68.
14. Стёпин В.С. Наука и лженаука // Науковедение, 2001, № 1. /

¹ Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012, С. 12-48, 93-94.

[Электронный ресурс] <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/SCILOG/STEPIN1.HTM> (от 04.01.17)

15. Фесенкова Л.В. Сциентизация эзотерики и псевдонаука // Социологические исследования, 2004, № 1. С. 92-98.
16. Хазен А.М. О лженауке, ее последствиях и об ошибках в науке // Наука и жизнь. 2002. № 10. / [Электронный ресурс] <http://www.nkj.ru/archive/articles/4895/>
17. Чиков Б.М. Не всё так просто с лженаукой // В защиту науки, 2007, № 2. С. 14-18.
18. Эйдельман Е.Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации // Здравый смысл. 2004. № 4 (33). / [Электронный ресурс] <http://razum.ru/humanism/journal/33/eidelman.htm>
19. Эко У. Наука, технология и магия [Наука, tehnologija i magija] // У. Эко. Полный назад! М.: Астрель, 2012. С. 197-214.
20. Юревич А.В. Экономика эзотерических знаний [Ekonomika ezotericheskikh znaniij] // В защиту науки, 2011, №8. С. 90-97.

References

1. Alexandrov E.B. Problems of the expansion of pseudoscience [Problemy ekspansii izhenauki] // In Defense of Science, 2006, №1. Pp. 8-16.
2. Alexandrov E.B. Answers to questions on citizens' questions about pseudoscience [Otvety na voprosy na voprosy grazhdan o lzhenauke] // In Defense of Science, 2011, №8. Pp. 24-35.
3. Dmitriev AV, Sychev AA Scandal. Sociophilosophical essays. [Skandal. Sotsioloofosofskie ocherki.] Moscow: TsSPIIM, 2014. 323 p.
4. Zarubina N.N. Simplified social practices as a way of adaptation to a complex society [Uproschennye sotsial'nye praktiki kak sposob adaptatsii k slozhnomu sotsiumu] // Sociological research, 2014, No. 5. P. 37-46.
5. Kravchenko S.A. Sociological knowledge through the prism of "arrows of time." [Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni».] Moscow: MGIMO-University, 2015. 342 p.
6. Kravchenko S.A. The formation of a complex society: to the rationale of the humanistic theory of complexity. [Stanovlenie slozhnogo obschestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoy teorii slozhnosti.] Moscow: MGIMO-University, 2012.
7. Kruglyakov E.P. Pseudoscience: who benefits? [Lzhenauka: komu vygodno?] // In Defense of Science, 2011, No. 8. P. 19-23.
8. Kruglyakov E.P. Scientists from the big road. [Uchjonye s bol'shoj dorogi.] M.: Nauka, 2001 / [Electronic resource] <http://fanread.ru/book/9288602/?page=6>
9. Migdal AB Is truth different from lying? [Otlichima li istina ot lzhi?] // In Defense of Science, 2011, No. 8. P. 98-107.
10. Memorandum No. 2 of the Commission for Combating Pseudoscience and Falsification of Scientific Research under the Presidium of the RAS "On the Pseudoscientificity of Homeopathy" [O lzhenauchnosti gomeopatii] / [Electronic resource] <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/>
11. Back to the caves, you can return and with handheld computers. [Nazad, v peschery, možhno vernut'sja i s karmannymi komp'juterami.] Interview with V.L. Ginzburg / In Defense of Science, 2006, No. 1. Pp. 29-33.
12. Safonova M., Sokolov M. Is automatic recognition of dissertational factories possible? Formal sociology of academic dishonesty [Vozmozhno li avtomaticheskoe raspoznanie dissertatsionnyh fabrik? Formal'naja sotsiologija akademicheskoy nechestnosti] / [Electronic resource]: <http://wiki.dissnet.org/tools/D-Factories.pdf> of 01/25/2017
13. Sergeev A.G. The problem of practical demarcation of science and pseudoscience on the Russian scientific field [Problema prakticheskoy demarkatsii nauki i lzhenauki na rossijskom nauchnom pole] // In Defense of Science, 2015, No. 16. pp. 49-68.
14. Styopin V.S. Science and pseudoscience [Nauka i lzhenauka] // Science, 2001, No. 1. / [Electronic resource] <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/SCILOG/STEPIN1.HTM> (from 04.01.17)
15. Fesenkova L.V. Scientisation of esotericism and pseudoscience [Stsientizatsija ezoteriki i psevdonauka] // Sociological research, 2004, No. 1. P. 92-98.
16. Khazen AM About pseudoscience, its consequences and mistakes in science [O lzhenauke, ee posledstvijah i ob oshibkah v nauke] // Science and Life. 2002. № 10. / [Electronic resource] <http://www.nkj.ru/archive/articles/4895/>
17. Chikov, B.M. It's not so simple with pseudoscience [Ne vsjo tak prsto s lzhenaukoj] // In Defense of Science, 2007, No. 2. С. 14-18.
18. Eidelman E.D. Scientists and pseudo-scientists: demarcation criteria [Uchenye

- i psevdouchenye: kriterii demarkatsii // Common sense. 2004. № 4 (33). / [Electronic resource] <http://razumru.ru/humanism/journal/33/eidelman.htm>
19. Eko U. Science, technology and magic // U. Eco Full back! M. : Astrel, 2012. C. 197-214.
20. Yurevich A.V. Economics of esoteric knowledge // In Defense of Science, 2011, №8. Pp. 90-97.

ГОРБУНОВ

Александр Александрович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии» Российского университета транспорта (МИИТ), info@журналпоиск.рф, (495) 684-21-28.

GORBUNOV

Alexander Aleksandrovich - Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies of the Russian University of Transport (MIIT), info@jurnalpost.rf, (495) 684-21-28.

Особенности государственной транспортной политики в современных условиях и ее приоритетные направления в сфере развития железных дорог / Features of the state transport policy in modern conditions

and it's priorities in the field of railway development

Аннотация

В статье на основе комплексного компаративно-ретроспективного анализа отечественного и зарубежного опыта, с одной стороны, научного осмысления, с другой стороны, общественно-политических дискуссий, посвященных проблематике развития транспортной сферы в целом и отдельных видов транспорта, прежде всего железнодорожного, в частности, рассматриваются текущее состояние и возможные перспективы формирования и реализации государственной транспортной политики как комплексного направления деятельности современного государства. Особое внимание уделено политическим институтам, механизмам и технологиям, так или иначе используемым государством в ходе реализации общенациональных и региональных стратегий в транспортной сфере. Делается вывод о значимости данного направления государственной политики для подавляющего большинства развитых стран, прежде всего для современной России.

Ключевые слова

Государственная транспортная политика, государственное регулирование развития транспорта, политические институты и механизмы, Россия, железные дороги.

Abstract

In the article on the basis of complex comparative retrospective analysis of domestic and foreign experience, on the one hand, scientific understanding, on the other hand, social and political discussions devoted to the problems of development of transport sphere in general and certain types of transport, first of all railway, in particular, the current state and possible prospects of formation and implementation of the state transport policy as a complex activity of the modern state are considered. Particular attention is paid to the political institutions, mechanisms and technologies, one way or another used by the state in the implementation of national and regional strategies in the transport sector. The author concludes that this direction of state policy is important for the vast majority of developed countries, primarily for modern Russia.

Keywords:

state transport policy, state regulation of transport development, political institutions and mechanisms, Russia, railways.

Транспортные коммуникации на протяжении всего развития человечества

были и продолжают оставаться важнейшим фактором прогресса общества и государства, а также значимым политическим ресурсом. Транспорт обладает в рамках конкретного политического пространства в отдельно взятый период политического времени определенной политической ресурсоемкостью, которую он потенциально, с одной стороны, может увеличивать в других пространствах и времени, а с другой стороны, становится фактором как формирования новых политических ресурсов, так и увеличения емкости уже существующих. Напротив, теряя свою ресурсоемкость в условиях конкретных пространств и времени, транспортные коммуникации делают неактуальным задействование новых ресурсов и снижают эффективность использования тех, которые наличествуют в тот или иной момент.

Развитие транспортных коммуникаций выступает неотъемлемой частью внутри- и внешнеполитического курса государства, без которой прогресс в подавляющем большинстве сфер жизни национального сообщества не представляется возможным. Транспортные коммуникации являются факторами текущего и перспективного развития, с одной стороны, обеспечивая освоение имеющихся у государства пространств как экстенсивным, так и интенсивным путем, с другой стороны, становясь предпосылкой для осуществления модернизации и перехода страны к инновационному типу экономики, к занятию ею достойного места в международной системе разделения труда. При этом для каждого конкретного случая, будь то политика внутри страны или на международной арене, государство использует различные аспекты транспортно-коммуникационного фактора, позитивно задействует его актуальные и потенциальные преимущества.

Государственная политика развития транспортных коммуникаций представляет собой общегосударственную систему мер и действий, направленную на реализацию жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах, оптимальное и эффективное функционирование которых в настоящий момент и в долгосрочной перспективе так или иначе связано с перемещением людей и грузов внутри национального пространства и за его пределами. Политика развития транспортных коммуникаций реализуется за счет политических, экономических, дипломатических, информационных, культурных и иных форм. При этом сам транспортные коммуникации могут выступать как объектом политики, поддерживаемым формирующему, организующему, руководящему, управляющему и т.д. воздействию со стороны государства, так и ее субъектом, осознающим свои интересы и предпринимающим институционализированные и неинституционализированные усилия по их реализации.

Эффективность политики развития транспортных коммуникаций на современном этапе обуславливается оптимальным сочетанием, с одной стороны, форм приоритетного государственного контроля в стратегически важных для интересов общества и государства областях (перевозка особо опасных грузов, грузов военного значения, в условиях военного времени и чрезвычайных ситуаций и т.д.) и предпринимательской активности хозяйствующих субъектов различных форм собственности в иных областях, с другой стороны, государственного регулирования приоритетных параметров функционирования и развития (тарифная политика в отношении малообеспеченных и иных льготных категорий граждан, труднодоступных и вновь осваиваемых территорий, строительство новых транспортных магистралей и объектов транспортной инфраструктуры) и поощрения широкой инициативы гражданских структур в центре и на местах, отдельных предприятий и индивидов¹.

Одним из универсальных элементов политики развития железнодорожных транспортных коммуникаций, характерных для северо-американской, западно-европейской и азиатской моделей, является разделение контроля за осуществляемыми железными дорогами функциями: с одной стороны, социальными, политическими, коммуникационными и т.д., находящимися в ведении государства в лице его профильных учреждений и структур; с другой

1 Подробно см.: Горбунов А.А. Политика развития транспортных коммуникаций в России и за рубежом. Монография. М.: Горбунов А.А., 2015.

стороны, эксплуатационными и коммерческими, относящимися к компетенции соответствующего хозяйствующего субъекта – железнодорожной корпорации. До тех пор, пока этого не сделано, конкуренция железных дорог с другими видами транспорта не реальна, т.к., будучи исключительно государственными, железные дороги несут расходы, обусловленные выполнением широкого спектра внутри- и внешнеполитических задач, которые ограничивают их конкурентоспособность на национальном рынке транспортных услуг. Кроме того, отсутствие диверсифицированного контроля над выполняемыми функциями делает невозможной конкуренцию и внутри самого железнодорожного транспорта.

Существенным элементом политики развития железнодорожных транспортных коммуникаций, характерным для рассматриваемых моделей, является дифференциация управления по видам перевозок. Железные дороги обслуживают, по меньшей мере, несколько различных сегментов рынка (перевозка грузов и пассажиров в пригородных/региональных и междугородных сообщениях), которые имеют настолько разные общественно-политическое значение, характеристики спроса, аспекты конкуренции, регулирования и субсидирования, что единые методы менеджмента не пригодны для получения оптимальных результатов. При общей для всех моделей политики развития железнодорожного транспорта ориентации на принцип управления по видам перевозок имеют место некоторые страновые различия.

Страновые различия политики развития железнодорожного транспорта наблюдаются также при разделении функций эксплуатации и управления инфраструктурой, которое осуществляется в рамках трех основных подходов: интегрированная система, собственник/пользователь, разделение функций. Каждый из подходов оптимален в конкретных обстоятельствах. В частности, отсутствуют аргументы против эксплуатации железных дорог, перевозящих единственный вид груза, как интегрированной системы. Второй подход уместен, когда каждый пользователь задействует лишь ту или иную часть пропускной способности линии. При наличии большого числа практически равнозначных претендентов на пропускную способность линии, и/или когда необходимо создание условий для конкуренции в рамках одной линии, оптимальной является нейтральная форма. Доводы в пользу выделения инфраструктуры усиливаются, когда правительство готово субсидировать только несколько из многих операторов или когда поддержка государством транспортной инфраструктуры нейтрально ориентирована на всех пользователей¹.

Для всех моделей политики развития железнодорожных транспортных коммуникаций характерно привлечение частного сектора, который способен выполнять проекты по строительству новых железных дорог с последующей их эксплуатацией. Привлечение частного сектора имеет особый смысл, когда существующая железная дорога неэффективна, высокочрезмерно затратна, не реагирует на рыночные факторы (обычно имеют место все три фактора). Также ожидаются выгоды, когда очевидно необходимость выделения коммерчески эффективных видов деятельности или когда, по крайней мере, некоторые службы железной дороги вынуждено конкурируют с другими видами транспорта. Если же действующая под государственным началом и надлежащим управлением железная дорога эффективно конкурирует с другими секторами рынка транспортных услуг, то выгоды привлечения частного капитала становятся менее очевидными, а результат может быть неопределенным, особенно если опыт правительства или возможности частного сектора в плане взятия на себя рисков или инвестиционной деятельности ограничены. Концессионирование и приватизация могут не дать ожидаемых результатов также при понесенных значительных предварительных расходах при неправильно оцененных предпосылках.

Система транспортных коммуникаций в России формировалась в крайне неблагоприятных исторических условиях, наиболее существенными из которых стали значительные размеры территории при одновременной ее

¹ Подробно см.: *Westwood J. The Historical Atlas of World Railways. Ontario, Cartographica Press book, 2009.*

труднодоступности и удаленность от основных мировых путей сообщения. Тем самым появление и развитие железнодорожного транспорта в России явилось важнейшим событием в истории страны, имевшим внутри- и внешнеполитические последствия для ее настоящего и будущего. Благодаря системе железных дорог в России решались такие внутривнутриполитические задачи, как развитие национальной экономики и внутреннего рынка, освоение новых регионов, обеспечение мобильности населения в различных частях страны, стимулирование социальных перемен. Развитие железных дорог способствовало активизации экспортных и импортных грузопотоков, более широкому вовлечению страны в международные экономические и политические отношения, а также усилению внешнеполитического и военного присутствия России на ряде геостратегических направлений.

В дореволюционный и советский периоды отечественной истории политика развития железнодорожных транспортных коммуникаций являлась исключительной прерогативой государства. Как показал опыт осуществления такой политики, ее позитивные моменты были связаны, прежде всего, с возможностью концентрации ресурсов для форсирования темпов строительства железных дорог и создания соответствующей инфраструктуры. Наиболее яркими примерами проведения в жизнь подобного политического курса стали строительство Великого Сибирского пути в 1891-1916 гг., электрификация железных дорог в 1920-е – 1930-е гг., быстрое восстановление и развитие путей сообщения в послевоенный период. Вместе с тем, имели место издержки сосредоточения политики развития железнодорожных транспортных коммуникаций исключительно у государства, наиболее существенные из которых были связаны со значительной долей субъективных факторов при принятии важнейших политических решений, их ориентацией на реализацию краткосрочных задач в ущерб стратегическому целеполаганию. Как следствие, данный политический курс обусловил догоняюще-мобилизационное, а не инновационно-эволюционное развитие железнодорожных транспортных коммуникаций.

Характерной чертой отечественного опыта государственной политики в сфере железнодорожного транспорта долгое время являлось неравномерное обеспечение территории страны железнодорожными транспортными коммуникациями. Помимо центральной части России, наиболее обеспеченными железнодорожными сетями оказывались отдаленные уголки страны, которыми были в дореволюционное время национальные окраины, а в советский период – национальные республики. Это неизбежно вело к тому, что позитивные перемены в жизни общества, связанные с динамичным развитием железнодорожного транспорта, носили фрагментарный характер и нередко имели ограниченный в рамках отдельных регионов эффект. Кроме того, распад сначала Российской империи, а затем Советского Союза, в обоих случаях сопровождавшийся отторжением значительной части территорий и серьезными трансформациями качественных характеристик оставшегося у государства пространства, ставит во главу угла целесообразность политики приоритетного транспортно-коммуникационного обустройства тех территорий, которые в дальнейшем могут оказаться весьма уязвимыми в геополитическом и военном отношении.

Глобализация экономики и сопровождающие ее процессы развития внешнеторгового обмена объективно ведут к усилению роли существующих и формированию новых каналов транспортных коммуникаций общепланетарного уровня, важнейшими из которых становятся международные транспортные коридоры. Тем самым, наряду с усилением взаимозависимости социально-экономической, внутри- и внешнеполитической, информационной, культурной и т.д. сфер жизни отдельных национальных сообществ, происходит взаимопроникновение и переплетение важнейших транспортно-коммуникационных артерий. Анализ современных тенденций показывает, что в случае, если по территории того или иного национального государства проходят встроенные в глобальную транспортно-коммуникационную систему коридоры и пути сообщения, то оно, даже не обладая значительной экономической мощью и геополитическим влиянием, становится способным получать соответствующие внутри- и внешнеполитические

преимущества. Напротив, если государство, в силу обстоятельств естественно-географического, исторического, геостратегического и т.п. свойств, оказывается в стороне от ведущих международных транспортных артерий и потоков, оно неизбежно будет играть роль аутсайдера в глобализационных процессах, не сможет занять лидирующие позиции в международной системе разделения труда, а, тем самым, в конечном счете, утратит способность отстаивать свои жизненно важные интересы на глобальном уровне.

Для современной России, занимающей более 30% территории Евразии и являющейся естественным мостом, который обеспечивает транзитные связи между различными континентами, активное участие в формировании и функционировании глобальной системы транспортных коммуникаций, включая существующие и вновь создаваемые международные транспортные коридоры, становится одним из важнейших приоритетов внутренней и внешней политики¹. Полноценная реализация геостратегического потенциала России как крупнейшей транзитной державы является стимулом для развития национального хозяйства в общегосударственном и региональном измерениях, способ освоения перспективных территорий страны и включения в социально-экономическую деятельность новых субъектов, в том числе предпринимательских структур и институтов гражданского общества, механизм привлечения внутренних и зарубежных инвестиций. Одновременно это создаст условия для кардинального изменения роли страны в международном разделении труда, для постепенного превращения России из преимущественно экспортера энергоресурсов в конкурентоспособного экспортера высокотехнологичных товаров и транспортных услуг.

В условиях обострения международной конкуренции, в том числе на глобальном рынке транспортных услуг, различными государствами ближнего и дальнего зарубежья инициируется ряд крупных проектов, предусматривающих формирование евро-азиатских транспортных коммуникаций в обход территории Российской Федерации. Реализация такого рода проектов может нанести ущерб внутри- и внешнеполитическим интересам страны, поэтому России необходимо в кратчайшие сроки реализовать комплекс мер симметричного и асимметричного характера если не по приостановке реализации данных проектов, то, по крайней мере, по снижению ущерба от них. Наибольшую эффективность в применении этих мер можно достичь лишь при сочетании технико-технологических мероприятий (повышение пропускной способности сложившихся транспортных артерий путем ликвидации «узких мест», строительство новых элементов единой транспортной системы, модернизация подвижного состава и транспортной инфраструктуры, внедрение передовых технологий перевозок, переход транспортных узлов и пунктов таможенного контроля на более удобные для потребителей, с точки зрения минимизации издержек, способы обслуживания и т.д.) и действий политико-информационного характера (прежде всего, последовательное формирование и продвижение позитивного имиджа отечественного транспорта и транспортной инфраструктуры на международной арене, позиционирование России как надежного и выгодного партнера по оказанию транзитных услуг, прямое и косвенное информирование потенциальных потребителей о возможных издержках иных транспортных коммуникаций и т.п.).

Геополитическое и геозкономическое положение современной России самым непосредственным образом зависит от параметров функционирования и динамики развития железнодорожных транспортных коммуникаций – основного отечественного элемента, представленного в системе формирующихся и уже действующих международных транспортных коридоров. Анализ текущей ситуации показывает, что российские железные дороги в целом обладают не только необходимым опытом для реализации существующих двух- и многосторонних соглашений в сфере международных транспортных коммуникаций, но и инновационным потенциалом для самостоятельного инициирования и

¹ См.: Федякин А.В. Эволюция приоритетов государственной транспортной политики России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994-2015 гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 1. С. 70-86.

осуществления масштабных проектов в области транспортно-коммуникационных услуг. Тем самым отечественный железнодорожный транспорт, в прямом и переносном смысле, становится локомотивом эффективной и равноправной интеграции России в систему международных хозяйственных связей, предпосылкой повышения конкурентоспособности страны, источником роста ее экономической мощи и геополитического влияния. Участие российских железных дорог в реализации транспортно-экономических проектов внутри- и трансконтинентального уровня при прочих равных условиях может не только способствовать изменению баланса сил в том или ином регионе земного шара, но и иметь позитивный для нашей страны резонанс на глобальном уровне.

Библиография

1. Горбунов А.А. Политика развития транспортных коммуникаций в России и за рубежом. Монография. М.: Горбунов А.А., 2015.
2. Федякин А.В. Эволюция приоритетов государственной транспортной политики России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994-2015 гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 1. С. 70-86.
3. Westwood J. The Historical Atlas of World Railways. Ontario, Cartographica Press book, 2009.

References

1. Gorbunov A.A. Policy of development of transport communications in Russia and abroad. [Politika razvitija transportnykh kommunikacij v Rossii i za rubezhom] Monograph. – M.: Gorbunov A.A., 2015.
2. Fedyakin A.V. Evolution of priorities of state transport policy of Russia in Addresses of the President of the Russian Federation 1994-2014 [Evolucija prioritetov gosudarstvennoj transportnoj politiki Rossii v poslanijakh Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju 1994-2015 gg.] // SEARCH: Policy. Social science. Art. Sociology, Culture. 2016. No 1. P. 70-86.
3. Westwood J. The Historical Atlas of World Railways. Ontario, Cartographica Press book, 2009.

*Гончаров
Петр Константинович
доктор социологических
наук, профессор, профессор
кафедры «Общественные
науки и профессиональная
коммуникация» Юридического
института Российского
университета транспорта
(МИИТ).
pkgoncharov@mail.ru,
(916) 392-69-99*

*Goncharov
Petr Konstantinovich
doctor of political sciences, professor,
professor of department of
«Social sciences and professional
communication» of Juridical Institute
of Russian University
of Transport (MIIT).
pkgoncharov@mail.ru,
(916) 392-69-99*

Политическая партия как представитель гражданского общества и институт политической системы/ Political Party as a Representative of Civil Society and the Institute of Political System

Аннотация

Статья посвящена анализу двойной роли политических партий как представителя достаточно зрелого гражданского общества и одновременно важнейшего политического института. При этом подчеркивается, что в современных условиях не только гражданское общество воздействует на государство посредством партий, но и государство использует их для управления обществом. Основные критериальные признаки современных партий анализируются на примере программных документов и практической деятельности российских политических партий постсоветского периода. Обосновывается необходимость использования дополнительного, правового критерия и дополнительного определения современной партии как легитимной, законно действующей организации. Роль и место партий в политической системе общества проанализировано в контексте структуры и состава их функций.

Ключевые слова

Политическая партия, гражданское общество, политический институт, политическая система общества, политика, функции политических партий.

Abstract

The article analyzes the dual role of political parties as a representative of a sufficiently Mature civil society and at the same time an important political institution. At the same time it is emphasized that in modern conditions not only civil society influences the state through parties, but also the state uses them for management of society. The main criteria features of modern parties are analyzed on the example of program documents and practical activities of Russian political parties of the post-Soviet period. The necessity of using additional legal criterion and additional definition of modern party as legitimate, legally operating organization is substantiated. The role and place of parties in the political system of society is analyzed in the context of the structure and composition of their functions.

Keywords

Political party, civil society, political institution, political system of society, politics, functions of political parties.

Наряду с государством как главным субъектом политики и политическим институтом, осуществляющим всю полноту власти в обществе, особую роль в функционировании и развитии политической системы играют политические партии. Само их возникновение представляет собой один из ключевых моментов

качественного перехода от политической односубъектности и монополии на власть государства к формированию системы политических институтов и политической системы общества в целом.

Политические партии – результат определенного этапа социально-экономического и политического развития. Их генезис неразрывно связан с потребностями достаточно зрелого гражданского общества, основными качественными характеристиками которого выступают экономическая свобода, многообразие форм собственности, рыночные отношения; безусловное признание и защита естественных прав человека и гражданина; легитимность и демократический характер власти; равенство всех перед законом и правосудием, надежная юридическая защищенность личности; свобода мнений, слова и печати, независимость средств массовой информации и т.д.¹

Суть гражданского общества составляет особый, относительно самостоятельный, автономный от государства характер существования охватываемой этим понятием сферы общественной и личной жизни граждан. Ее компонентный состав включает в себя как некую совокупность многообразных общественных, прежде всего неполитических, отношений, так и различные ассоциации, клубы, общественные движения и объединения, участвующие в реализации этих отношений в своей деятельности и представляющие интересы своих членов. Политические партии представляют собой особый вид общественных объединений, социальное назначение которых состоит не только в обеспечении постоянного эффективного взаимодействия гражданского общества и государства, но и непосредственное участие в отправлении государственных функций в интересах общества и его граждан.

Взаимодействие гражданского общества с государством через посредство политических партий в современных условиях представляет собой двусторонний процесс. Теперь не только гражданское общество при помощи партий воздействует на государство, но и последнее (особенно при авторитарных и тоталитарных политических режимах) использует политические партии в качестве рычага управления обществом. Не случайно в Послании В.В. Путина Федеральному Собранию 2003 года прямо сказано: «Парламентские партии являются частью государственно-политической машины и одновременно с этим частью гражданского общества... наиболее влиятельной его частью, а значит, и наиболее ответственной»².

Возрастающая роль политических партий в жизни общества требует постоянного научного осмысления данного института, порождает большой поток исследовательской литературы. Новый импульс партологические исследования получили под воздействием третьей волны демократизации, составной частью которой стало становление (или возрождение) демократических партийных систем во многих странах мира, в том числе России. При этом бурные изменения в условиях существования современного общества существенным образом трансформируют как сами партии, так и их деятельность.

В условиях глубоких изменений и растущего многообразия института политических партий, размытия традиционных представлений о нем по-прежнему актуален вопрос о его сущности и родовых признаках, а в конечном счете – об универсальном научном определении данного понятия. Преобладающая часть научных определений базируется на наиболее характерных признаках, присущих большинству политических субъектов, признаваемых в качестве политических партий. Существует большая группа определений, акцентирующих внимание на каком-либо одном, главном, с точки зрения соответствующего подхода признаке. Обычно в качестве примера приводится *марксистский, классовый подход* к пониманию партии. При этом следует отметить определенные отличия даже в позициях его главных представителей. Так, в концепции основоположников

1 См.: Матузов Н.И. Гражданское общество и правовое государство // Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2002. С. 109.

2 Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 года // Российская газета. 2003. 17 мая. С. 4.

марксизма партия была очередной стадией развития рабочего класса как целостности, формой его общественно-политического существования¹. В.И. Ленин же видел в партии организацию, представляющую собой только наиболее сознательную и активную часть пролетариат, его «передовой отряд»².

Содержательная сторона этого признака за прошедшие сто с лишним лет, безусловно, резко изменилась. Сейчас нет крупных влиятельных партий, которые позиционировали бы себя в качестве представителей интересов только одного конкретного класса или социального слоя. Представляющие себя таковыми, например, РКРП (Российская коммунистическая рабочая партия) или целый ряд «крестьянских партий», создававшихся в России в 1990-е годы, не смогли получить ощутимой поддержки даже у «своего» класса и показали полную бесперспективность создания в современной России классовых партий. Тем не менее анализ партийных документов, социального состава электората, законодательной деятельности всех более или менее известных российских партий не оставляет никаких сомнений в их социально-классовых ориентациях. Так, например, в программе партии «Яблоко» вообще отсутствовали какие-либо упоминания о проблемах российского села. Программные установки и вся деятельность СПС (Союза правых сил) не давали никаких оснований считать его партией лиц наемного труда.

В социально неоднородном обществе, тем более имеющем такое резкое имущественное расслоение, как современное российское, никакая политическая партия не может реально одновременно представлять интересы самых разных общественных слоев. Таким образом, социальная составляющая в деятельности современных партий как ориентация на обеспечение интересов лиц с определенным социальным положением и уровнем жизни, профессией, уровнем образования и т.д. – отнюдь не политический реликт. Это одно из проявлений ее сущности и поэтому должно находить свое отражение в определениях категории «политическая партия».

Второй подход к определению политических партий – *идеологический* или *доктринальный* – выдвигает на основное место такой признак большинства политических партий, как приверженность определенной системе идеологических, мировоззренческих принципов и ценностей. В качестве примера можно привести весьма категоричное мнение Р. Михельса: «Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа»³. Г. А. Белов тоже отмечает: «Партии различаются между собой кругом идей, который объединяет их членов, и большинство политических вопросов партии относится к их доктринам...»⁴. Многие авторы используют идеологический признак наряду с другими: «Партии – это стабильные иерархические организации, состоящие из обладающих одинаковыми политическими убеждениями лиц, которые совместно работают над достижением своих целей, имеющих идеальный (модель общества) или материальный (разного рода личные выгоды) характер»⁵.

В то же время некоторые, преимущественно западные, исследователи вообще не включают приверженность какой-либо идеологии в число обязательных характеристик политических партий. Думается, что для этого нет достаточных оснований. Снижение уровня идеологической конфронтации в мире, уход с политической арены многих западных стран влиятельных коммунистических партий не устранили вполне уловимых мировоззренческих различий между политическими партиями левоцентристского и правоцентристского толка, не говоря уже о партиях, занимающих позиции на флангах политического спектра. Что касается современных российских партий, то, во-первых, в соответствии со ст.

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 173.

2 Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 245.

3 Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. Т. II. М., 1997. С. 190.

4 Белов Г.А. Политология. М., 1997. С. 175.

5 Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992. С. 70.

16 и ст. 17 Федерального закона «О политических партиях» при государственной регистрации они должны представлять в Министерство юстиции РФ свою программу. Во-вторых, в программах всех известных партий, даже тех, которые зачастую обвиняются в отсутствии внятной идеологии, например «Единой России», вполне отчетливо зафиксированы их позиции по основным вопросам социально-экономического и политического устройства российского общества.

Третий подход к определению понятия политической партии объединяет ряд признаков, позволяющих квалифицировать его в целом как *структурно-функциональный* или *организационный*. Очень четко основания этого подхода сформулированы М. Дюверже, считающим, что «в природе организации современных политических партий их сущность раскрывается куда более полно, нежели в их программах или классовом составе: партия есть общность на базе определенной специфической структуры»¹. В настоящее время действительно все крупные, влиятельные партии представляют собой устойчивые, сложившиеся, действующие в течение длительного времени сложноструктурированные организации с разветвленной системой центральных органов и местных организаций, с определенными их уставами условиями членства и порядком внутривнутрипартийных отношений.

И наконец, *четвертый*, обязательный и самый главный признак политической партии, фигурирующий практически во всех определениях, отражает главную цель всех партий – завоевание и использование государственной власти (или влияние на государственную власть). Поскольку последняя, как уже отмечалось, составляет ядро понятия «политика», этот признак можно назвать *политическим*. Как справедливо отмечает Л.В. Сморгун, «партия по преимуществу является политическим образованием. Трудно назвать другую организацию, которая была бы сравнима по политической значимости с партией. Даже современное государство является скорее административным, а не политическим и приобретает последнее качество лишь в связи с партийной системой»².

Все рассмотренные основные признаки политических партий можно использовать в качестве своеобразной матрицы, позволяющей идентифицировать организации, действующие в сфере политических отношений. Анализ показывает, что большинство российских организаций, объявляющих себя или даже считающихся политическими партиями, далеко не обладают всей совокупностью необходимых признаков. Так, одни из них бесследно исчезают после очередных думских выборов, другие – фактически не имеют региональных и местных организаций, третьи – объявляют своей идеологией какую-либо форму организации досуга или употребление какого-либо напитка, четвертые – даже не претендуют на активную роль в политике, их единственная «политическая» цель – оттянуть на выборах голоса оппозиции и т. д. Соответственно такие организации являются не партиями, а их *имитацией*.

Исходя из важности всех рассмотренных признаков современных политических партий, а также с учетом апробированных определений других авторов можно сформулировать следующее гносеологическое определение данного политического института. *Политическая партия – это устойчивый, стабильный, иерархически организованный союз наиболее политически активных граждан, представляющий интересы определенных социальных слоев общества и стремящийся к завоеванию и использованию государственной власти (использующий государственную власть) в соответствии с собственной программой, отражающей определенную систему ценностей и представлений о целесообразном социально-экономическом и политическом устройстве.*

К этому следует добавить, что в современном обществе, в котором общественная и политическая жизнь отличается высокой степенью правовой регламентации, очень важен еще один, практически не упоминаемый в научной литературе критерий политической партии – *правовой*. Согласно ему организация, претендующая на статус политической партии, должна отвечать требованиям, предъявляемым к такого рода организациям законодательством соответствующей

1 Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 18.

2 Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 307.

страны, а также иметь государственную регистрацию в этом качестве. В противном случае она не сможет легально действовать в роли политической партии и выполнять в полном объеме все подобающие ей функции. Таким образом, имеются достаточные основания для выдвижения еще одного, дополнительного определения: политическая партия в демократическом обществе – это организация легитимная, то есть отвечающая законодательным требованиям, имеющая государственную регистрацию, соответствующие полномочия и возможности для реализации своего статуса.

Актуальный для настоящего исследования вопрос о месте и роли политических партий в политической системе, в управлении социальной системой общества наиболее продуктивно решать в контексте выявления состава и структуры их функций. В результате анализа различных точек зрения на функциональное назначение партий¹, а также в соответствии с выработанной схемой функционирования политической системы в целом функции партий можно подразделить на три большие группы.

Первая группа – *входные (вводные) функции* – основные направления деятельности партий по получению информации и извлечению различного рода ресурсов, прежде всего кадровых и интеллектуальных, из окружающей среды (из своей социальной системы). К ним относятся *артикуляция (выявление) интересов* различных классов и социальных слоев и групп общества; *политическое рекрутирование* – выявление и отбор кандидатов на различные политические должности в органах власти и в самой партии, участие в формировании политической элиты и политических лидеров; *вовлечение* в ряды своей партии.

Вторая группа – *внутрисистемные функции* – основные направления деятельности партий по а) анализу и переработке информации и использованию ресурсов, полученных из социальной системы; б) выработке, принятию и реализации решений, обеспечивающих адаптацию, функционирование и развитие политической системы; в) выработке решений, обеспечивающих функционирование и развитие социальной системы общества. К этим функциям относятся: *агрегация интересов* как обобщение, согласование и формулирование интересов различных классов, социальных слоев и групп общества в программах, требованиях, лозунгах и т. д.; *политическое представительство интересов* классов, социальных слоев и групп (основополагающая функция) – доведение их до властных структур и их учет при принятии управленческих решений (законов, постановлений органов власти, правительственных программ и т. п.); разработка и осуществление идеологических доктрин и концепций, политических программ, стратегий общественного развития, стратегий прихода к власти и т. д.; выработка правительственной политики, конкретных программ социально-экономического и культурного развития; участие в разработке и принятии законов; содействие (или противодействие) правительству; формирование состава правительства и государственного аппарата; межпартийная борьба (межпартийное взаимодействие) в правительстве, в парламенте, в период выборных кампаний. Вполне очевидно, что количество, содержание и объем этих функций в деятельности конкретных партий решающим образом зависит от их статуса в политической системе в качестве либо правящей, либо парламентской, либо внепарламентской политической партии.

Третья группа – *выводные функции* – основные направления деятельности партий по реализации принятых решений, обеспечивающих функционирование и развитие социальной системы, по осуществлению всех форм их воздействия на общество. К ним относятся: применение и внедрение принятых решений (законов и т. д.) и участие в реализации правительственного курса в целом (функции правящих партий); контроль за исполнением принятых решений (законов и т. д.), деятельностью органов власти и должностных лиц по осуществлению властных полномочий; мобилизация, организация масс для решения общественных задач;

¹ См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Ч. 3. Политические организации. М., 1991. С. 7-15; Белов Г.А. Политология. С. 174-175; Пушкарева Г.В. Политология: Краткий курс лекций. М., 2002. С. 137-139; Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. С. 217.

формирование общественного мнения, пропаганда своих программ; политическая социализация и политическое воспитание граждан (или их определенной части) – внесение определенных политических ценностей в массовое сознание, вовлечение граждан в активную политическую деятельность, передача политического опыта молодежи; политическая интеграция – сплочение, консолидация поддерживающих партию сил; проведение избирательных кампаний – борьба за завоевание (сохранение) государственной власти.

Данный перечень отражает реальную картину функционирования политических партий в современном демократическом обществе, определяет их роль и место в политической системе, обеспечивает сохранение качественной определенности партии как важнейшего негосударственного политического института. Сопоставление рассмотренных функций политических партий с процессом функционирования политической системы показывает, что на всех его этапах и уровнях, на «входе», на «выходе» и «внутри» политической системы, политические партии наряду с государством, совместно с государством, а иногда и более активно, чем государство, участвуют в управлении социальной системой общества.

Особенно велика роль политических партий в политических системах, находящихся на этапе политического транзита. Поэтому можно утверждать, что создание полноценных, эффективно действующих партий – важнейшая составная часть процесса формирования и становления демократической политической системы, одна из главных гарантий необратимости продвижения всего общества от тоталитаризма к демократии. Демократические преобразования, затрагивающие лишь органы государственной власти, в силу специфики их деятельности могут так и остаться локальными и недолговечными. Лишь широкое развертывание деятельности политических партий с неизбежным вовлечением в этом случае в активную политическую деятельность больших масс населения и формированием у них демократической политической культуры может служить фундаментом устойчивого демократического развития.

Библиография

1. Белов Г.А. Политология. М., 1997. 304 с.
2. Дюверже М. Политические партии. М., 2000. 558 с.
3. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. Т. II. М., 1997. С. 186-197.
4. Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992. 123 с.
5. Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. 472 с.
6. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. 559 с.

References

1. Belov G. A. Political Science [Politologija]. – M., 1997. 304 p.
2. Duverger M. Political parties [Politicheskije partii]. M., 2000. 558 p.
3. Michels R. Sociology of a political party in conditions of democracy [Sociologija politicheskikh partij v uslovijakh demokratii] // Anthology of world political thought. Vol. II. M., 1997. P. 186-197.
4. Santisteban L. S. The bases of political science [Osnovy politicheskoy nauki]. – M., 1992. 123 p.
5. Smorgunov L. Modern comparative politics [Sovremennaja sravnitel'naja politologija]. – M., 2002. 472 p.
6. Solov'jov A.I. Political Science: Political theory, political technologies [Politologija: Politicheskaja teorija, politicheskije tehnologii]. – M., 2003. 559 p.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

II Международная научно-практическая конференция «Научные исследования и разработки 2017 года». Срок приема материалов завершается 26 декабря 2017 года. Публикации РИНЦ

II Всероссийская научно-практическая конференция «Наука в России: перспективные исследования и разработки». Конференция состоится 28 декабря 2017 года.

I Международная научно-практическая конференция «Проблемы взаимодействия политической и экономической систем современного общества». Окончание срока приема материалов - 29 декабря 2017 года. Публикации РИНЦ

III Международная научно-практическая конференция «Культура. Духовность. Общество. Современность». Окончание срока приема материалов - 28 декабря 2017 года. С изданием сборника материалов.

II Международная научно-практическая конференция «Государственное и муниципальное управление: теория, методология, практика». Окончание срока приема материалов - 29 декабря 2017 года. Публикации РИНЦ

VII Ежегодная итоговая международная научно-практическая конференция «Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы». Конференция проводится 29 декабря 2017 года Центром развития научного сотрудничества с изданием сборника материалов.

II Международная молодежная научно-практическая конференция «Исследования и разработки молодых ученых: наука и практика». Конференция пройдет 30 декабря 2017 года в Новосибирске. Публикации РИНЦ

II Международная научно-практическая конференция «Культурные ценности и традиции современного общества». Прием материалов по 12 января 2018 года. Публикации РИНЦ

III Международная научно-практическая конференция «Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества». Прием материалов заканчивается 9 января 2018 года.

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

III Международная научно-практическая конференция «Научные исследования и разработки 2018 года». Срок приема материалов завершается 16 января 2018 года.

III Всероссийская научно-практическая конференция «Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике». С изданием сборника материалов. Окончание срока приема материалов - 19 января 2018 года.

III Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы экономики и управления». Материалы принимаются по 16 января 2018 года.

III Международная научно-практическая конференция «Исследования и разработки в перспективных научных областях». Материалы принимаются по 23 января 2018 года.

III Международная научно-практическая конференция «Исследования и разработки в перспективных научных областях». Материалы принимаются по 23 января 2018 года.

III Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие образования в России: проблемы и перспективы». Прием материалов по 24 января 2018 года.

III Международная молодежная научно-практическая конференция «Исследования и разработки молодых ученых: наука и практика». Конференция пройдет 30 января 2018 года в Новосибирске.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

Регламент прохождения рецензирования статей:

В соответствии с Уставом научного и социокультурного журнала «П.О.И.С.К.» все статьи, поступившие в журнал, сопровождаются двумя научными рецензиями специалистов в данной области знания.

Первичная рецензия предоставляется автором статьи совместно с текстом публикации. Рецензентом для аспиранта может являться его научный руководитель. Кроме того, рецензентом поступившего в редакцию материала может выступать специалист по данной проблеме. В рецензии должны содержаться общие оценки материала, его соответствие современному научному уровню поднимаемой проблемы, вклад автора и оценка его личной интерпретации, а также его видения изложенного материала. В конце рецензии необходимо указать наличие рекомендации к печати. Рецензент фиксирует свой отзыв подписью, заверенной в установленном порядке, а также указывает место своей работы и занимаемую должность, контактный телефон и электронный адрес.

Получив авторский материал с положительной рецензией, редакция журнала выносит его на повторное рецензирование (обсуждение) на редакционной коллегии. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

После обсуждения принимается коллективное решение о публикации, либо об отказе в публикации данного материала. Обсуждение и решение редакционной коллегии протоколируется в установленном Уставом журнала порядке и хранится в его архиве.

При проведении рецензирования учитывается, что все статьи публикуются в авторской редакции.

Рецензии на статьи, получившие положительное решение к публикации хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Редакция обязуется направить копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Данный регламент утвержден на заседании редколлегии журнала «П.О.И.С.К.»

<http://журналпоиск.рф>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.pdf) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

Regulations passing peer review articles:

In accordance with the Charter of the scientific and socio-cultural magazine «P.O.I.S.K.» all the articles received by the magazine, accompanied by two scientific review experts in the field of knowledge.

Initial review provided by the author together with the text of the publication. Reviewer for graduate students may be his supervisor. In addition, the reviewer Received material can act expert on this issue. The review must contain the overall rate of the material, its compliance state of scientific progress raises issues, the contribution of the author and the evaluation of his personal interpretation, as well as his vision of the material. At the end of the review must specify the presence of the recommendations for printing. Reviewer captures a review signature, duly certified, as well as indicate their place of work and position, contact telephone number and email address.

Having copyrighted material with positive reviews, Editorial Board makes it for re-review (discussion) on the editorial board. After discussion, it adopted a collective decision to publish, or to refuse the publication of this material. Discussion and decision of the Editorial Board shall be recorded in the log procedure established by the Charter and stored in its archive.

In conducting the review takes into account that all the articles published in the original edition.

Reviews of the article, received a positive decision for publication in the magazine are stored for 5 years. Revision shall send copies of the reviews in the Ministry of Education and Science when requested.

<http://журналпоиск.pdf>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 6 (65)
Ноябрь - Декабрь 2017 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский Университет Транспорта»

Издатель

РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва, ул. Образцова д.9
стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф